

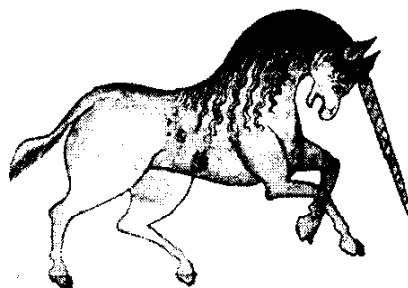
ЯРОСЛАВЪ

ЯРОСЛАВ
МУДРЫЙ
И ЕГО
ЭПОХА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Сборник подготовлен и опубликован в рамках проекта
«Политические институты и верховная власть в домонгольской Руси»
программы ОИФН «Власть и общественные институты
в историческом процессе: механизмы функционирования,
конфликты, реформы, революции»

Под редакцией

д.и.н. И.Н. Данилевского
д.и.н. Е.А. Мельниковой

Ответственный секретарь

А.С. Щавелев

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЯРОСЛАВ
МУДРЫЙ
И ЕГО
ЭПОХА

МОСКВА «ИНДРИК» 2008

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
Я 76

*Сборник подготовлен и опубликован в рамках проекта
«Политические институты и верховная власть в домонгольской Руси»
программы ОИФН «Власть и общественные институты
в историческом процессе:
механизмы функционирования, конфликты, реформы, революции»*

Под редакцией
д. и. н. *И. Н. Данилевского,*
д. и. н. *Е. А. Мельниковой*

Ответственный секретарь
А. С. Щавелев

Ярослав Мудрый и его эпоха. — М.: «Индрик», 2008. — 216 с.

ISBN 978-5-85759-415-5

ISBN 978-5-85759-415-5

© Коллектив авторов, 2008
© Институт всеобщей истории РАН, 2008
© Издательство «Индрик», 2008

Содержание

<i>И.Н. Данилевский, Е.А. Мельникова.</i> От редакторов	6
<i>П.П. Толочко.</i> О происхождении Ярослава Мудрого	8
<i>А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский.</i> Младшие сыновья и старшие внуки Ярослава Мудрого (из истории имянаречения у Рюриковичей)	15
<i>А.В. Назаренко.</i> Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели — реальные и мнимые	30
<i>С.Л. Никольский.</i> «Древнейшая правда» Ярослава: дружинное право в становлении государственного законодательства	55
<i>А.С. Щавелев.</i> К вопросу о первом съезде князей Рюриковичей	68
<i>Е.А. Мельникова.</i> Балтийская политика Ярослава Мудрого	78
<i>И.Н. Данилевский.</i> Зарождение государственной идеологии в Древней Руси	134
<i>В.М. Рычка.</i> «Город Ярослава»: символическое содержание летописного образа	153
<i>В.Я. Петрухин.</i> Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание	167
<i>М.В. Бибиков.</i> «И прекладаша отъ грекъ на словеньскый языкъ»	181
<i>Ю.А. Артамонов.</i> Монастырское строительство на Руси в эпоху Ярослава Владимировича	187
<i>Н.Ф. Котляр.</i> Ярослав и его время в общественном сознании второй половины XI — XIII в.	202
Список сокращений	215

От редакторов

20 февраля 1054 г. в Вышгороде, неподалеку от Киева скончался великий князь киевский Ярослав Владимирович, проживший долгую жизнь и 35 лет стоявший во главе крепнущего Древнерусского государства. Ярослав удостоился панегирика летописца, который отмечал выдающиеся заслуги князя в насаждении «ученья книжного», в церковном и монастырском строительстве, а также в победах над врагами «новых людей хрестьянских». У потомков же Ярослав заслужил прозвище Мудрый.

Время правления Ярослава — отдельная эпоха в истории Древней Руси, явно недооцененная в историографии. Мало кто из русских князей стоял во главе государства столь долгое время. Однако дело не только в длительности княжения Ярослава. Главным историческим содержанием его эпохи было завершение многообразных процессов становления Древнерусского государства.

Именно в эпоху Ярослава происходят кардинальные изменения практически во всех областях общественной жизни Руси. На смену дружинной форме управления государством приходят властные институты с разделением потестарных функций. Силовые методы борьбы за власть уступают место договорным разделам княжений, которые в дальнейшем станут предметом обсуждений и соглашений на княжеских съездах. Происходит первая запись правовых норм, пусть еще для ограниченного круга субъектов права. Упорядочивается порядок наследования киевского стола по принципу старейшинства. Начинают формироваться государственная идеология и представления о богоданности княжеской власти. Укрепляется и усложняется церковная организация, и Ярослав делает первую попытку ослабить зависимость древнерусской церкви от византийской. Возникают и получают княжескую поддержку монастыри, которые становятся средоточием духовной жизни молодого государства, где осуществляются переводы византийских со-

чинений, как богословских, так и исторических на древнерусский язык, закладываются основы летописания, создаются первые литературные произведения. При Ярославе существенно разрастается и отстраивается столица Руси — Киев, в котором, как и в других крупнейших центрах государства возводятся соборы и церкви, в первую очередь, соборы Св. Софии в Киеве, Новгороде и Полоцке. Чрезвычайно расширяется круг международных контактов Руси: более или менее прочные отношения связывают молодое государство и со старыми, традиционными «партнерами»: Византией, Швецией и — после периода военного противостояния — с Польшей, а также с новыми контрагентами — Данией, Норвегией, Германией, Францией и даже Англией и Венгрией. При этом существенно расширяются формы международных связей: широко используются не только матримониальные союзы (браки самого Ярослава, его многочисленных сыновей и дочерей, а также сестер), но и дипломатические процедуры, включая обмен посольствами, заключение договоров, использование политической и военной помощи союзников, а также приемы тайной дипломатии. Имя Ярослава становится широко известно в средневековом мире. О его деятельности упоминают хронисты практически из всех стран Европы, в литературной же традиции Скандинавии он предстает символом русского правителя. Равно и на Руси потомки постоянно обращаются к его памяти, находя образец и оправдание своих поступков в многогранной деятельности Ярослава.

20 февраля 2004 г. Институт всеобщей истории отметил память великого киевского князя, одного из основателей Древнерусского государства, конференцией «Ярослав Мудрый и его эпоха». В ней приняли участие ученые Москвы и Киева, объединившие свои исследования, чтобы прояснить значение поистине огромного вклада, внесенного Ярославом Владимировичем Мудрым в историю нашего отечества. По материалам докладов, прочитанных на этой конференции, подготовлены статьи, которые и публикуются в настоящем сборнике.

И.Н. Данилевский, Е.А. Мельникова

О происхождении Ярослава Мудрого

Происхождение Ярослава, несмотря на сравнительно полную информацию о нем в летописях, не может считаться исчерпывающе ясным. В историографии нет разночтений, пожалуй, только в отношении его отца, которым был Владимир Святой. Все остальное: год рождения, мать, родство и возрастное соотношение с братьями подвергнуто сомнениям.

Еще Н.И. Костомаров, находясь под впечатлением рассказа Лаврентьевской летописи под 1128 г. об Изяславе Владимировиче, якобы спасшем мать Рогнеду от расправы мужа, и последовавшей затем вековой вражде Изяславичей и Ярославичей, пришел к выводу, что едва ли можно считать Ярослава сыном Рогнеды¹. О том, кто была мать Ярослава, Н.И. Костомаров определенного суждения не имел. Похоже, что ни одну из летописных жен Владимира он не считал его матерью, иначе, как можно объяснить его фразу: «Не являясь единоутробным братом полоцкого князя, Ярослав не был единоутробным братом и других сыновей своего отца»². Последующие исследователи также испытывали большие затруднения в определении места Ярослава среди двенадцати его братьев, рожденных от разных матерей. Особенно остро этот вопрос дискутировали в связи с его борьбой за власть со Святополком.

Историки пытались установить, кто из них обладал правом старшинства. Ответ здесь в большинстве случаев был благоприятен для Святополка. Аналогичная проблема возникала в отношении Ярослава и Мстислава, и также в связи с их претензиями на Киев. И здесь мнения ряда историков склонялись в пользу Мстислава. Свидетель-

---

¹ Костомаров Н.И. Киевский князь Ярослав Владимирович // Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1990. С. 203–204.

² Там же. С. 203.

ство самого черниговского князя о старшинстве Ярослава, как считает Н.Ф. Котляр, было выдумкой летописца, призванной обосновать династическое право Ярослава владеть Киевом и Русью³. В последнее время появились работы, в которых Ярослав объявляется моложе всех основных претендентов на киевский престол, а матерью его — византийская принцесса Анна⁴. В вышедшей в серии ЖЗЛ книге А.Ю. Карпова «Ярослав Мудрый» утверждается, что «старший» Мстислав — если он вообще существовал, а не попал в летопись по ошибке — скорее всего, умер еще в детстве⁵.

Может показаться удивительным, но затруднения с определением возраста Ярослава испытывали и летописцы. Впервые его имя упомянуто Повестью временных лет в статье 980 г. Рассказав о женитьбе Владимира на Рогнеде, летописец затем сообщает о том, что «от нея же роди четыре сыны: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, а две дщери». Далее перечисляется рождение сыновей Владимира от других жен: «От грекине — Святополка; от чехине — Вышеслава; а от другое (чехини. — П.Т.) — Святослава и Мстислава; а от болгарыни — Бориса и Глеба»⁶. В приведенном тексте ничего не говорится о последней жене Владимира Анне, что, возможно, указывает на то, что запись была сделана еще до христианского брака Владимира, или же на то, что Анна не родила Владимиру сыновей.

Летописная статья 988 г. сообщает, что у Владимира было не десять сыновей, как то явствует из статьи 980 г., а 12. «Бе бо у него сынов 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстислав, Борисъ, Глебъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ»⁷. Продолжая рассказ о сыновьях Владимира, летописец сообщает о «посаждении их на столы», правда уже в несколько ином порядке. «И посади Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершю же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревехъ, Всеволода Володи-

---

³ Котляр М.Ф. Історія України в особах. Давньоруська держава. Київ, 1996. С. 79.

⁴ Таланин В.И. У истоков Руси. Очерки истории IX–XI вв. Запорожье, 2001. С. 194–195.

⁵ Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 16.

⁶ ПВЛ. С. 37.

⁷ ПВЛ. С. 54.

мери, Мстислава Тмуторокани»⁸. В такой последовательности называют сыновей Владимира и поздние летописные своды, а также В.Н. Татищев.

Разумеется, слишком доверяться свидетельствам летописи об очередности рождения сыновей Владимира не стоит. Последовательными были только его языческие браки, но жил он со своими женами одновременно и дети (по крайней мере, некоторые) рождались практически одновременно. Оттого летописцам и было так трудно расположить их в строгом хронологическом порядке. К тому же, видимо, не все из них выжили, достигнув княжеского возраста. Ничего не известно о судьбе, к примеру, Станислава и Позвида, незаметно исчезает также один из Мстиславов.

Последнее обстоятельство имеет отношение к проблеме возраста Ярослава, а поэтому стоит хотя бы коротко остановиться на нем. Мстислав в перечне сыновей Рогнеды назван третьим, перед Ярославом. Затем сообщается, что «другая» чехиня родила Владимиру Святослава и Мстислава. Объяснений этому может быть два: ошибка летописца, приписавшего одной из жен киевского князя лишнего сына по имени Мстислав, или появление второго Мстислава после смерти первого. Думается, второе объяснение предпочтительнее — и вот почему. Если бы остался жив первый Мстислав, то в перечне двенадцати сыновей, а затем и в порядке занятия княжеских столов он непременно стоял бы после Изяслава или, в худшем случае, после Святополка, но перед Ярославом. В перечне, однако, Мстислав стоит после Святослава и такое же место занимает в рассказе о наставлении княжичей. Следовательно, мы вправе полагать, что в этих двух известиях речь идет о Мстиславе, родившемся от «другой» чехини, младшем и неединоутробном брате Ярослава. Следовательно, когда он обратился к последнему: «Сяди в своемъ Киеве: ты еси старейшей братъ»⁹, — это была чистая правда, и не следует в данном случае подозревать летописца в намеренной выдумке.

Что касается пары Святополк — Ярослав, то в ней старшим был именно первый. Важным, хотя и опосредованным свидетельством относительного возраста Ярослава, являются слова князя Бориса, сказанные им дружине, которая убеждала его немедленно выступить на Киев и сесть на отцовский стол: «Онъ же рече: „Не буди мне възняти руки на брата старейшаго: аще и отец ми умре, то съ

---

⁸ Там же.

⁹ ПВЛ. С. 65.

ми буди въ отца место“»¹⁰. Из сказанного видно, что Борис осознавал, что старшим из оставшихся в живых сыновей Владимира был Святополк, и именно в нем он видел наследника киевского стола.

Видимо, уже во время правления Ярослава летописная традиция претерпела изменения и постепенно начала формироваться мысль о его старшинстве, а, следовательно, и преимущественном праве на киевский престол. Рассказывая о преступлениях Святополка, летописец объясняет их юностью князя, который любил вино пить и советоваться с такими же молодыми советниками: «Люте бо граду тому, в нем же князь унь, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми светники»¹¹.

В утверждении на киевском столе Святополка летописец видит Божью кару и цитирует слова Исая: «Отъиметь Господь от Иерусалима крепкаго исполина, и человека храбра, и судью, и пророка, и смерена старца, и дивна светника, и мудра хитреца, и разумна послушлива. Поставлю уношу князя имъ, и ругателя обладающа ими»¹². По мнению летописца, беды, которые обрушились на Русь после смерти Владимира, произошли оттого, что киевский стол занял юный и нерассудительный князь.

Совершенно естественно, что антитезой ему должен быть князь старший по возрасту и более опытный. Трудно сказать, знали ли летописец о реальном возрастном соотношении сыновей Владимира, но сама библейская формула требовала, чтобы Святополка сменил на киевском столе человек старший годами и умудренный опытом. Так постепенно создавалась легенда о старшинстве Ярослава среди сыновей Владимира на момент его смерти.

Окончательно убеждала в этом современников и потомков фраза посмертного панегирика Ярославу Мудрому: «Живе же всех лет 70 и 6»¹³. Зная дату смерти (1054 г.) нетрудно вычислить и год его рождения — 978 г. Тем не менее, непредубежденный анализ фактов не позволяет принять эту дату как достоверную. Сомнения порождают сами письменные источники, в том числе и Повесть временных лет, содержащая внутренние хронологические противоречия. Рассказ о вокняжении Владимира в Киеве после того, как он насильно взял в жены дочь Рогнеду, дочь полоцкого князя Рогво-

---

¹⁰ ПВЛ. С. 59.

¹¹ ПВЛ. С. 62.

¹² Там же.

¹³ ПВЛ. С. 70.

лода, помещен в Повести временных лет под 980 г. В другой статье содержится утверждение, что Владимир княжил в Киеве 37 лет, т.е. утвердился он в Киеве в 978 г. Эту же дату, но более точно — июнь 978 г. — сообщает нам и Иаков Мних. Это значит, на престол Владимир взошел в 978 г.

В.Н. Татищев с недоверием отнесся к свидетельствам Повести временных лет о женитьбе Владимира на Рогнеде в 980 г. В примечаниях к четвертому тому своей истории он пишет, что, хотя Нестор и описывает события под 980 г., в действительности оно совершилось намного ранее. Что же касается рождения Ярослава, то, согласно историографу, его следует датировать 978 г., поскольку известно, что умер он в 1054 г. — через 76 лет. Резко диссонирует с приведенными выше свидетельствами расчет лет, содержащийся в летописной статье 1016 г. Повести временных лет: «Ярославъ же седе Кыеве на столе отъни и дедни. И бы тогда Ярославъ леть 28»¹⁴.

Согласиться с сообщениями Повести совершенно невозможно: временем рождения Ярослава, в таком случае, был бы 988 г., когда Владимир уже женился на Анне. Но мы знаем, что у Ярослава были и младшие братья, рожденные не от Анны и задолго до принятия христианства. А.А. Шахматов полагал, что чтение Лаврентьевского списка исправнее чтения других летописей, но названная цифра означает не возраст князя, а время его правления в Новгороде. Согласиться с этим совершенно невозможно ибо, в таком случае, занять новгородский стол он должен был уже в 988 г. Но до Новгорода он ведь еще княжил и в Ростове.

С.М. Соловьев вышел из этой ситуации таким образом: летописец имеет в виду не возраст Ярослава и не время его княжения в Новгороде, а совокупное пребывание на севере. Неправильным историк считал летописное утверждение о том, что в год смерти Ярославу было 76 лет. Если бы это было действительно так, тогда он не мог быть сыном Рогнеды, а, главное, был бы старше Святополка, что противоречит признанию св. Борисом старшинства последнего.

Сомнение С.М. Соловьева нашло подтверждение в анатомических и рентгенологических исследованиях скелета Ярослава Мудрого в 1939 г., найденного в мраморной гробнице в Софии Киевской. Судебно-медицинская экспертиза, проведенная почти через 900 лет после смерти великого киевского князя, обнаружила целый ряд фактов, которые ни один другой источник дать не может.

---

¹⁴ ПВЛ. С. 63.

Как известно, в некоторых поздних летописях, в частности Густынской и Тверской, содержатся подробные рассказы о болезни Ярослава, которая приковывала его к постели до десятилетнего возраста. «Сынъ же ея (Рогнеды. — П. Т.) Ярославъ сидяще у нея бе бо естествомъ таковъ от рождения»¹⁵. Исцеление якобы наступило неожиданно в 988 г., когда Ярослав услышал слова отца о разрыве с матерью. Вот как представлял себе это автор Густынской летописи: «Сынъ же ея (Рогнеды. — П. Т.) Ярославъ, хром сии отъ чрева матере своя, иже бе при ней сидя»¹⁶. Никоновский летописный свод датирует рождение Ярослава 988 г. Все эти свидетельства не оригинальны, а являются результатом несложного пересчета возраста Ярослава на основании замечания статьи 1016 г. Повести временных лет о том, что в момент занятия киевского стола ему было 28 лет.

Видимо, в определении возраста Ярослава следует, все же, больше полагаться на результаты антропологических исследований. По Д.Г. Рохлину, временем его рождения был 986 г.¹⁷ Согласно В.В. Гинзбургу, костяк в мраморной гробнице Софии Киевской принадлежал человеку 60–70-ти лет¹⁸. Практическое совпадение даты, предложенной Д.Г. Рохлиным, и ранней даты В.В. Гинзбурга дает основания предполагать, что 984–986 гг. являются наиболее близкими к реальным. Автором этих строк в свое время был предложен 983 г. как год рождения Ярослава, что также близко к антропологическим датам.

Казалось бы, принятие одной из приведенных выше дат рождения Ярослава снимает вопрос о том, кем была его мать. Но поскольку в литературе время от времени высказываются сомнения и на этот счет, остановимся на нем несколько подробнее. К счастью, в летописях разночтений нет. Под 980 г. Повесть временных лет называет Ярослава среди четырех сыновей Рогнеды. А запись 1000 г., сообщающая о смерти княгини, уточняет, что она мать Ярослава. «В се же лето преставися Рогнедь, мати Ярославля»¹⁹. Нет сомнения,

---

¹⁵ ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 2. 1-е изд. Густынская летопись. С. 258.

¹⁶ Русские летописи. Рязань. 2000. Т. 6. Тверская летопись. С. 221.

¹⁷ Рохлин Д.Г. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. 7. С. 46–57.

¹⁸ Гинзбург В.В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерды // Там же. С. 57.

¹⁹ ПВЛ. С. 57.

что эта запись сделана во времена княжения Ярослава Мудрого, а поэтому летописец счел необходимым специально подчеркнуть, кем приходилась преставившаяся Рогнеда великому киевскому князю.

Это прямые свидетельства, но есть и косвенные, и также весьма убедительные. Как известно, старший сын Ярослава от первого брака был назван Владимиром в честь деда. Второй сын получил имя Изяслава в честь старшего брата Ярослава, что, несомненно, указывает, во-первых, на их единоутробность, а, во-вторых, опровергает легенду, сочиненную летописцем XII в., об извечной вражде между братьями и их многочисленным потомством. Третий сын Ярослава был назван Святославом, скорее всего, в честь прадеда, четвертый — Всеволодом в честь еще одного единоутробного брата Ярослава. Следующие его сыновья получили имена Игоря и Вячеслава. В родопочитательном ряду Ярослава практически не нашлось места именам неединоутробных братьев.

Сказанное выше, не оставляет сомнений в том, что матерью Ярослава была полоцкая княжна. Примечательно, что именно род Рогнеды и Владимира в будущем будет представлять династию Рюриковичей на Руси.

**Младшие сыновья и старшие внуки
Ярослава Мудрого
(из истории имянаречения у Рюриковичей)**

Время Ярослава Мудрого с полным на то основанием считается одним из самых интересных и значимых периодов в истории средневековой Руси. Очень важно оно и для истории русской антропонимики, прежде всего антропонимики княжеской. Система династического имянаречения в домонгольской Руси развивалась как взаимодействие двух «стихий», двух ономастических начал — именослова собственно княжеского, исконного, языческого по своему происхождению и именослова, так сказать, календарного, привнесенного христианской церковью при деятельном участии самих князей Рюриковичей.

Взаимодействие это началось, разумеется, не при Ярославе, и определенные принципы выбора христианских имен, как и сама идея сохранения имен исконных, родовых, была во многом заложена при его отце, крестителе Руси, князе Владимире Святославиче. Однако именно с детей и внуков Владимира Святого начинается эпоха, когда наследники княжеских столов воспитываются в христианстве с младенчества, когда времена христианизации династии на глазах отходят в область семейной истории, а обычаи, пришедшие с крещением, стремительно превращаются в устойчивую церковно-княжескую традицию, с каждым поколением все более сложную и разветвленную.

Главными приметами княжеского именослова XI — начала XII в. были два, казалось бы, взаимоисключающие процесса: то относительно независимое, параллельное функционирование двух систем именования, родовой и календарной, о котором мы упомянули выше, и постепенное становление календарного, христианского антропонима в качестве династического имени князя. Попросту говоря, со времен Владимира Святого каждый Рюрикович непременно был обладателем христианского имени, полученного при крещении.

При этом зачастую у него было и другое, исконное имя, связывающее его с более древней, еще дохристианской историей рода. Эти-то имена и употреблялись в течение достаточно долгого времени гораздо чаще имен христианских, крестильных. По крайней мере, в летописях мы обнаруживаем, например, множество упоминаний киевского князя *Ярослава*, его сыновей *Владимира*, *Всеволода* или *Вячеслава*, внуков *Ростислава*, *Святополка* или *Владимира*, тогда как крестильные имена всех этих лиц лишь в редких случаях фигурируют в летописном повествовании, чаще же они должны извлекаться из других источников, восстанавливаться по косвенным данным, причем степень надежности таких реконструкций весьма различна, так что иногда у нас попросту нет сколько-нибудь точных данных о крестильном имени того или иного князя.

Вместе с тем, со второй половины XI в. появляются правители — Рюриковичи, которые фигурируют в текстах исключительно под своими христианскими именами и, по всей видимости, эти имена были у них единственными, совмещавшими в себе функции родового и крестильного¹. Однако в эпоху Ярослава Мудрого было еще далеко до столь разительных преобразований в системе княжеского имянаречения. Сам Ярослав, как и все его сыновья, носили как минимум два имени — исконное, пришедшее к ним из отцовского рода, и христианское, данное при крещении.

Более того, именно в это время некалендарный княжеский именовослов еще вполне мог активно пополняться новыми именами. Само по себе это обстоятельство легко объяснимо и при этом достаточно нетривиально. Дело в том, что династический именовослов был чрезвычайно консервативен и плохо проницаем для всяческих инноваций. Наследников власти нарекали в честь умерших предков или давали им имена, представляющие собой комбинацию из основ двусоставных княжеских имен.

В этом отношении довольно любопытен способ наречения исконным именем самого Ярослава Мудрого и одного из его братьев. При Владимире Святославиче архаический принцип варьирования основ двусоставного княжеского имени был еще весьма актуален, так что два сына этого князя, родной и приемный (?), получили имена, как бы заранее обрекавшие их на соперничество. Оба име-

---

¹ См. подробнее: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006 (Труды по филологии и истории). С. 111–174.

нования этих княжичей являли собой комбинацию из имен их родного деда, и еще одного предка, который приходился дядей одному из них и, возможно, был биологическим отцом другого — Святослав и Ярополк трансформировались в Ярослав и Святополк. Таким образом, Ярослав Владимирович получил имя, вроде бы не встречавшееся в прежних поколениях Рюриковичей, и, тем не менее, вполне родовое — и династическое и традиционное.

Ярослав же выбрал для одного из своих младших сыновей имя *Вячеслав*, тогда как для одного из старших внуков — *Ростислав*. Таких имен мы не обнаруживаем в предшествующих поколениях Рюриковичей, более того, если имена с основой на *-слав-* встречаются в изобилии, то основ *-вяч-* и *-рости-* мы тоже ни у кого из известных нам старших родичей этих княжичей не находим.

Причины подобной инновации, предпринятой Ярославом, можно было бы связать с естественным разрастанием рода Рюриковичей, однако это простое объяснение не совсем годится в данном случае. В самом деле, в распоряжении Ярослава уже имелся относительно большой список мужских княжеских имен, принадлежавших умершим членам рода, прежде всего его собственным покойным братьям, ведь у Владимира Святого сыновей было больше, чем у Ярослава. Однако Ярослав посчитал для себя возможным использовать лишь некоторые из имен братьев. Часть из них явно оказались по каким-то причинам нежелательными. Сейчас мы можем лишь пытаться реконструировать эти причины, и наши реконструкции, разумеется, всегда будут уступать точному знанию, определенно зафиксированному факту. Однако необходимо помнить о том, что выбор имени (или, как обратная сторона такого выбора, — невостребованность каких-либо имен) — это чрезвычайно весомый факт в жизни династии, которая на протяжении всего своего существования стремилась ничего не упускать и не оставлять незадействованным из своего антропонимического фонда без должных на то оснований.

В этой связи кажутся относительно прозрачными причины небрежения, которое Ярослав проявил к уже упоминавшемуся имени своего брата, родного или сводного, Святополка Окаянного. Распря с ним — одно из самых драматических событий, последовавших за кончиной Владимира Святого в 1015 г., и ход этого противостояния подробно описан в источниках. Однако если придерживаться канонической версии об убийстве свв. Бориса-Романа и Глеба-Давида Святополком, оказывается совершенно непонятным, поче-

му победитель Ярослав не дал ни одному из своих сыновей имена невинных жертв *Борис* и *Глеб*. Не означает ли это, что Борис и Глеб вовсе не сразу заняли то место в идеологической программе Ярослава Мудрого и княжеской истории в целом, каковое им довелось занять во второй половине столетия?

Этот антропонимический сюжет выглядит еще более напряженным, если принять во внимание, что среди имен старших внуков киевского князя, появившихся на свет при его жизни, фигурируют на равных как имя предполагаемого убийцы, *Святополк*, так и имена (крестильные и родовые) самих святых мучеников. В выборе этих имен дед, по-видимому, не просто принимал участие, а был главным действующим лицом — при всей скудости наших знаний о процедуре имянаречения в XI в., на сей счет мы располагаем непосредственным свидетельством самого знаменитого и могущественного из Ярославовых внуков, Владимира Мономаха, который в своем «Поучении» прямо сообщает, что именами, родовым и христианским, его нарек именно дед². Это и неудивительно, коль скоро Ярослав оставался полновластным главой рода и сосредоточением власти этого рода над русской землей.

Иными словами, мы можем с достаточной уверенностью предположить, что Ярослав в именах детей и старших внуков воплотил некие собственные представления о том, какой должна быть дальнейшая судьба династии и какие аспекты христианской традиции для нее наиболее существенны, более того, мы можем наблюдать изменения этой стратегии во времени. Как уже говорилось, имена для внуков Ярослав выбирал, по-видимому, уже на несколько иных основаниях, нежели имена для старших сыновей, хотя и в том, и в другом случае его выбор в целом укладывался в традиционную систему принципов княжеского имянаречения.

Мы хотели бы обратить здесь внимание именно на те случаи имянаречения, которые не являются целиком и полностью результатом действия родовой традиции, а несут на себе отпечаток индивидуальной воли Ярослава, воли, проявляемой им в связи с тем или иным поворотом его светской и церковной политики. Так, достаточно скудны, например, наши знания о культе общехристианских святых на Руси в ту пору. Поэтому для нас чрезвычайно Примеча-

---

² «Азь худыи дедомъ своимъ Ярославомъ блгсвлнымъ славнымъ нареченемъ въ крещнїи Василии Русьскимъ именемъ Володимиръ» (ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 240).

тельно, какие именно христианские имена выбирает для своих внуков Ярослав Мудрый.

Крестильное имя Владимира Мономаха, *Василий*, как раз выглядит данью крепнувшей родовой традиции — нарекать новорожденного именем того святого, в чью честь прежде уже был крещен кто-то из предков мальчика. *Василием* в крещении, как известно, звался прадед ребенка, Владимир Святой, и Мономах становился, таким образом, полным — и по родовому, и по христианскому имени — тезкой крестителя Руси. Куда более интересен выбор имени для кузена Владимира Всеволодовича, сына Изяслава Ярославича — Святополка. Как мы достоверно знаем из летописи, в крещении его нарекли *Михаилом*. Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении источникам, в предыдущих, впрочем, совсем немногочисленных, поколениях крещеных Рюриковичей *Михаилов* не было. Внесение этого имени в княжеский обиход, по-видимому, следует считать делом рук Ярослава Мудрого, причем предпринятым на достаточно поздних этапах его киевского княжения.

Факт выбора для Святополка Изяславича именно этого крестильного имени оказывается еще более весомым, если мы вспомним, что среди внуков Ярослава, появившихся на свет, судя по всему, при жизни деда, был как минимум еще один *Михаил* — сын Святослава Ярославича Олег, чье христианское имя надежно известно по письменным и нумизматическим источникам. Строго говоря, если верить свидетельству В.Н. Татищева³, *Михаилом* был и еще один внук Ярослава, главный наследник его старшего сына от брака с Ингигерд, Ростислав Владимирович. Косвенным аргументом в пользу такого допущения может служить последующая популярность антропонимической пары *Ростислав-Михаил* в династии Рюриковичей. В XI в. ее обладателем, по-видимому, был еще один внук Ярослава, младший брат Владимира Мономаха, который, впрочем, родился в 1070 г., уже после смерти своего деда. Весьма вероятно, что этот младший кузен был наречен в честь скончавшегося в 1067 г. Ростислава Владимировича, а это, в свою очередь, несколько прибавляет вероятности утверждению о том, что этот последний в крещении был *Михаилом*.

---

³ См.: Татищев В.Н. История Российская / Подг. к печати М.П. Ирошниковой, З.Н. Савельевой; под ред. А.И. Андреева, С.Н. Валка, М.Н. Тихомирова. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 78.

Итак, у нас есть два Ярославовых внука, которые были *Михаилами* в крещении наверняка, третий внук, чье наречение этим же именем весьма вероятно; и еще один, который был *Михаилом*, скорее всего, и хотя родился он далеко не сразу после кончины деда, его имянаречение, по всей видимости, призвано было продолжить некую тенденцию, заданную дедом. Такое изобилие, примечательное даже для обширной семьи Рюриковичей, где никогда не чурались повтора одних и тех же имен в одном и том же поколении, выглядит весьма убедительным свидетельством не случайного, окказионального предпочтения фигуры архистратига Михаила и имени *Михаил* как такового, но бурно развивающегося по княжеской инициативе Михайловского культа.

Само собой разумелось, что нареченные этим именем княжичи (а зачастую и их отцы — в ознаменование рождения и наречения сына) начинали строить церкви и монастыри во имя святого покровителя. Достаточно упомянуть здесь Святополчь Златоверхий монастырь в Киеве⁴ или церковь, которую построил Всеволод Ярославич в год рождения его сына Ростислава⁵. В дальнейшем, это церковное строительство, равно как и почитание архистратига Михаила, продолжалось, распространялось и развивалось. Разумеется, существование на Руси этого культа, быть может, лишь слегка потесненного Георгиевской и Андреевской традицией, не является новостью. Существенно, однако, что он начал активно внедряться, судя по всему, именно Ярославом Мудрым.

Причины, по которым этот князь, в крещении нареченный в честь св. Георгия, уделял внимание предводителю небесного воинства во второй половине своего правления, следует искать сразу в нескольких областях культурного и политического сознания той эпохи. Нет специальной необходимости лишней раз упоминать о том, что культ св. Михаила был достаточно распространен в Византии, или о том, что имя архистратига Михаила было более чем

---

⁴ Любопытно, что он был освящен на память другого св. Михаила, Михаила Малеина (11 июля) (ПСРЛ. Т. I. Стб. 283; Т. II. Стб. 259); ср.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. К характеристике культа святых у Рюриковичей XI–XII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). Сентябрь. С. 56–58.

⁵ «Родися у Всеволода снь и нарекоша именем Ростиславъ в се же лето заложена бысть цркы стаг Михаила в монастыре Всеволожи» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 174, под 1070 г.).

пригодным для ранней княжеской традиции, когда предпочтение при выборе патрональных святых нередко отдавалось святым воинам, чьи изображения были снабжены столь близкими сердцу предводителей дружины милитарными атрибутами. Однако отметим все же, что на Руси почитание св. Михаила расцветает, судя по ономастическим данным, лишь к середине XI в., а не на самых ранних стадиях рецепции христианства. Не исключено поэтому, что кроме перечисленных выше общеочевидных факторов, здесь сыграли роль и другие обстоятельства. Во всяком случае, нам представляются довольно выразительными те параллели, что обнаруживаются в духовной традиции других государств, не связанных столь очевидными узами преемственности с византийским изводом христианства.

Обращает на себя внимание, как выделяли фигуру св. Михаила, причудливо вплетая ее в еще языческую обрядность, правители стран поздней христианизации, которые сами были христианами во втором, а то и в первом поколении. Прежде всего, стоит вспомнить эпизод, связанный со скандинавским конунгом Свейном Виллобородым на тризне по своему отцу, крестителю Дании, Харальду Синезубому. Согласно сагам, прежде чем взойти на престол Свейн поднял кубок в память своего отца и «дал обет, что до того, как пройдут три года, он пойдет походом на Англию и убьет Адальрада конунга или прогонит его из страны. Этот кубок должны были пить все, кто был на пиру. Вождям йомсвикингов наливали в самые большие рога, и напиток — самый крепкий из тех, что там были. Когда этот кубок был выпит, все должны были выпить кубок в память Христа. И снова йомсвикингам наливали допона и самого крепкого напитка. Третий кубок был в память Михаила, и все должны были его выпить»⁶.

Эта реплика, произнесенная на поминальной тризне, отнюдь не была чем-то уникальным для скандинавской культуры первых веков христианизации. Характерно, что на камнях с младшеруническими надписями, поставленных в память об умерших, — там, где появляются какие бы то ни было словесные формулы, связанные с христианской традицией, — архангел Михаил упоминается гораздо

---

⁶ См.: *Снорри Стурлусон. Круг Земной* / Подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 120; *Heimskringla / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1893. B. I (SUGNL. B. 23). S. 320–323.*

чаще, чем кто бы то ни было из святых⁷. По-видимому, в странах, получивших крещение в ту же эпоху, что и Русь, особенно ярко воспринимались те функции св. Михаила, которые, вообще говоря, приписывались ему и общехристианской традицией: он считался своеобразным покровителем умерших или, скорее, медиатором между миром живых и миром мертвых, что неизбежно связывало его в сознании недавних язычников с родовыми традициями почитания предков, а иногда, быть может, и с заступничеством за души тех членов рода, которые не успели креститься при жизни⁸.

У нас есть все основания полагать, что именно такие мотивы продления христианской истории собственного рода руководили Ярославом Мудрым во второй половине его правления. Об этом свидетельствует, в первую очередь, знаменитый акт крещения костей Олега и Ярополка Святославичей, предпринятый им в 1044 г. Здесь мы не будем подробно останавливаться на религиозно-символическом значении этого акта и на том, в какой мере он противоречил церковным канонам⁹. Отметим лишь, что ближайшее соответствие подобной практике, когда останки ближайших родителей, похороненных по языческому обряду, переносились их крещеными наследниками в церковь, обнаруживается у скандинавских конунгов и знатных людей. Такую процедуру с костями своих родителей проделал, в частности, Харальд Синезубый, отец упоминавшегося только что Свейна Вилобородого.

Для нас же весьма показательным, что во всех отношениях загадочное событие 1044 г., произведшее, по-видимому, немалое впечатление на современников Ярослава, князь счел нужным отразить и в выборе имен для своих внуков. Двум из них он дал исконные княжеские имена своих дядьев: так в династии появились *Олег Святославич* и *Ярополк Изяславич*. Существенно при этом, что среди сыновей самого Ярослава и среди детей его отца, Владимира Святого, ни *Олегов*, ни *Ярополков*, насколько мы знаем, не было. Иными сло-

---

⁷ См.: *Beskow P. Runor och liturgi // Nordens kristnande i europeiskt perspektiv. Tre uppsatser av Per Beskow & Reinhart Staats. Skara, 1994 (Occasional Papers on Medieval Topics 7). S. 29–30.*

⁸ Об этих аспектах культа архангела Михаила см.: *Добиаши-Рождественская О.А. Культ св. Михаила в латинском средневековье V–XIII веков. Пг., 1917.*

⁹ См. о нем с указанием литературы: *Успенский Ф.Б. Скандинавы — Варяги — Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 141–168.*

вами, в середине XI в. эти родовые имена были воскрешены к жизни после перерыва в два поколения, что не так уж мало по династическому счету Рюриковичей.

Немаловажно также, что один из этих внуков, как мы помним, в крещении получил имя *Михаил*, и это обстоятельство, как кажется, может служить косвенным подтверждением того, что фигура архангела Михаила, помимо очевидных воинских коннотаций, ассоциировалась в это время на Руси и с идеей заступничества за умерших членов рода, а совсем уж опосредованным образом — с традиционной идеей воплощения предка в потомке, своеобразной «реинкарнацией», мысль о которой с поразительным успехом встраивается в христианский обиход русских князей.

Что же касается своеобразного моделирования Ярославом Мудрым родового прошлого, то вполне вероятно, что свое начало оно берет еще в ту пору, когда на свет появляются младшие дети князя. Во всяком случае, именно такая стратегия кажется наиболее простым объяснением для появления у одного из его сыновей имени *Игорь*, принадлежавшего прадеду Ярослава и совершенно неожиданно не только забытого в течение двух поколений, но «не пригодившегося» даже никому из старших детей самого Ярослава Владимировича. В самом деле, имя прадеда с большой вероятностью должно было бы непосредственно следовать за именами покойных отца и деда нарекающего главы рода. Однако в действительности этого не происходит, «пауза» между двумя *Игорями* растягивается, по-видимому, на доброе столетие, так что само использование этого имени превращается в несомненно значимый факт. Не исключено, что первоначально образ княгини Ольги, прабабки, принявшей христианство и вырастившей собственного сына Святослава и его детей, был куда более уместен для новокрещеного рода Рюриковичей. Лишь со временем, когда христианство распространилось в стране и сделалось существеннейшим и несомненным атрибутом правящего рода, фигура прадеда-язычника оказалась вполне актуальна для династической истории.

О том, насколько большую роль в наречении Игоря Ярославича этим варяжским по происхождению именем сыграли скандинавское происхождение и родственные связи его матери, княгини Ингигерд, и как вообще шведское родство повлияло на проявление на Руси тех тенденций в культуре умерших предков, о котором речь шла выше, можно судить по-разному. Однако, на наш взгляд, можно с уверенностью утверждать, что во времена Ярослава мы имеем дело с

достаточно самобытной и в чем-то устоявшейся практикой, которая легко усваивает лишь то, что никак не противоречит ее собственным установлениям. Попросту говоря, если новорожденный и был наречен именем кого-то из шведской родни своей матери, например, в честь Ингвара Путешественника, племянника Ингигерд¹⁰, то это могло произойти лишь потому, что это имя, принадлежавшее и предку по мужской линии, полностью подходило и для отцовского рода.

Разумеется, Ярослава Мудрого заботили не только становящиеся уже достаточно отдаленными события из княжеской истории X в. Как уже упоминалось выше, в его ономастических решениях отражались и относительно недавние перипетии начала его собственного правления. Однако это отражение, насколько оно вообще имело место, было достаточно осторожным, отнюдь не поспешным, а поначалу и не всегда явным. Выбор имен для старших детей в этом отношении вполне нейтрален: такие имена, как *Владимир*, *Изяслав*, *Святослав* или *Всеволод*, скорее всего, попросту не связаны с той напряженной борьбой за власть, которую князю пришлось выдержать во второй половине десятых годов XI в. Здесь, как уже говорилось, можно искать какой-то скрытый смысл лишь в своеобразной «фигуре умолчания» — ненаречении кого-либо из детей, например, именами *Борис* и *Глеб*.

Среди младших сыновей Ярослава некоторые «подозрения» могут вызывать имена, данные Вячеславу Ярославичу, который, судя по сфрагистическим¹¹ и некоторым другим, весьма косвенным данным, в крещении был *Меркурием*. Славянское имя этого княжича, строго говоря, в эту пору нельзя назвать нехристианским. Чешский святой, князь Вячеслав (Вацлав), несомненно, был хорошо известен на Руси и, судя по всему, к середине XI в. здесь было известно и его житие. Во всяком случае, этот текст явным образом повлиял на формирование житийных памятников, принадлежащих к борисоглебскому циклу. Характерно, однако, что хотя культ св. Вацлава существовал на Руси достаточно долго, ни один из русских князей, насколько мы можем судить по дошедшим до нас памятникам, не получал этого имени в качестве крестильного. При

---

¹⁰ См. подробнее об этом: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей. С. 65–66.

¹¹ См.: Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. Печати X — начала XIII в. С. 16, 168.

этом как родовое это имя относительно охотно употреблялось Рюриковичами вплоть до середины XII в. Это не так уж удивительно, если учесть, что русские князья в целом с известной осторожностью относились к введению новых, языческих по происхождению имен в круг имен крестильных (заметное исключение здесь составляют лишь имена *Борис* и *Глеб*). Поэтому тот факт, что одному из младших сыновей Ярослава, коль скоро его имянаречение как-то связано с фигурой св. Вацлава, понадобилось, также как и всем его братьям, еще одно, собственно крестильное имя, по-видимому, представляется вполне закономерным.

Объяснение же для самого выбора имени *Вячеслав* следует искать в уже упоминавшихся русских «литературных», агиографических источниках. Как мы помним, в «Сказании о Борисе и Глебе» Борис Владимирович напрямую уподоблен св. Вацлаву, погибшему от руки своего брата (равно как и другим мученикам, принявшим смерть от своих родных)¹². Весьма вероятно, что это очевидное сближение сложилось в русской традиции уже при Ярославе. По крайней мере, это бы объяснило довольно неожиданное наречение ребенка в честь именно этого чешского правителя, который хотя и был прославлен как святой, но не состоял с семьей Ярослава в сколько-нибудь близком родстве.

Сопоставление св. Бориса-Романа и св. Вячеслава (Вацлава) было весьма очевидным и наглядным для каждого, кто имел хотя бы отдаленное представление о кончине чешского святого. Как кажется, не будет слишком смелым допущением утверждать, что имя *Вячеслав* было дано одному из младших детей Ярослава с непосредственной оглядкой на это сопоставление. Это мог быть в своем роде один из первых шагов становления княжеского культа Бориса и Глеба, когда история этих жертв княжеской распри подкреплялась авторитетом агиографического повествования об уже прославленном князе-мученике.

Дополнительным аргументом в пользу такой трактовки может служить выбор христианского имени для этого княжича, а вернее — еще один сюжет, зафиксированный в русских памятниках, который напрямую с этим именем связан. Если Вячеслава в крещении и в самом деле звали *Меркурием*, то приходится признать, что

---

¹² См.: Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подг. к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916 (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2). С. 33.

это имя само по себе достаточно необычно для княжеской традиции и могло появиться только под воздействием каких-то особых причин. Действительно, если исконное имя этого князя прежде не употреблялось в династии, то оно, по крайней мере, было подхвачено несколькими последующими поколениями Рюриковичей. Имя же *Меркурий*, появившись неожиданно, оказалось невостребованным и в дальнейшем, хотя, как мы знаем, прочие известные крестильные имена сыновей Ярослава употреблялись многими поколениями Рюриковичей весьма охотно и регулярно. *Меркурий* не было византийским императорским именем, им не нарекали, насколько нам известно, правителей стран, соседствовавших с Русью, а на Руси оно всегда оставалось достаточно редким. Почему же Ярослав выбрал его для своего сына? Быть может, это удастся понять, если мы выясним, какой агиографический сюжет может быть связан с внезапным появлением — и столь же внезапным исчезновением — этого имени в антропонимиконе Рюриковичей.

Не исключено, что речь идет об особой роли, которая отводилась св. Меркурию Кесарийскому в ряде агиографических и святоотеческих текстов, связанных так или иначе со смертью Юлиана Отступника¹³. Согласно преданию, сообщаемому Иоанном Малалой, Христос послал этого святого убить Юлиана, что тот и сделал, пронзив его копьем. Древняя икона, где изображен св. Меркурий с окровавленным копьем, упоминается Иоанном Дамаскиным, который говорит, что перед ней молился св. Василий Кесарийский. Св. Василий был, судя по всему, патроном отца Ярослава Мудрого, Владимира-Василия Святого, и различные святоотеческие тексты, с ним связанные, должны были стать известными на Руси достаточно рано. Кроме того, у нас есть свидетельства о том, что этот сюжет, связывающий св. Василия Великого и св. Меркурия, мог эксплуатироваться не только потому, что св. Василий был небесным покровителем отца Ярослава Мудрого, и все связанное с его биографией было близко семье Ярослава, так сказать, из общих соображений. Дело в том, что некий эпизод, касающийся весьма конкретных событий, в высшей степени значимых для самого Яро-

---

¹³ О рецепции образа св. Меркурия на Руси см., в частности: *Бланков Ж.* Кто этот Меркурий (по поводу берестяной грамоты № 552) // *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 / Под общ. ред. ак. В.Л. Янина. М., 2003. С. 139–140.*

слава и его сыновей, осмыслялся, как кажется, именно при помощи этой агиографической парадигмы. В «Сказании о Борисе и Глебе» смерть Святополка уподобляется смерти Юлиана Отступника: «Яко же бо Иулианъ цесарь, иже многы крови святыихъ мученикъ проливъ, горькую и нечеловечную съмърть прия, неведомо отъ кого прободенъ бысть, копиемъ в сердце въдруженъ: тако и съ, бегая, не ведыйся отъ кого, злыострастну съмърть прия. И оттоле крамола преста въ Русьске земли, а Ярославъ прея всю волость Русьскую»¹⁴.

Собственно говоря, Святополк вероотступником не был, подобно тому, как свв. Борис и Глеб, строго говоря, не были мучениками за веру¹⁵. В качестве такового он мог трактоваться только как убийца своих братьев, коль скоро они были объявлены святыми. Как это нередко бывало в странах поздней христианизации, для создания церковного культа возникала необходимость придать собственным, вновь прославляемым святым, определенный ранг и статус, позволяющий соотнести их с тем или иным разрядом общехристианских, издревле почитаемых святых. Соответственно, должный статус мог приписываться и их гонителям и врагам. По видимому, в агиографической традиции, связанной с Борисом и Глебом, Святополк уподоблялся язычнику и вероотступнику с помощью различных риторических и, так сказать, собственно языковых приемов. Так, в паремийных чтениях его имя, в высшей степени несоответствующее тем отрицательным коннотациям, которые с определенного времени связываются с фигурой этого князя, могло переиначиваться из *Святополк* в *Поганополк*.

В Скандинавии сходным образом уподоблялся вероотступникам уже упоминавшийся нами Свейн Вилобородый, сын Харальда Синезубого, и соответственно его смерть уподоблялась гибели Юлиана Отступника, причем в этом сравнении св. Меркурий упомянут напрямую: «Той же осенью, когда Олав конунг прибыл в Англию, случилось вот что: Свейн конунг, сын Харальда, внезапно умер ночью в своей постели, а англичане говорят, что его убил Эадмунд Святой, точно также как святой Меркурий убил Юлиана Отступника»¹⁶.

---

¹⁴ См.: Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. С. 47–48.

¹⁵ Ср.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 90–91.

¹⁶ См.: *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 171.

Очевидно, что приведенные выше отрывки о Святополке и Свейне можно рассматривать как своего рода «общее место», однако нельзя сказать, что в христианской литературе оно встречается особенно часто. При этом два упомянутых здесь лица — Святополк Окаянный и Свейн Вилобородый — отделены друг от друга совсем небольшой географической дистанцией и еще меньшей хронологической. Эти правители практически были современниками, кроме того, Святополк был женат, как известно, на дочери польского князя Болеслава Храброго, тогда как Свейн взял в жены то ли дочь, то ли, согласно другим источникам, сестру этого польского князя¹⁷ (плодом этого брака была, в частности, датская принцесса со славянским именем *Святослава*). Таким образом, эти исторические персонажи, чья смерть в разнородных источниках описывается весьма сходно, состояли в самом близком свойстве. Впрочем, для столь разительного сходства в описании их смертей важную роль играли и причины более общего порядка, такие, например, как типологическое сходство рецепции христианства в Скандинавии и на Руси.

Возвращаясь же к более удачливому брату Святополка Окаянного, Ярославу Мудрому, который в русских житийных текстах выступает своего рода «земным» отмстителем за своих братьев, Бориса и Глеба, мы хотели бы подчеркнуть, что исходим из гипотезы о том, что многие тексты, на которые опирались памятники борисоглебского цикла, были на Руси известны и популярны уже в его время. Строго говоря, это вовсе не во всех случаях могли быть собственно славянские памятники. Так, в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, по-видимому, использовались некие латинские варианты предания о св. Вячеславе¹⁸. Как кажется, наречение Вячеслава Ярославича *Меркурием* способно эту гипотезу подкрепить. В именах княжича сочеталась память о князе-мученике, убитом своим братом, и о святом, который карает смертью грешника, вероотступника и погубителя христиан. Жертва злодеяния и мститель за него как бы совмещаются в одном антропонимическом пространстве.

---

¹⁷ См. подробнее, с указанием литературы: Успенский Ф.Б. Скандинавы — Варяги — Русь. С. 25–26.

¹⁸ См.: Фет Е.А. Жития Людмилы и Вячеслава чешских // Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI — первая половина XIV в / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1987. С. 180.

Позднее, сюжет о Юлиане Отступнике и св. Вячеславе (Вацлаве) находит свое место непосредственно в борисоглебском цикле. Почитание святых братьев становится едва ли не самым распространенным общерусским культом, а княжичи следующих поколений получают как мирские, так и крестильные имена Бориса-Романа и Глеба-Давида. Рассказ о св. Меркурии Кесарийском, по-видимому, теряет свою актуальность для имянаречения в княжеской семье, но, принимая совсем иное воплощение, остается весьма продуктивным, послужив, например, основой для предания о мученике Меркурии Смоленском.

**Древнерусское династическое старейшинство
по «ряду» Ярослава Мудрого
и его типологические параллели — реальные и мнимые ***

Главнейшей чертой, которая определяла династический строй во многих раннесредневековых государствах Европы, был взгляд на государство как на патримоний — семейное владение, подлежащее передаче от отца ко всей совокупности его сыновей-наследников. Если наследников было несколько, то возникало так называемое *corpus fratrum* — так или иначе организованное братское совладение тем, что можно было бы с известной степенью условности назвать «государством» (доходами, территорией, формами репрезентации и т. д.). Наиболее последовательно этот порядок, вытекающий из устройства архаического династически-родового сознания, был реализован в государстве франков и на Руси, где приобрел самые развитые и дифференцированные формы¹.

Возможно, впрочем, что такое впечатление имеет отчасти причиной относительно благоприятное состояние источников по данной теме применительно именно к Древней Руси и особенно Франкской державе. Это, однако, не означает, что все этапы эволюции *corpus fratrum* на древнерусской почве в равной и должной мере обеспечены источниками и вполне ясны. Вот почему привлечение сравни-

---

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общественные институты в историческом процессе: Механизмы функционирования, конфликты, реформы, революции» (проект «Политические институты и верховная власть в домонгольской Руси»).

¹ Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 149–157; Он же. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. М., 2001. Т. 1. Древняя Русь. С. 500–519.

тельно-исторического материала других династических традиций, пусть в целом и меньше освещенных источниками, чем древнерусская, может быть полезным историку-русисту для прояснения как исторической сути дела, так и ситуации в историографии, в которую уже прочно вошли и даже до известной степени «канонизировались» некоторые не всегда основательные типологические наблюдения из области династического устройства Древней Руси.

В истории древнерусского княжеского дома раздел между сыновьями киевского князя Ярослава Мудрого (1019–1054), принятый по завещанию последнего — так называемый «ряд Ярославль», — сыграл, как известно, эпохальную роль. Сообщение Повести временных лет об этом завещании неоднократно обсуждалось в науке². И это понятно, поскольку уделы Ярославичей, их границы, послужили исходной точкой формирования будущей территориально-политической структуры Руси — земель-княжений XII в., а само завещание Ярослава Владимировича рассматривалось впоследствии (например, на известном Любечском съезде князей 1097 г.) как безусловное правовое основание существования этих земель в качестве отчин соответствующих ветвей княжеского семейства³. Одним из главных моментов, связанных с завещанием 1054 г., который привлекал внимание исследователей, был провозглашенный «рядом» сеньорат (или, по древнерусской терминологии, старейшинство) старшего из оставшихся к тому времени в живых Ярославичей — Изяслава.

Вот к чему сводится текст завещания, согласно Повести, если опустить открывающее его общенравственное наставление блюсти братскую любовь: «В лето 6562. Преставися великий князь Русьский Ярослав. И еще бо живушу ему наряди сыны своя, рек им: <...> Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев, сего послушайте, яко послушасте мене, да то вы будеть в мене место. А Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу Смолинеск. И тако раздели

---

² В качестве примера назовем только несколько недавних работ: *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 31–35; *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 150–176; *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 434–443.

³ ПСРЛ. Л., 1928. 2-е изд. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 256–257; СПб., 1908. 2-е изд. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 230–231.

им грады, заповедав им не преступати предела братня, ни сгонити, рек Изяславу: „Аще кто хоцеть обидети брата своего, то ты помагаи, его же обидять“»⁴.

Этот краткий летописный текст вызывает ряд взаимосвязанных вопросов. Прежде всего, насколько он достоверен? Не в отношении предсмертного раздела Ярославом своих владений между сыновьями, а именно в отношении установления старейшинства Изяслава? Далее, если «ряд» Ярослава и имел в виду сеньорат старшего из Ярославичей, становившегося киевским князем, то было ли такое установление новым? Иными словами, надо ли связывать рождение сеньората на Руси с завещанием Ярослава Мудрого? Наконец, в какой мере замысел Ярослава, если таковой имел место, осуществился? Каково реальное место «ряда» Ярослава в эволюции древнерусского старейшинства?

На все эти вопросы нельзя дать вполне определенного ответа, исходя только из древнерусских материалов, тогда как сравнительно-исторические наблюдения позволяют прийти к достаточно обоснованным, на наш взгляд, заключениям. Оставляя пока в сто-

---

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161; Т. 2. Стб. 149–150. После слов «Всеволоду Переяславль» в Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ. С. 182), в Новгородской четвертой и Софийской первой летописях (ПСРЛ. СПб., 1915. 2-е изд. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 117; М., 2001. 2-е изд. Т. 6. Вып. 1. Стб. 181) и некоторых других читается: «А Игорю Володимерь». Это чтение отсутствует во всех главных списках Повести временных лет, кроме Академического, в который заимствовано, очевидно, из новгородско-софийского летописания. По догадке А.А. Шахматова, упоминание о Волыни как уделе Игоря присутствовало в Начальном своде 1090-х гг., но было исключено в Повести из желания «дать отпор притязаниям Давыда Игоревича на Владимир» (Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. Вводная часть, текст, примечания. С. XXV и 385. Примеч. к с. 204, с. 18). Вряд ли, однако, это так, поскольку упоминание о Волыни Игоря сохранилось в Повести в следующем непосредственно далее резюмирующем сообщении под 6563 г. Скорее, текст общего архетипа всех сохранившихся списков Повести был дефектен, но из этого вовсе не следует заключать, будто упоминание об Игоре в статье 6562 г. было вставлено на основании статьи 6565 (1057) г., где его уделом названа Волынь, как думает Л. Мюллер (Die Nestorchronik / Ins Deutsche übers. von L. Müller. München, 2001. S. 198. Anm. 5 [Handbuch zur Nestorchronik / Hg. von L. Müller. Bd. 4; Forum Slavicum. Bd. 56]). Полагаем, в утраченном оригинале Повести временных лет такое упоминание в тексте «ряда» Ярослава имелось. Как бы то ни было, сомневаться в том, что Игорь получил по завещанию отца именно Волынь, не приходится.

роне последний, третий, из поставленных вопросов, обратимся к двум первым.

История развития *corpus fratrum* (в частности у франков) показывает, что рано или поздно в развитии государственности и самосознания государственной власти наступает момент, когда традиционная практика родовых разделов вступает в противоречие с представлением о государстве как политическом единстве. При первоначальном архаичном братском совладении как раз это последнее и служило в глазах социальной верхушки проявлением государственного единства, которое не имело другого выражения, кроме единства правящего рода, династии⁵. До поры все новые переделы внутри единого рода не приводили к разделу государства ввиду неустойчивости и временности самих возникавших политических структур, иногда настолько лоскутно пестрых, что совершенно очевидно не приспособленных и не предназначенных для самостоятельного политического существования (таковы были, например, разделы Франкской державы в 562 г. после смерти короля Хлотаря I или в 567/568 г. после кончины его сына короля Хариберта I⁶).

---

⁵ Эти традиционные представления цепко удерживались в сознании даже поздних Каролингов, много спустя после попыток учредить у франков сеньорат при Людовике Благочестивом (см. ниже об «*Ordinatio imperii*» 817 г.). В ответ на уничижительное замечание византийского императора Василия I (867–886), что франкские императоры, несмотря на свой титул, вовсе не владеют всем Франкским государством, итальянский король и, одновременно, император Людовик II (850–875) в 871 г. отвечал так: «На самом деле мы правим во всем Франкском государстве, ибо мы, вне сомнения, обладаем тем, чем обладают те, с кем мы являемся одной плотью и кровью, а также единым, благодаря Господу, духом» («*In tota nempe imperamus Francia, quia nos procul dubio retinemus, quod illi retinent, cum quibus una et caro et sanguis sumus hac [ac. — A. H.] unus per Dominum spiritus*»: *Chronicon Salernitanum / A crit. edit. with studies on liter. and histor. sources and on language* by U. Westerbergh. Stockholm, 1956. P. 122 [*Studia Latina Stockholmensia*, 3] [здесь и везде далее перевод с латинского наш]; *Назаренко А.В.* Порядок престолонаследия. С. 510 и примеч. 30). Перед нами типичная формула идеологии *corpus fratrum*, снова возобладавшей после поражения императора Лотаря I (840–855), старшего сына Людовика Благочестивого, в борьбе с младшими братьями, которое было закреплено знаменитым Верденским договором 843 г.

⁶ См. об этом подробнее в другой нашей работе: *Назаренко А.В.* «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Сословия, институты и

Но роковой порок *corpus fratrum* был заложен в самой его патримониальной природе. Возникавшая время от времени вследствие благоприятной династической конъюнктуры устойчивость того или иного удела не могла не приводить к столкновению между принципом родового совладения и идеей отчинности удела, которая была столь же неотъемлемой частью патримониального сознания, как и родовое совладение, являясь, в сущности, продлением последнего до уровня удела⁷. Это естественным образом вело к попыткам создания такого династического порядка (включая способ престолонаследия), который сочетал бы традицию родового совладения, т. е. принцип неперемного наделения всех братьев, с некоторой институционализацией единовластия. Подобного рода усовершенствованной формой *corpus fratrum* и у франков, и на Руси, и в других раннесредневековых государствах (о некоторых из них ниже пойдет речь) как раз и стал сеньорат.

Важно понять, что сеньорат не создавал понятия генеалогического старейшинства, которое, будучи семейно-родовым по природе, всегда существовало в рамках *corpus fratrum*, а только придавал ему, старейшинству, те или иные общегосударственные политические прерогативы. При первоначальном родовом совладении старший из сыновей отнюдь не наследовал политической власти покойного отца, так что разделы между братьями не сопровождались установлением какой-либо политической зависимости младших от

государственная власть в России (средние века и раннее новое время): К 100-летию со дня рождения акад. Л.В. Черепнина. М., 2007 (в печати).

⁷ Ранее мы были склонны возводить становление отчинного начала, коллизия с которым и привела к кризису классического *corpus fratrum*, к развитию феодальных отношений (Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет. С. 155–156); считаем теперь эту точку зрения в принципе неверной. Вряд ли состоятельным оказывается и внешне естественное предположение, что *corpus fratrum* начинает подвергаться модификациям в результате столкновения с теми возникавшими государственными институтами, которые в принципе, по самой своей природе, не поддавались дроблению — например, с империей у франков (с 800 г.). В самом деле, наследственный раздел по завещанию Карла Великого — обсуждаемое ниже «Размежевание королевств» 806 г. — не содержит никаких распоряжений о судьбе империи и имперского титула и по содержанию является достаточно типичным документом идеологии братского совладения (Назаренко А.В. Империя Карла Великого: идеологическая фикция или политический эксперимент? // Карл Великий: реалии и мифы. М., 2001. С. 11–24; Он же. «Ряд» Ярослава Мудрого).

генеалогически старейшего. Так, в неурядицах 60–70-х гг. VI в. по смерти короля Хариберта I потомки Хлотаря I (511–561) нередко прибегали к авторитетному суду короля Гунтрамна (561–592), который остался старшим в роду после Хариберта, но этот чисто родовой авторитет не был облечен в политико-государственные формы, в какую-либо верховную власть Гунтрамна над младшими братьями Сигибертом I (561–575) и Хильпериком I (561–584) или, впоследствии, над их потомством. Политически братья были совершенно независимы друг от друга, и это политическое равенство только подчеркивалось старательно выверенным равенством их уделов⁸. И даже раздел, предусмотренный пространным политическим завещанием Карла Великого — «Размежеванием королевств» («*Divisio regnorum*»), которое было издано в 806 г. в качестве отдельного капитулярия, имел в виду равное наделение трех имевшихся на тот момент сыновей императора — Карла, Пиппина и Людовика, ничего не говоря о каком бы то ни было верховенстве старшего, Карла, над младшими⁹. Это молчание тем более показательное, что, в отличие от упомянутых выше родовых разделов VI в., Карл единолично наследовал коренные франкские территории между Соммой и Луарой (так называемую «Франкию» — *Francia*), которые первоначально подвергались особому разделу между всеми на-

---

⁸ Согласно Григорию Турскому (умер в 593/594 г.), труд которого является главным источником по истории франков VI в., каждый из четырех сыновей Хлодвига был наделен по завещанию последнего в 511 г. «равной долей» («*aequa lance*») отцовских владений (*Gregorii Turonensis opera*. Hannover, 1937–1951. Т. 1. *Libri historiarum X* / Ed. B. Krusch, W. Levison. Cap. III, 1 [MGH, *Scriptores rerum Merovingicarum*. Т. 1/1]; *Григорий Турский. История франков* / Изд. подгот. В.Д. Савукова. М., 1987. С. 62). Точного описания уделов по завещанию Хлодвига, как и по договору 561 г. и последующим, ни у Григория Турского, ни в других текстах не сохранилось, но их границы с достаточной определенностью восстанавливаются по сумме данных — в том числе из рассказа о позднейших событиях у самого Григория; см. остающуюся итоговую работу на эту тему: *Ewig E. Die fränkischen Teilungen und Teilreiche (511–613)*. Wiesbaden, 1953 (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz. Die geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Jg. 1952. № 9) (перепечатано в кн.: *Ewig E. Spätantikes und fränkisches Gallien* / Hg. H. Astma. München, 1976. Bd. 1 [Beihefte zu *Francia*. Bd. 3/1]).

⁹ MGH Capp. Hannover, 1883. Т. 1 / Ed. A. Boretius. № 45. P. 126–130; см. также: *Назаренко А.В. «Ряд» Ярослава. Карта 4.*

следниками¹⁰. Поэтому, возвращаясь к Руси, думаем, правы были те историки, которые считали, что никакой определенной государственно-политической зависимости младших сыновей киевского князя Святослава Игоревича — Олега Древлянского и Владимира Новгородского — от своего старшего брата Ярополка Киевского (972–978) не было¹¹. И тот факт, что старшему брату достался «старший», киевский, стол и в целом Русская земля в узком смысле слова¹² (как Карлу — коренная Франкия), еще никоим образом не свидетельствует в пользу сеньората Ярополка, как иногда думают, считая сеньорат на Руси исконным обычаем и тем ставя под сомнение политическое новаторство «ряда» Ярослава¹³. Более того, раздел Руси между Святославичами в 969 г., закрепившийся после внезапной гибели Святослава в 972 г., стоит в одном ряду вовсе не с разделом 1054 г., а с распределением уделов киевским князем Владимиром Святославичем (978–1015) между своими подросшими сыновьями, о котором Повесть временных лет сообщает в конце статьи 6496 (988) г.¹⁴

---

¹⁰ См. подробнее: Назаренко А.В. «Ряд» Ярослава.

¹¹ См., например: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: очерки по истории X–XII столетий. — Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С. 30–31 (со ссылкой на соответствующее место «Курса русской истории» В.О. Ключевского).

¹² Мы придерживаемся восходящей к А.Н. Насонову точки зрения, что реконструируемая прежде всего по источникам XII в. Русская земля в узком смысле слова являлась политической реальностью IX–X вв. (Насонов А.Н. «Русская земля» и формирование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование. М., 1951. С. 42–46, 216–217; Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 74–100, где прочая литература вопроса), несмотря на возобновившуюся в науке последних лет полемику на эту тему (см. прежде всего: Ведюшкина И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 гг. С. 101–116).

¹³ Толочко А.П. Князь в Древней Руси. С. 31–34 (ср.: Назаренко А.В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси. Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А.П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992 // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 173–176); Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. С. 440–441 («Указание... на старейшинство Ярополка во отца место» отсутствует в летописном тексте, «вероятно, лишь вследствие краткости записи»).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121; Т. 2. Стб. 105–106.

Ведь наделение Святославичей не было предсмертным завещанием их отца, а произошло в связи с планами Святослава перенести свой столичный град из Киева в Переяславец на Дунае, сохраняя, естественно, верховную власть над Русью¹⁵.

Таким образом, сеньорат не тождествен генеалогическому старейшинству и, в отличие от последнего, требовал целенаправленной реформы традиционного родового совладения. Понятно, что подобная реформа, именно вследствие того, что меняла обычный династический порядок, должна была иметь какое-то законодательное оформление, хотя и не обязательно письменное, документальное. У франков таковым стало первое завещание императора Людовика Благочестивого (814–840) — «Устроение империи» («*Ordinatio imperii*») 817 г., согласно которому старший из сыновей Людовика, Лотарь (будущий император Лотарь I), наследовал не только императорский титул отца, но и львиную долю владений последнего, тогда как двум его братьям доставались относительно небольшие уделы: Пиппину — Аквитания, Людовику — Бавария¹⁶; хотя младшие братья и титуловались королями, но должны были признать верховную власть Лотаря¹⁷. В Древней Руси на роль аналогичного этапа в эволюции династического строя может претендовать только «ряд» Ярослава и никоим образом какие-то предшествующие династические решения — Святослава Игоревича (см. выше) или Владимира Святославича¹⁸. Кроме того, форма сеньората, предусмотренного «рядом» Ярослава, была столь умеренной и компромиссной¹⁹, что трудно представить себе какую-то более раннюю и, соответственно, более мягкую его стадию. Старейшинство Изяслава Ярославича прямо прокламируется, и несмотря на то, что общерусские политические прерогативы киевского князя не описаны с полнотой, сравнимой с капитулярием Людовика Благочестивого, ясно, что они в том или ином объеме предусматривались, коль скоро Изяслав был призван служить гарантом устанавливаемого династического порядка: именно ему «ряд» вменяет в

---

¹⁵ Там же. Т. 1. Стб. 67, 69; Т. 2. Стб. 55, 57.

¹⁶ *MGH Carr.* Т. 1. № 136. P. 270–273.

¹⁷ «После нашей кончины да получают (Пиппин и Людовик. — *A.H.*) королевскую власть под рукой старшего брата» («...post decessum nostrum sub seniore fratre regali potestate potiantur»: *Ibid.* P. 271).

¹⁸ См. примеч. 46.

¹⁹ *Назаренко А.В.* «Ряд» Ярослава.

обязанность «помагати, его же обидяты». Тем самым, с точки зрения типологии *corpus fratrum*, содержание «ряда» Ярослава, как оно передано в Повести временных лет, сомнений не вызывает, и это может служить косвенным свидетельством достоверности летописного рассказа, против высказывающихся иногда вскользь предположений, что завещание Ярослава Мудрого в целом или отчасти является стилизацией более позднего времени²⁰, чуть ли не первой четверти XII в.²¹

Если сеньорат по «ряду» Ярослава представлял собой закономерную форму в эволюции княжеского родового совладения на Руси, то следовало бы ожидать, что типологические параллели ему будут обнаруживаться не только у франков, но и в других европейских династиях, построенных на *corpus fratrum*.

Действительно, в отечественной литературе вскользь уже указывалось на сходство «ряда» Ярослава с некоторыми династическими установлениями Древнечешского и Древнепольского государств, а именно с завещаниями чешского князя Бржетислава I (1034–1055) и польского князя Болеслава III (1102–1138)²². Так как распоряжения относительно династического строя и престолонаследия, принятые в этих завещаниях, имели в виду ту или иную форму сеньората, то уже поэтому они могут быть типологически сближены с завещанием Ярослава Владимировича. Не вдаваясь в детали, мы в свое время поддержали такую аналогию²³. Сейчас видим, что она нуждается в существенных уточнениях. Рассмотрим теперь этот вопрос подробнее, начав с завещания Бржетислава I как хронологически наиболее близкого к «ряду» Ярослава.

Вот что читаем в Чешской хронике Козьмы Пражского (первая четверть XII в.) — единственном источнике, сообщающем об этом завещании: на смертном одре чешский князь обращается к представителям знати («*terrae primates*») с признанием, что имея пятерых сыновей, «он считает вредным делить между ними Чешское княжество» и потому обязывает их (знать) присягнуть, «что вер-

---

²⁰ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200 / Перев. Д.М. Буланина и Н.Л. Лужнецкой; под ред. Д.М. Буланина. СПб., 2000. С. 358–359.

²¹ Porre A. Jaroslav I. der Weise // LMA. 1991. Bd. 5. Sp. 306.

²² Пресняков А.Е. Княжое право. С. 38–39; Толочко А.П. Князь в Древней Руси. С. 26, 34; и др.

²³ Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет. С. 152; Он же. Порядок престолонаследия. С. 504.

ховное право и престол в княжестве будет всегда принадлежать старшему по рождению среди моих сыновей и внуков и что все его братья и те, кто происходят из рода государя, будут под его властью. Поверьте мне, если этим княжеством не будут управлять единовластно, то для вас, людей знатных, дело дойдет до гибели, а для народа — до больших бед»²⁴.

В отличие от «ряда» Ярослава, который даже в летописном пересказе сохраняет характер делового распоряжения и вполне узнаваемые черты завещательного формуляра²⁵, завещание Бржетислава в Чешской хронике сплошь состоит из литературных и исторических аллюзий (на библейское предание о Каине и Авеле и древнеримское — о Ромуле и Реме), а также прямых цитат (из Вергилия, Лукана, Овидия, Псалтири)²⁶, столь характерных для стиля Козьмы и в других местах его сочинения. Вряд ли приходится сомневаться, что в настоящем его виде завещание Бржетислава I является плодом литературного творчества самого Козьмы Пражского. Распознать существо династической реформы Бржетислава, если таковая действительно имела место, за риторической пеленой, наброшенной стилизованным изложением Козьмы, крайне трудно. И все же ясно, что в завещании имелась в виду какая-то радикальная форма сеньората, коль скоро речь идет о «единовластии» «старшего».

Однако признать сам факт попытки Бржетислава I преобразовать династический строй Древнечешского государства в русле сеньората еще не значит признать, что сеньорат был завещанием Бржетислава учрежден. Можно было бы, конечно, не придавать

---

²⁴ Die Chronik der Böhmen des *Cosmas von Prag* / Unter Mitarb. von W. Weinberger hg. von B. Bretholz. Berlin, 1923. Kap. II, 13. S. 102 (MGH SRG NS. T. 2) (далее: *Cosm.*): «<...> inter quos dividere regnum Boemie non videtur mihi esse utile <...> quatinus inter meos natos sive nepotes semper maior natu summum ius et solium obtineat in principatu omnesque fratres sui sive, qui sunt orti herili de tribu, sint sub eius dominatu. Credite mihi, nisi monarchos hunc regat ducatum, vobis principibus ad iugulum, populo ad magnum deveniet dampnum».

²⁵ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. С. 437–438. Другое дело, что само по себе это обстоятельство не может доказывать аутентичности «ряда» Ярослава в его наличной форме, так как летописцу, коль скоро он задался бы целью вложить в уста умирающего киевского князя завещание, естественно было бы воспользоваться существовавшим в его время графаретом подобных распоряжений.

²⁶ *Cosm.* S. 102. Anm. 1–4.

большого значения заверениям Козьмы Пражского, писавшего много десятилетий спустя, что пражский князь середины XI в. отказывался от любых форм раздела, желая ввести «единовластие». Вместе с тем, ряд соображений заставляет отнести к этим заверениям серьезно. Козьма вкладывает в уста Бржетиславу в качестве аргумента ссылку на губительность памятных для чешской княжеской династии раздоров между братьями св. Вячеславом (Вацлавом) (убит в 929/35 г.) и Болеславом I (умер в 972 г.). Но отношения между этими последними, как они рисуются в памятниках свято-вацлавского цикла, не отличаются от взаимоотношений пражского князя со своей родней во времена Козьмы, когда младшие князья располагали уделами — обычно в Моравии, реже собственно в Чехии, — будучи под верховной властью старшего, занимавшего пражский стол²⁷; точно так же, когда Вячеслав стал пражским князем вместо умершего отца, «оттоле Болеслав нача под ним ходити», хотя и имел собственный «град Болеславль» (который обычно идентифицируется со Старым Болеславом, центром присоединенной к Праге области племени пшован на правом берегу верхней Лаб-Эльбы). Эти слова древнейшего церковнославянского Жития св. Вячеслава²⁸, разумеется, могут быть проекцией позднейших династических порядков на 920-е гг. (Вратислав I, отец Вячеслава и Болеслава I, умер в 921 г.), но порядков, в свою очередь, вряд ли позднее 70-х годов X столетия, когда, как считается, вероятнее всего, было создано Житие²⁹ (впрочем, существуют и более поздние датировки). Династическая история Пржемысловичей до Бржетислава I в хронике Козьмы изложена с большими пробелами, а ино-

---

²⁷ О подчиненном статусе моравских уделов в представлении пражских князей см.: *Cosm.* III, 34. S. 205.

²⁸ Так в Востоковском списке (*Рогов А.И.* Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. С. 37 [ПСИНЦВИ]); в глаголической версии застаем, вероятно, первоначальное чтение: «Болеслав же, брат его, растеаше под ним» (*Weingart M.* První česko-církevnoslověnská legenda o sv. Václavu // *Svátováclavsky sborník.* Praha, 1935. Т. I/1. S. 975, 986), — с тем же смыслом. В древнейшем латинском Житии св. Вячеслава (*Legenda Christiani. Vita et passio sancti Wenceslai et sancte Ludmille ave eius / Ed. J. Ludvíkovský.* Pragaе, 1978) никаких данных о положении Болеслава по отношению к старшему брату не обнаруживается, хотя упоминание об отдельном городе Болеслава также имеется.

²⁹ *Флоря Б.Н.* Вячеслав // *Православная энциклопедия.* М., 2005. Т. 10. С. 166.

гда и просто неверно; так, одиозные для княжеского рода кровавые междоусобия в предшествовавшем Бржетиславу I поколении сыновей Болеслава II (967/973–999) приходится восстанавливать исключительно по иностранным источникам — прежде всего, по хронике их современника Титмара Мерзебургского. О конфликте Болеслава III (999 — ок. 1000/1002) вскоре после 999 г. с младшими братьями Яромиром и Олдржихом Титмар сообщает в выражениях, которые заставляют предполагать, что последние располагали собственными уделами³⁰. Правда, из этих выражений характер взаимоотношений между пражским князем и его младшими братьями не вполне понятен, тем более что слова «так как власть соправителя и преемника всегда подозрительна» являются цитатой из Лукана³¹. Впрочем, эти взаимоотношения несколько проясняет другое сообщение саксонского хрониста, в котором Олдржих назван «вассалом» («satelles») Яромира, к тому времени (речь идет о 1012 г.) уже давно, с 1004 г., занимавшего пражский стол вместо изгнанного Болеслава III³².

Таким образом, из совокупности приведенных данных, пусть и немногочисленных, с известной определенностью вырисовывается картина сеньората пражского князя над братьями, имеющими в своем распоряжении некоторые уделы. Такое раннее, по крайней мере с третьей четверти X в., возникновение сеньората в чешской княже-

---

³⁰ «Между тем (речь идет о событиях 1002 г. — *А.Н.*) чешский герцог Болеслав, так как власть соправителя и преемника всегда подозрительна, оскотив брата Яромира, а младшего, Олдржиха, хотев было утопить в бане, изгнал их из страны вместе с матерью и стал править один, наподобие губительного василиска несказанно притесняя народ» («Interim Voemiorum dux Bolizlaus, quia potestas consortis et successoris semper pavida, Iaremirum fratrem eunuchizans iunioemque Othelricum in termis suffocare cupiens, una cum matre eosdem patria expulit solusque vice basilisci noxii regnans populum infabiliter constrinxit»: *Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung* / Hg. R. Holtzmann. Berlin, 1935 [далее: *Thietm.*]. Kap. V, 23. S. 247 [MGH SRG NS. T. 9]).

³¹ *Lucani bellum civile* I, 92.

³² В Мерзебурге, где находился Титмар, «присутствовал также герцог Яромир, которого брат его и вассал Олдржих, забыв о всяком долге, изгнал из Чешского княжества в святую субботу [накануне] последнего Вознесения Господня (т. е. 12 апреля 1012 г. — *А.Н.*)» («Iarmirus quoque dux adfuit, quem frater suimet Othelricus et satelles tocius debiti inmemor in sacro sabbate dominicae resurrectionis proximaе a regno Voemiorum expulit»: *Thietm.* VI, 71. S. 360).

ской династии на первый взгляд может показаться странным. Но следует иметь в виду, что как сеньорат в целом, так и его отдельные формы, будучи проявлениями династического сознания, не состояли в непосредственной связи с уровнем общественно-экономического развития, а более зависели от конкретного династического опыта, династической конъюнктуры, а также, вполне вероятно, соответствующих образцов в соседних странах. Так, согласно Константину Багрянородному (умер в 959 г.), сеньорат существовал уже в Великоморавском государстве в конце IX в.³³

Так что же, в таком случае, имело в виду завещание Бржетислава I? Если судить о планах завещателя по их последующему осуществлению (как мы делаем это в отношении некоторых установлений «ряда» Ярослава, например, в отношении так называемого «триумvirата» старших Ярославичей³⁴), то выходит, что чешский князь хотел установить именно полное единовластие своего старшего сына Спытигнева II (1055–1061) с отказом от какого бы то ни было наделения остальных. Заняв пражский стол, Спытигнев предпринял поход в Моравию, где находились столы его младших братьев Вратислава, Конрада и Оттона (четвертый брат, Яромир, предназначался для церковной карьеры): моравские уделы были упразднены, Вратислав бежал в Венгрию, а Конрада и Оттона Спытигнев привел в Прагу, назначив им придворные должности ловчего («*preficiens venatoribus*») и кравчего («*super pistoris atque cocos magister*»)³⁵. Эта необычная процедура, несомненно, призвана была служить манифестацией новизны порядков, вызванных к жизни завещанием Бржетислава I.

---

³³ Великоморавский князь Святополк I (умер в 894 г.), «умирая, разделил свою страну на три части и оставил трем сыновьям каждому по одной части, первого определив великим архонтом («*αρχων μεγας*»), а двух других — подчиняться слову («*υπο τον λογον ειραι*») первого сына» (*Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий* / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. Гл. 41. С. 168–169). Даже если сообщение Константина об именно трех сыновьях Святополка (другим источникам известны только двое — Моймир и Святополк II) является литературным мотивом (Там же. С. 399. Примеч. 2 [комментарий Б.Н. Флори]), все равно факт раздела между Святополчичами вне сомнений (*Annales Fuldenses sive Annales regni Francorum orientalis* / Ed. F. Kurze. Hannover, 1891. P. 131–132 [MGH SRG]).

³⁴ Назаренко А.В. «Ряд» Ярослава.

³⁵ *Cosm.* II, 15. S. 105–106.

Отметим еще одну деталь, которая, кажется, также указывает на то, что Бржетислав I стремился радикализировать сеньорат до единовластия. Спустя некоторое время после исполнения отцовского завещания Спытигнев предпочел заключить договор с Вратиславом, который вернулся из Венгрии и получил назад свои моравские владения³⁶. Судя по тому, что Конрада и Оттона этот компромисс не коснулся, речь шла не об отказе от программы Бржетислава I и возобновлении прежних династических порядков, а скорее о признании Вратислава престолонаследником. А вот когда пражский стол занял Вратислав II (1061–1092), он немедленно восстановил моравские уделы обоим младшим братьев³⁷, что было воспринято как сигнал и Яромиром, который вернулся в Чехию «в надежде получить ту или иную долю наследства в отцовской державе»³⁸. Поскольку духовная карьера была предписана Яромиру волею отца, а не старшего брата, то такое предъявление наследственных прав Яромиром может означать лишь одно: четвертый по старшинству среди Бржетиславичей считал, что с вокняжением Вратислава порядок, завещанный их отцом и реализованный Спытигневом, отменен и снова действует традиционный сеньорат с учетом прав всех братьев по *corpus fratrum*³⁹.

Такая трактовка завещания Бржетислава I как неудавшейся попытки установить единовластие пражских князей с полной ликвидацией родовых уделов, по нашему мнению, в большей степени согласна и с теми пассажами о сеньорате, которые встречаются в хронике Козьмы и обычно понимаются как реминисценции завещания 1055 г. Говоря о передаче пражского стола в 1100 г. по смерти Бржетислава II (1092–1100) его младшему брату Борживою

---

³⁶ Ibid. II, 16. S. 107.

³⁷ Ibid. II, 18. S. 110.

³⁸ «<...> sperans aliquam portionem se habiturum hereditatis in patrio regno» (Ibid. II, 18. S. 110).

³⁹ Тот факт, что надежды Яромира не оправдались, сути дела не меняет. Объяснять разницу в отношении Спытигнева II и Вратислава II к младшим братьям только тем тривиальным обстоятельством, что в 1055 г. последние были еще малолетними, а в 1061 г. — уже нет (см., например: *Wolverton L. Hastening toward Prague: Power and Society in the Medieval Czech Lands. Philadelphia, Penns., 2001. P. 197*), было бы явным упрощением; достаточно напомнить, что Конрад и Оттон (причем последний был младше Яромира: *Cosm. II, 1. S. 82*) по династическим понятиям были достаточно взрослыми, чтобы иметь собственные уделы еще при жизни отца.

II (1101–1107, 1117–1120), хронист считает такое престолонаследие противоречащим «справедливому порядку», существовавшему в Чехии⁴⁰, ибо «старшим по возрасту» («*etate maior*») на то время был брненский князь Олдржих, двоюродный брат Бржетислава II⁴¹. Выражение «*maior natu*», употребляемое Козьмой и в главе II, 13, где изложено завещание Бржетислава I, заставляет комментаторов усматривать здесь ссылку именно на это последнее⁴², что явно противоречит заявлению, вложенному Козьмой в начале своей хроники в уста легендарному основателю династии Пржемыслу. Толкуя послам Любуши чудо с тремя ростками на своем вонзенном в землю посохе, из которых два засохли, а разросся только один, Пржемысл предрек: «Чему дивитесь? Знайте, что в нашем потомстве родится много правителей, но править будет всегда только один»; и если бы Любуша не поспешила предложить княжеский стол Пржемыслу, то «в вашей земле было бы столько правителей,

⁴⁰ Сообщив о вокняжении Борживоя, хронист скорбно замечает: «Тогда-то следы Циллени (эпитет Астреи, богини справедливости. — А.Н.), которые и до того были едва видны в Чехии, исчезли совершенно, ибо она, возненавидев землю, удалилась на небеса. Ведь у чехов был справедливый порядок, что престол и княжество всегда занимают старшие по рождению среди их князей» («*Tunc Cillenia delet omnino sua vestigia, que vix impressa reliquerat in Boemia, cum exosa terras peteret celestia. Iusticia enim erat Boemorum, ut semper inter principes eorum maior natu solio potiretur in principatu*»: *Cosm.* III, 13. S. 175–176).

⁴¹ Обращаясь к чешской знати, Олдржих «заявляет себя старшим по возрасту и требует полагающийся [ему] по обычаю страны княжеский стол, несправедливо отнятый у него младшим братом. Хотя его дело было правое, но что толку хвататься за хвост, если упустил рога (т. е. Олдржих начал действовать слишком поздно, когда Борживой уже укрепился в Праге. — А.Н.)» («*<...> iactat se esse etate maiorem et secundum patrie more debitum sibi iniuste sublatum per fratrem iuniorem poscit principalis sedis honorem. Qui quamvis iustam causam habeat, tamen frustra caudem captas, cum cornua amittas*»: *Ibid.* III, 15. S. 177). Олдржих и в самом деле, вероятно, был старше Борживоя, сына Вратислава II от третьего брака, заключенного после 1062 г., тогда как брненский князь Конрад I, отец Олдржиха и младший брат Вратислава, женился скорее всего уже во второй половине 1050-х гг. (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, политических, торговых связей IX–XII веков. М., 2001. С. 534).

⁴² *Cosm.* S. 176. Anm. 2 (комментарий Б. Бретхольца); *Козьма Пражский*. Чешская хроника / Вступ. ст., перев. и коммент. Г.Э. Санчука. М., 1962. С. 280. Примеч. 6 к гл. 13 (ПСИНЦВЕ).

сколько произвела бы природа принадлежащих к господствующему роду»⁴³. Это явно программное *vaticinium ex eventu*, заостренное против родового совладения в его досеньоратной форме, не имело бы смысла, если бы сеньорат в династии Пржемысловичей установился только в середине XI в. Другое дело, что при этом никак невозможно принять понимания термина «старший по рождению» («*maior natu*»), которого придерживается Козьма: как указания на чисто возрастное, а не генеалогическое старейшинство. Такое установление было бы абсолютно уникальным, трудно реализуемым практически и, главное, идущим совершенно вразрез с логикой родового совладения, не говоря уже о том, что оно было политически неразумно, так как не сглаживало, а усугубляло типичный для родового совладения конфликт между дядьями и племянниками (старшие племянники нередко оказывались старше младших дядей). Поэтому (не вникая в причины пристрастности Козьмы к Олдржиху Брненскому) думаем, что в духе традиционного, добржетиславовского, сеньората действовал не Олдржих, а как раз пражский князь Бржетислав II, когда не только заблаговременно десигнировал в качестве преемника своего следующего по старшинству брата Борживоя, но и добился в 1099 г. подтверждения этой десигнации со стороны германского императора Генриха IV⁴⁴.

Крутые меры, предпринятые Спытигневом II согласно завещанию отца, ничем не напоминают весьма умеренный сеньорат Изяслава Ярославича, каким он виделся Ярославу Мудрому. Возникает ощущение, что завещание Бржетислава I, если оно действительно имело целью единовластие Спытигнева II, типологически должно быть сопоставлено не с «рядом» Ярослава Владимировича, а скорее с волевыми десигнациями польского князя (в конце правления — короля) Болеслава I (992–1025) и, кажется, киевского князя Владимира Святославича. Болеслав определенно отказался, а Вла-

---

⁴³ «*Quid ammiramini? inquit. Sciatis ex nostra progenie multos dominos nasci, sed unum semper dominari. <...> Quot natos heriles natura proferret, tot dominos terra vestra haberet*» (*Cosm.* I, 6. S. 17). «*Natos heriles*» следует в данном случае переводить именно как «принадлежащих к господствующему, т. е. княжескому, роду», а не нейтрально «благороднорожденных» (так в переводе Г.Э. Санчука: *Козьма Пражский*. Чешская хроника. С. 43), потому что это выражение явно отсылает к «*orti herili de tribu*» из завещания Бржетислава I, где речь, несомненно, идет о княжеском семействе.

⁴⁴ *Cosm.* III, 8. S. 169.

димир предположительно намерен был отказаться от традиционного раздела державы между всеми взрослыми сыновьями в пользу единовластия одного из сыновей, в обоих случаях даже не старшего, а выделявшегося по другому династическому принципу: Мешко II был с 1013 г. женат на внучке германского императора Оттона II⁴⁵, Борис же Владимирович отличался своим происхождением — его матерью была, по-видимому, представительница болгарского царского семейства⁴⁶. Надеясь сыновей по мере их взросления, и Владимир Святославич, и Бржетислав I действовали в полном соответствии с требованиями *corpus fratrum*, но в какой-то момент решили отказаться от него, пойти на коренную ломку порядка столонаследия. Однако и здесь, при ближайшем рассмотрении, оказывается, что сходство касается больше внешности, нежели существа дела. И польский, и киевский князья пытались утвердить единовластие одного из сыновей, не имея опыта сеньората⁴⁷, тогда как чешский —

⁴⁵ Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, [1992]. S. 114–116.

⁴⁶ Не видим сколько-нибудь веских причин сомневаться в свидетельстве списка сыновей Владимира, что матерью Бориса была «болгарыня» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 80; Т. 2. Стб. 67; Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печ. Д.И. Абрамович. Пг., 1916. С. 28). О десигнации Бориса в качестве киевского столонаследника, кроме данных, приведенных нами в другом месте (Назаренко А.В. Порядок престолонаследия. С. 512. Примеч. 36), свидетельствует также практически одновременное возмущение старших Владимировичей — Святополка Туровского и Ярослава Новгородского против отца: первого — скорее всего ок. 1013 (*Thietm.* VII, 72. S. 488; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 136, 141, 171–172), второго — ок. 1014/15 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130; Т. 2. Стб. 114–115). О стремлении Владимира Святославича «византизировать» порядок престолонаследия на Руси, т.е. установить в той или иной форме единовластие киевского князя, убедительно пишет А. Поппэ, который, однако, совершенно напрасно, по нашему мнению, старается связать это стремление с гипотетическим происхождением Бориса и Глеба Владимировичей от Анны, сестры византийских императоров Василия II и Константина VIII (см., например: Поппэ А. Феофано Новгородская // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 115–117).

⁴⁷ Отец Болеслава и основатель Древнепольского государства князь Мешко I (умер в 992 г.), если верить Титмару Мерзебургскому, завещал разделить державу между всеми своими сыновьями («*relinquens regnum suimet plurimis dividendum*»): старшим Болеславом и тремя младшими от второго брака с немкой Одой — Мешком, Свентепелком и третьим, не на-

критически оценивая этот опыт. Следовательно, в династической истории древнерусского княжеского дома для завещания Бржетислава I достаточно полных параллелей не видно.

Обратимся теперь к завещанию польского князя Болеслава III 1138 г. Наиболее ранним свидетельством о нем является известие польского хрониста Винцентия Кадлубка (рубеж XII–XIII вв.), который в свойственной ему высокопарно-риторической манере пишет в общих словах об установлении «тетрархии» Болеславичей, причем старшему из них отдавались «княжение в Краковской земле и верховная власть»⁴⁸. Границы уделов «тетрархов» очерчены только в много более поздней (начало XIV в.) Великопольской хронике, согласно которой старший Владислав II (1138–1146) получил Краков, Силезию, Серадз, Ленчицу и Восточное Поморье (Гданьскую марку), Болеслав IV — Мазовию, Мешко III — Великую Польшу, Генрих — Сандомир, а родившийся уже после смерти отца Казимир (будущий Казимир II) пока оставался без удела⁴⁹. Из совокупности более ранних разрозненных данных реконструируется несколько иная

званным по имени (*Thietm.* IV, 57–58. S. 196, 198; *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники. С. 134, 138–139). Судя по известному документу Мешка I «*Dagome iudex*» (*Kürbisówna B.* *Dagome iudex — studium krytyczne // Początki Państwa Polskiego. Poznań, 1962. T. 1. S. 394–396; Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 29), который представлял собой акт передачи части Древнепольского государства (за исключением Краковской земли, где, вероятно, сидел старший сын Мешка Болеслав: *Łowmiański H.* *Początki Polski. Warszawa, 1973. T. 5. S. 595–614*) под покровительство папского престола с целью гарантии наследственных прав сыновей от второго брака (именно такая трактовка документа представляется наиболее основательной: *Labuda G.* *Prawne i polityczne aspekty dokumentu Dagome iudex // Labuda G.* *Studia nad początkami Państwa Polskiego. Poznań, 1988. T. 2. S. 240–263 [Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Seria Historica. № 140]*), свидетельство Титмара достоверно. Тем самым, Мешко действовал вполне в рамках традиционного родового совладения, которое и пытался оградить от притязаний Болеслава на единовластие; сделать это ему, впрочем, не удалось: сразу же по смерти отца Болеслав изгнал мачеху и младших братьев (*Thietm.* IV, 58. S. 198).

⁴⁸ «<...> *Sracoiviensis provinciae principatus et auctoritas principandi*» (*Magistri Vincentii Chronica Polonorum / Ed. M. Plezia. Kraków, 1994. Cap. III, 26 [MPH NS. T. 11]*).

⁴⁹ *Chronica Poloniae maioris / Ed. B. Kürbis. Warszawa, 1970. Cap. 30 (MPH NS. T. 8); «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях / Перев. Л.М. Поповой, вступ. ст. и коммент. Н.И. Щавелевой. М., 1987. С. 106.*

картина: Владиславу принадлежала еще и восточная часть Великой Польши с прежней столицей Древнепольского государства — Гнезном, а также Сандомирская земля, тогда как Генрих, подобно Казимиру, не имея сначала, по малолетству, собственного удела, жил при матери Саломее, которой были выделены Серадз и Ленчица⁵⁰.

Остается неясным, какое именно конкретное содержание скрывалось за неопределенным выражением Кадлубка о «верховой власти» краковского князя над братьями согласно завещанию Болеслава III, — как неясны, собственно, и полномочия Изяслава Ярославича. В любом случае попытка изгнать младших братьев из их уделов, которую Владислав II предпринял сразу же после смерти отца, была (если полагаться на сведения Кадлубка), в отличие от действий Спытигнева II в Чехии, безусловным превышением этой «верховой власти». Если же задаться в отношении завещания Болеслава III тем вопросом, каким выше мы задались в отношении завещания Бржетислава I, а именно: было ли это завещание актом учреждения сеньората (который в польской историографии, применительно к порядку, предусмотренному завещанием 1137 г., предпочитают именовать «принципатом»), — то ответить на него со всей решительностью будет нелегко по недостатку данных.

Довольно очевидно и — в силу прецедентного характера средневекового права — естественно, что раздел по завещанию Болеслава III исходил из предшествовавшего раздела по смерти (и, вероятно, по воле или с согласия⁵¹) его отца Владислава I (1079–1102), поскольку, как можно понять, Болеслав III получил в 1102 г. Силезию и Краковскую землю (с Сандомиром), а его старший сводный брат Збигнев — северную половину: Великую Польшу, Мазовию и лежащие между ними Серадз, Ленчицу и Калиш; Гданьское Поморье было завоевано Болеславом III позднее⁵². Таким

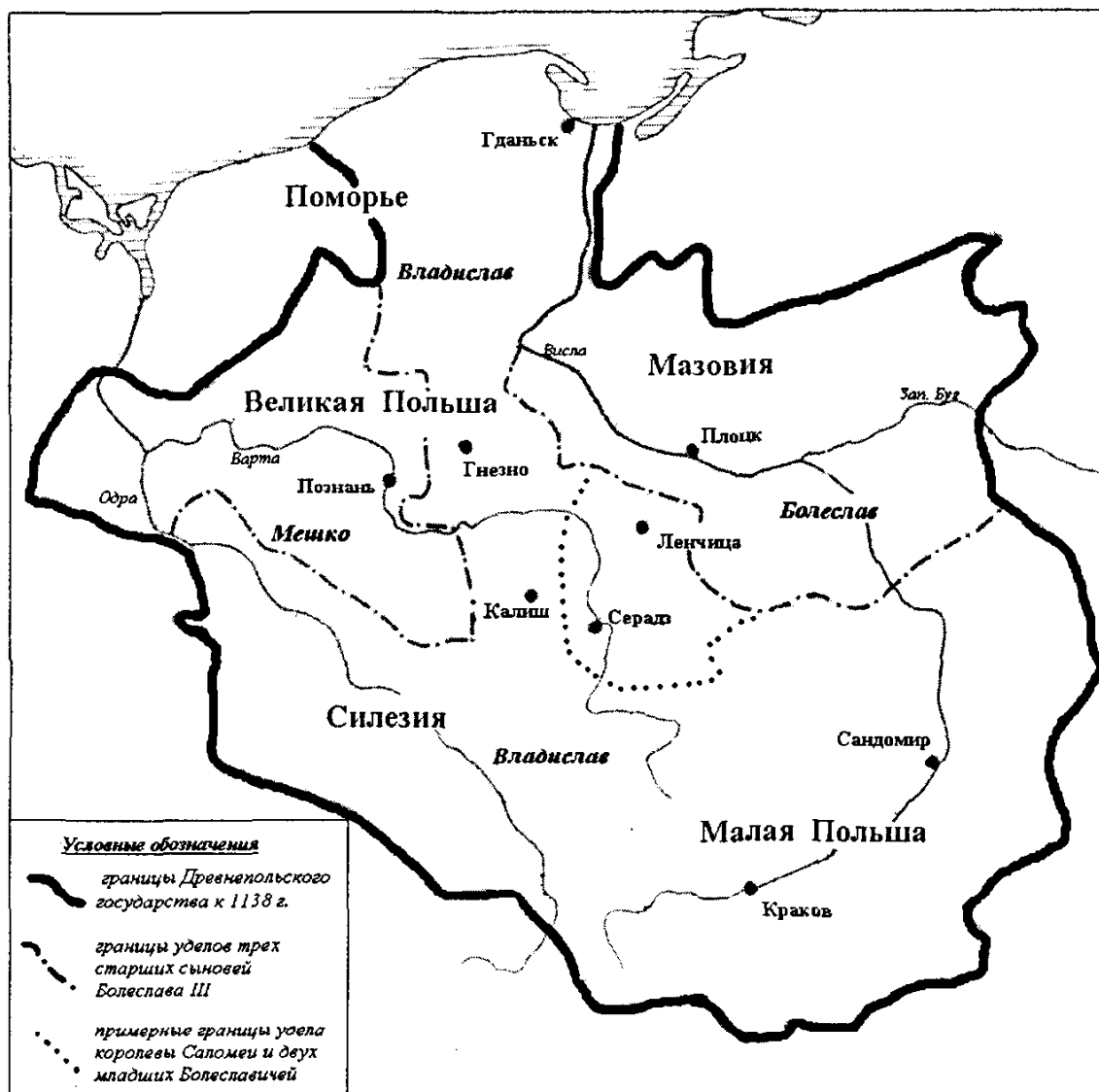
---

⁵⁰ См. остающуюся основополагающую работу по теме: *Labuda G. Testament Bolesława Krzywoustego // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicata. Poznań, 1959. S. 171–194; ср. также: Buczek K. Jeszcze o testamente Bolesława Krzywoustego // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1960. T. 60. Zesz. 4. S. 621–639.*

⁵¹ *Anonymi Galli Chronicae et gesta ducum sive principum Poloniae / Ed. K. Maleczyński. Kraków, 1952 (далее: Gall.). Cap. II, 21 (MPH NS. T. 2).*

⁵² Такое распределение земель вырисовывается из повествования польского хрониста Галла Анонима (первая четверть XII в.) о борьбе между Болеславом III и Збигневом в 1102–1107/8 гг. (*Gall. II, 22–41*).

Раздел Древнепольского государства по завещанию Болеслава III в 1138 г.

образом, Болеслав III завещал старшему сыну свою половину по прежнему разделу с братом Збигневом, а двум следующим сыновьям, Болеславу и Мешку, вместе с их малолетними братьями и матерью Саломеей (Владислав происходил от первого брака Болеслава III с дочерью киевского князя Святополка Изяславича Передславой) выделил на всех северную половину Збигнева, из которой к тому же, если полагаться на выводы Г. Лябуды, был изъят гнезненско-калишский «коридор», соединивший Краков с Гданьском. Принцип, лежащий в основе восстанавливаемого таким образом раздела по смерти Владислава I, выглядит, в силу примерного равенства уделов Збигнева и Болеслава, весьма архаичным; высказываемые иногда догадки, что старший из братьев, Збигнев,

по завещанию отца располагал какими-то сеньориальными правами⁵³, насколько нам известно, не могут быть подтверждены свидетельствами источников. Кроме того, само завещательное распоряжение Владислава I было предпринято в весьма специфических условиях последних лет правления князя — после поражения, которое он потерпел от солидарно выступивших против него обоих сыновей⁵⁴, поэтому только паритетный раздел мог быть объявлен без риска немедленно вызвать новую смуту. Таким образом, специфический раздел по завещанию Владислава I, не выказывающий черт сеньората, вряд ли можно рассматривать в качестве верного отражения династической традиции в польском княжеском семействе как она сложилась ко второй половине XI в.

Углубляясь ретроспективно в более ранний период, видим несомненный сеньорат Болеслава II (1058 — ок. 1080) над младшим братом Владиславом (будущим Владиславом I). Хроника Галла Анонима, правда, ничего определенного на этот счет не сообщает, но в иностранных источниках 1060–1070-х гг. Болеслав со всей очевидностью выступает как правитель Польского государства, так что его безусловная доминация сделала даже возможной коронацию королевским венцом в 1076 г. Но был ли сеньорат Болеслава установлен уже завещанием его отца польского князя Казимира I (1038/39–1058)? Казимир оставил после своей смерти троих сыновей — помимо Болеслава и Владислава, еще и младшего Мешка. Едва ли приходится сомневаться, что родовой Плоцк вместе с Мазовецким уделом, в котором застаем Владислава в правление его брата Болеслава II, он получил еще по разделу после смерти отца. О владениях Мешка сведений не сохранилось, хотя такие владения наверняка имелись, так как третий из Казимировичей умер только в 1065 г. на двадцатом

---

⁵³ *Turek J. Zbigniew // LMA. 1998. Bd. 9. Sp. 495.* В свою очередь, Болеслав III сениором по завещанию отца определенно не был, так как даже его панегирист Аноним Галл ограничивается обтекаемым замечанием, будто Болеслав в качестве «законного сына» (Збигнев происходил от первого брака Владислава, причем его мать была не княжеского происхождения, так что с женитьбой Владислава на Юдите, дочери чешского князя Вратислава II, первый брак князя был объявлен конкубинатом) «занял два главных города королевства» (*Gall. II, 21*). Но и это, конечно, с натяжкой: Краков и Вроцлав, доставшиеся Болеславу, никак невозможно считать «главными городами» в отличие от кафедрального Гнезна и пожизненной отцовской резиденции — Плоцка.

⁵⁴ *Gall. II, 16.*

году жизни⁵⁵. Поскольку единственным источником, сообщающим день его смерти, является синодик регенсбургского монастыря св. Эммерама⁵⁶, то напрашивается предположение, что удел Мешка располагался на западе или юго-западе Древнепольского государства, т.е. что младший сын Казимира Восстановителя владел либо Великой Польшей, либо Силезией. Первый вариант представляется более вероятным ввиду неустойчивого статуса Силезии, которая была присоединена только в 1050-е гг., незадолго до кончины Казимира I, и с которой поляки были обязаны платить дань Праге⁵⁷; в такой ситуации было естественно сохранить ее под властью сениора, а не делать уязвимой, отдавая в удел самому младшему из братьев. В таком случае владельческая конфигурация, образовавшаяся по завещанию Казимира I, была бы, что показательно, весьма сходной с разделом 1137 г. Судьба старой польской столицы и митрополичьей резиденции Гнезна остается при этом неясной (оставалась ли она в Великопольском уделе Оттона, или была выделена, как в 1137 г., чтобы быть включенной в удел старшего), но ясно одно: в династии Пястов сеньорат отнюдь не был учрежден завещанием Болеслава III. Учитывая сказанное выше о передаче престола от Болеслава I к его сыну Мешку II, а также временный распад Древнепольского государства в ходе смуты после смерти Мешка II в 1034 г., приходим к заключению, что возникновение сеньората в Польше следует скорее всего отнести к 1058 г. и связать это событие с завещанием Казимира I, отстоящим от «ряда» Ярослава Владимировича всего на четыре года. В силу тесных династических связей между Ярославом и Казимиром совершенно не исключаем, что «ряд» Ярослава Мудрого мог послужить образцом для завещания Казимира I.

Если наши построения верны, то раздел 1137 г. апеллировал не столько к разделу 1102 г., сколько именно к распределению территорий между Казимировичами в 1058 г., которое и лежало у исто-

---

⁵⁵ *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 175.

⁵⁶ *Das Martyrolog-Necrolog von St. Emmeram zu Regensburg* / Hg. E. Freise, D. Geuenich, J. Wollasch. Hannover, 1986 (MGH, Libri memoriales et necrologia, Nova series. T. 3) (под 28 января).

⁵⁷ *Cosm.* II, 13. S. 101; у Козьмы присоединение Силезии Казимиром I датировано 1054 г., что подтверждается сообщением Алтайхских анналов о заключении в 1054 г. польско-чешского мира (*Annales Altahenses maiores* / Ex rec. W. de Giesebrecht et E. L. B. ab Oefele. Hannover, 1891. P. 50 [MGH SRG]).

ков древнепольского сеньората. Тем самым, теряется последняя — пусть и частная — параллель завещания Болеслава III с «рядом» Ярослава: ведь последний (в той части, которая касается учреждения «триумvirата» старших Ярославичей), как представляется, основывался на разделе Русской земли в узком смысле слова по Городецкому договору 1026 г., согласно которому Ярослав получал днепровское Правобережье с Киевом, а его младший брат Мстислав — Левобережье с Черниговом⁵⁸. В 1054 г. Мстиславова половина оказалась поделена между младшими «триумвирами», Святославом и Всеволодом Ярославичами, точно так же, как в 1137 г. половина Збигнева — между младшими Болеславичами.

По характеру раздела земель (если следовать реконструкции Г. Лябуды) размежевание по завещанию Болеслава III, казалось бы, напоминает хронологически более близкое ему — то, которое имелось в виду династическим проектом киевского князя Мстислава Владимировича (1125–1132), пытавшегося в данном отношении реализовать замысел своего отца киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1113–1125). Целью проекта было закрепить за Мстиславичами срединную часть Руси от Киева через Смоленск до Новгорода, решительно разделяя владения младших Мономашичей — Юрия Суздальского и Андрея Волынского, которых предполагалось исключить из киевского столонаследия⁵⁹. Однако ни в скудном на подробности рассказе Кадлубка, ни в других источниках нет никаких сведений, сопровождалось ли завещание Болеслава III какими-либо новшествами в отношении наследования сеньориального краковского стола — скажем, планами сохранить его за потомством Владислава II. После поражения и изгнания Владислава Краков достался следующему по старшинству из Болеславичей — Болеславу IV (1146–1173); через несколько лет по его смерти краковская знать предпочла великопольскому князю Мёшку III (краковский сениор в 1173–1177, 1199–1202 гг.) самого младшего из братьев — Казимира II (1177–1194), который, однако, был вынужден в течение всей жизни отстаивать Краков от притязаний Мёшка. Все это свидетельствует, что династическое право Пястов и во второй половине XII в. продолжало определяться принципом генеалогического старейшинства. Разумеется, крах Владислава II означал и

---

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149; Т. 2. Стб. 137.

⁵⁹ Назаренко А.В. Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы // ДГ. 2004 год. М., 2006. С. 118–129.

крушение планов Болеслава III реформировать столонаследие (коль скоро таковые планы были), как и на Руси о сопротивление младших Мономашичей разбился династический проект их отца и старшего брата.

Вопрос о типологическом сходстве завещания Болеслава III с проектом Владимира Мономаха — Мстислава Великого остается, таким образом, открытым, но на такой же вопрос о его аналогичности «ряду» Ярослава Мудрого надо, на наш взгляд, со всей определенностью ответить отрицательно. Ни завещание Болеслава III в Польше, ни завещание Бржетислава I в Чехии не стояли у истоков династического сеньората, который в обеих странах возник много раньше. Уже по одной этой причине они занимают в эволюции сеньората совсем другую типологическую ячейку, нежели «ряд» Ярослава на Руси, являвшийся именно первой, учредительной, попыткой построить политическую систему на принципе династического старейшинства. Завещание же Бржетислава I, если верны наши наблюдения, и вообще порывало с *corpus fratrum*, т. е. должно рассматриваться совсем в ином типологическом ряду, например, в сравнении с династическим единовластием, сменившим последние пережитки родового совладения в Западнофранкском (Французском) королевстве после смерти Людовика IV (умер в 954 г.)⁶⁰, а в Восточнофранкском (Германском) — согласно порядку престолонаследия, осуществленному Генрихом I (919–936)⁶¹.

---

⁶⁰ Последний родовой раздел здесь фиксируется между сыновьями Людовика II (877–879) Людовиком III и Карломаном в 880 г. (*Werner K.H.F. Gauzlin von St.-Denis und die westfränkische Reichsteilung von Amiens (März 880) // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Köln; Wien, 1979. Bd. 15. S. 395–462*).

⁶¹ И здесь, впрочем, резкость разрыва с традициями родового совладения в историографии переоценивается. Пусть Баварское герцогство Генриха (948–955), младшего брата германского короля Оттона I Великого (936–973), нельзя сравнивать с уделами младших Каролингов (так как другие герцогские столы замещались знатью не из числа членов правящей династии), но королевский титул за Генрихом был сохранен и употреблялся в практике международных сношений. В адреснике византийской императорской канцелярии середины X в. Генрих титулуется «королем Баварии» (« $\rho\eta\chi$ Βαλουρη[ς]») совершенно аналогично Оттону, именуемому «королем Саксонии» (« $\rho\eta\chi$ Σαζωνιας») (*Constantini Porphyrogeneti imperatoris De cerimoniis aulae byzantinae libri duo / E rec. I.I. Reiskii. Bonnae, 1829. T. 1. Cap. II, 48. P. 689. 5 [Corpus scriptorum historiae Byzantinae]; Назаренко А.В. Древняя*

Помимо своей типологической инакости, «ряд» Ярослава отличается чрезвычайной оригинальностью и в деталях. Об удивительном «триумvirате» старших Ярославичей, т. е. своего рода коллективном сеньорате, сопровождавшем индивидуальный сеньорат Изяслава, уже упоминалось. Бросается в глаза также и необычный «чересполосный» характер уделов трех старших Ярославичей: Киев и Новгород Изяслава разделены Смоленском Вячеслава, Чернигов и Тмутаракань Святослава — степью, Переяславль и Ростов Всеволода — вятичскими землями Черниговского удела Святослава⁶². Подобная территориальная структура не находит себе никакого соответствия в завещаниях Бржетислава I и Болеслава III. Зато такие соответствия имеются в династических разделах Франкского государства VI–IX вв., где этот феномен выражен даже более ярко и находит себе убедительное объяснение. Но этой стороне дела посвящена отдельная работа⁶³.

Русь на международных путях. С. 256–257). Налицо явный пережиток династических отношений времен *corpus fratrum*.

⁶² В самом завещании Ярослава Мудрого, как оно донесено до нас летописями, о судьбе Новгорода, Ростова и Тмутаракани ничего не говорится; судьба эта восстанавливается по разрозненным данным 1060-х годов, которые подтверждают свидетельство перечня киевских князей из Комиссионного списка Новгородской первой летописи: «И преставися Ярослав <...> и взя вятшии Изяслав Киев и Новгород и ины города многы Киевьския в пределех; а Святослав Чернигов и всю страну вьсточную и до Мурوما; а Всеволод Переяславль, Ростов, Суждаль, Белоозеро, Поволжье» (НПЛ. С. 469).

⁶³ Назаренко А.В. «Ряд» Ярослава Мудрого.

**«Древнейшая правда» Ярослава:
дружинное право в становлении
государственного законодательства**

Ко времени правления Ярослава Владимировича Мудрого относится первый письменный памятник права Древней Руси — так называемая Древнейшая Правда (или Правда Ярослава)¹, знаменующая переход от дописьменной к письменной правовой традиции и являющаяся важнейшей вехой в развитии права в период становления государства.

Этим объясняется пристальное внимание исследователей как ко времени и условиям официального оформления Древнейшей Правды, так и к характеру заключенных в ней норм.

В Новгородской первой летописи младшего извода Древнейшая Правда помещена под 1016 г. и предваряется следующим сообщением: «...Ярославъ иде къ Киеву, седе на столе отца своего Володимера; и абие нача вои свои делите, старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривне, а новгородомъ по 10 гривень всемъ, и отпусти ихъ всех домовъ, и давь имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: „по се грамоте ходите якоже списах вамъ, такоже держите“. А се есть правда русская...»². Таким образом, в соответствии с летописным свидетельством, «Правда» вместе с денежным вознаграждением была пожалована новгородцам за их помощь Ярославу, оказанную в борьбе со Святополком за киевский великокняжеский престол. Из сведений, помещенных в Повести временных лет под 1015 г., историки заключают, что незадолго до этих событий в Новгороде произошло восстание: «...варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женам ихъ. Вставше новгородци, избиша варягы во дворе Поромони». Еще до получе-

---

¹ Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. Памятники права Киевского государства: X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин. С. 77–80 (далее — ПРП).

² ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 175–176.

ния известий из Киева о действиях Святополка Ярослав мстит новгородцам за побитую наемную дружину: «И позва к собе нарочитые мужи, иже бяху иссекли варяги, и обольстивъ я исече». Однако в ту же ночь, получив тревожные известия, он кается перед новгородцами, и те соглашаются поддержать его: «Аще, княже, братья наша посечена суть, можемъ по тебе бороти». «И събра Ярославъ варягъ тысячу, а прочих вои 40 000, и поиде на Святополка...»³.

В историографии распространены две основные точки зрения касательно происхождения Древнейшей Правды:

— она дана Ярославом Новгороду, как и сообщается в Новгородской первой летописи, примерно в 1016 г.;

— она возникла в Киеве или Новгороде где-то в 30-х гг. XI в.

Большинство ученых не видели оснований подвергать сомнению летописную датировку Древнейшей Правды (Н.И. Ланге, И.Д. Беляев, А.И. Стратонов, Б.А. Романов, Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков, М.Б. Свердлов и др.), и появление Древнейшей Правды (Ярослава) так или иначе связывали именно с событиями 1016 г. Исходя из такой интерпретации летописных сведений, они трактуют причины возникновения, характер и назначение данного правового документа. Напротив, С.В. Юшков и М.Н. Тихомиров единодушно датируют ее появление 30-ми гг. XI в., но принципиально расходятся в вопросе касательно места происхождения Древнейшей Правды. Так или иначе, особенности Древнейшей Правды являются главным критерием при определении специфики трансформации устного права в письменное в условиях формирования государства.

Во всех предлагаемых в историографии интерпретациях обычное право, родоплеменные институты или нормы, сложившиеся «до законодательной регламентации» признаются одним из источников Древнейшей Правды, но, очевидно, что механизмы их проникновения в письменное законодательство исследователями осмысляются по-разному. Подчеркну, что, как правило, переход от обычая к законодательству не ограничивается простым переносом первого во второе.

Ведущие историки права Древней Руси не раз предпринимали попытки очертить картину последовательного развития права в период формирования государства. Так, еще А.Е. Пресняков, пользуясь определением «союз княжеской защиты», одним из первых в отечественной историографии выдвинул гипотезу о существовании некой переходной правовой системы, сформулировав понятие «кня-

---

³ ПВЛ. С. 62.

жого права». Таким образом, по мнению историка, помимо обычного права и государственного законодательства, на определенном этапе действовала система права, некий «правовой союз», построенный на качественно иной основе⁴.

С.В. Юшков подобную переходную систему видел в праве, возникавшем в основных центрах Руси и защищавшем интересы представителей господствующих классов. По его мнению, в это время формировалось право социальных групп, которые возникли в результате разложения первобытнообщинного строя восточного славянства и осели в городах, — т.е. право основных городских центров⁵.

Л.В. Черепнин пошел по пути реконструкции этапов становления государственного законодательства, возникновение которого он относил уже к концу IX в. По его мнению, эволюция права в этот период заключалась в поэтапном переосмыслении норм обычного права, оформлении комплекса юридических норм, которыми в суде и управлении руководствовалась, прежде всего, киевская знать и которые представители правящей верхушки старались насадить в других землях⁶.

А.А. Зимин полагал, что вплоть до начала XI в. в древнерусском праве сильны черты военной демократии. По его мнению, лишь с появлением Древнейшей Правды Ярослава княжеская юрисдикция распространилась на все восточнославянское общество. По его мнению, вначале правовые нормы для киевской дружины вырабатывались на основе обычного права, а затем начинает происходить обратный процесс: новое феодальное право, вырабатывавшееся в княжеской и дружинной среде, начинает воздействовать на обычай, приспособлявая его к изменившимся социальным отношениям⁷.

М.Б. Свердлов рисует картину постепенного «перетекания» обычного права в государственное законодательство на основе своеобразной унификации обычно-правовых систем отдельных племенных союзов («племенных правд») и постепенного распростра-

---

⁴ Пресняков А.Е. Княжеское право Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 183–185.

⁵ Юшков С.В. Русская Правда. М., 1950. С. 341.

⁶ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и «Русская правда» // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

⁷ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999.

нения этой новой унифицированной правовой системы на территорию южного государственного образования восточных славян с центром в Киеве⁸.

Итак, в отечественной историографии в целом осмыслен сложный характер становления древнерусского права на пути от обычая к государственному законодательству, а крупнейшие исследователи так или иначе указывали на существование неких переходных систем права на Руси в до- и раннегосударственный период. Принципиальные расхождения начинаются при характеристике этого переходного этапа и, следовательно, особо важное значение приобретает выяснение специфических особенностей права периода формирования государства.

Большинство исследователей сходятся на том, что одним из основных источников Древнейшей Правды является право обычное или же некая система права переходного характера; ими подчеркивается общерусский характер ряда ее статей и древность отражаемых ими общественных отношений. В попытке проследить этапы становления общерусского законодательства особое внимание уделяется «закону русскому», который упоминается в текстах русско-византийских соглашений X века и, видимо, как раз и являлся той системой права, которая действовала на Руси в период до появления письменной Русской Правды.

Отражение такой переходной системы права усматривается в «законе русском» русско-византийских договоров X в.⁹ Как мне представляется, «закон русский» действовал в этнически неоднородной среде великокняжеской дружины. Не будучи еще законодательством государственным, «закон русский» не являлся и обычным правом в полном смысле этого слова, поскольку регламентировал отношения не между или внутри кровнородственных коллективов, а в специфическом социуме, основанном на межличностных отношениях, имитирующих кровнородственные. Возможно, «закон русский» вообще изначально не имел определенной этнической принадлежности, а являлся правом смешанной корпоративной общности. Таким образом, «закон русский» являлся модификацией обычного права в дружинном социуме, и потому его можно условно назвать «дружинным» правом. Оно проецирует нормы обычного права на взаимоотношения внутри

---

⁸ Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской правде. М., 1988.

⁹ Никольский С.Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 5–48.

дружинной корпорации, извлекая из обычного права нормы, актуальные для среды дружинников, принимавших на себя обязанности, свойственные членам родственного коллектива. Тем самым «дружинное» право выделяется из родового и представляет собой важнейший этап в переходе от обычного права к государственному законодательству.

Такой «дружинный» характер, похоже, прослеживается и в Древнейшей Правде, где отражен следующий этап формирования государственного законодательства. Древнейшая Правда имеет ряд весьма любопытных особенностей:

а) в ней зафиксированы лишь выборочные уголовные или реже уголовно-процессуальные нормы, тогда как «варварские правды» отличаются гораздо более широким тематическим охватом;

б) в ней не разработаны нормы наследственного права, что следует отметить особо;

в) в Древнейшей Правде нет ярко выраженного акцента на кровнородственные отношения между субъектами права (с уверенностью можно говорить лишь о том, что ограниченный круг родственников мужского пола фигурирует только в первой статье (о праве кровной мести и выкупе). Причем не прослеживается прямой связи между мстителем/получателем выкупа и потенциальным наследником убитого. В противном случае пришлось бы признать, что братья имеют некое преимущество в порядке наследования по сравнению с сыновьями. Принцип перечисления родственников в Древнейшей Правде, таким образом, не столько отражает иерархию в кровнородственном коллективе, сколько стремится учесть наиболее реальных мстителей;

г) в Древнейшей Правде нет упоминаний о хозяйственной деятельности субъектов права, что обуславливает и специфический характер очерченных в памятнике преступлений;

д) принципиальное отличие от большинства так называемых «варварских правд» — отсутствие каких-либо сведений о земельных наследственных владениях, являвшихся в Северной и Западной Европе неотъемлемой собственностью родового коллектива и определявших социальный и правовой статус субъектов права;

е) среди упомянутого в Древнейшей Правде имущества фигурирует главным образом движимость весьма специфического характера (кони, оружие).

Ограниченное содержание Древнейшей Правды, по-видимому, объясняется не столько неразработанностью ряда важнейших правовых сюжетов, сколько составом субъектов ее права, а также особен-

ностями становления, спецификой правовых источников и условий возникновения Древнейшей Правды.

Конечно, ряд вышеуказанных особенностей Древнейшей Правды могут объясняться предполагаемой целью ее издания — урегулированием социальных конфликтов, попыткой княжеской власти избежать повторных столкновений новгородцев с наемниками, стабилизирующими мерами в Новгороде после завоевания Ярославом с помощью новгородцев и варягов киевского великокняжеского престола в 1015–1016 гг.

Однако, как представляется, такой подход не вполне объясняет неоднократно отмечавшуюся исследователями не просто избирательность норм Древнейшей Правды, но и отнесенность их к определенной стороне жизни дружинников или состоятельного городского населения. По-видимому, данное противоречие может быть разрешено, если попытаться ответить на вопрос: кто являлся субъектом права, нормы которого зафиксированы в Древнейшей Правде?

Состав субъектов права Древнейшей правды реконструируется на основе перечня в ст. 1¹⁰ «Краткой Русской Правды»: «Убьет мужь мужа, то мсѣтитъ брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мсѣтя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгой будеть, либо словенин, то 40 гривен положити за нь»¹¹.

Такое многообразие терминов в последующем тексте не прослеживается. Встречается лишь термин «мужь», который к тому же чаще всего подменяется нейтральным обозначением «кто» в стандартной формуле «аще кто...». Таким образом, термин «мужь» включает в себя все упомянутые в ст. 1 категории.

Однако использование в Древнейшей Правде собирательного термина «мужь» не позволяет видеть под ним любого лично свободного человека. Тот факт, что данный термин охватывает ряд социальных категорий, которые законодатель посчитал нужным специально оговорить, подразумевает некий критерий при их отборе. Поэтому правомерно обратиться к летописным текстам и проследить, какое смысловое наполнение имеет термин «мужь» в «Повести временных лет». Принимая во внимание неустойчивость термино-

---

¹⁰ Здесь и далее нумерация статей Русской Правды дана по А.А. Зимину (см.: ПРП).

¹¹ ПРП. С. 78.

логического аппарата раннего летописания, все же представляется возможным выяснить семантическое поле данного термина и даже проследить некоторые смысловые изменения, которые он претерпевал в летописных рассказах разного происхождения и применительно к разным периодам времени.

На основе летописных текстов чрезвычайно трудно конкретизировать понятие «мужи» применительно к социальной иерархии древнерусского общества. Однако возможно выделить несколько основных сюжетов, в которых прослеживаются главные функции мужей и их социальный статус.

Во-первых, это «мужи», рассаживаемые по градам. Первое упоминание в ПВЛ «мужей» в социальном значении помещено в сказании о призвании варягов под 862 г.: «И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своим грады...»¹².

Далее в ПВЛ выделяются еще три случая, когда князь сажает «мужей» по градам:

— «Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чудь, словени, мерю, весь, кривичи, и приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои» (под 882 г.)¹³;

— Владимир «избра от нихъ [варяг] мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду в Греки» (под 980 г.)¹⁴;

— Владимир «нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча порубати муже лучьшие от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сихъ насели грады, бе рать от печенегъ. И воюяся с ними и одолая имъ» (под 988 г.)¹⁵.

Таким образом, в летописной трактовке некие избранные, «лучшие», «добрые», «смысленные», «свои» для князя мужи распределяются князем (в качестве посадников или же воинского контингента) по городам, захваченным или только что отстроенным. Очевидно, что общественный статус этих «мужей» либо уже был, либо становится достаточно высок, поскольку их, как правило, «избирают», «порубают» из их прежней среды.

---

¹² ПВЛ. С. 13.

¹³ ПВЛ. С. 14.

¹⁴ ПВЛ. С. 37.

¹⁵ ПВЛ. С. 14, 37, 54.

Во-вторых, мужи — добрые и злые советчики. Вплоть до конца XI в. «мужи» как представители старшей дружины остаются, в глазах летописца, основными советчиками князя. Однако в это период серьезную конкуренцию им начинает составлять «уные», «несмысленные» советчики, окружение отдельных княжичей, независимое от «дружины отней».

В-третьих, мужи — «слы» и служилые люди. В рассказе об испытании веры Владимир созвал «боляры и старцы градские», которые затем советуют князю: «„Аще хочещи испытати гораздо, то имаше у собе мужи: пославъ испытай кождо их службу, и кто како служить Богу“. И бысть любя речь князю и всемъ людемъ, избраша мужи добры и смыслены, числом 10...» (под 987 г.)¹⁶.

В-четвертых, княжеские мужи, исполняющие административные или иные функции, являются представителями князя в иных городах:

— «И не смяша Ярославъ ити в Киевъ, дондеже смиристася. И седяше Мьстиславъ Чернигове, а Ярославъ Новгороде, и бяху Кыеве мужи Ярославли» (под 1025 г.)¹⁷;

— «Путята же с вои пришедъ к Лучьску к Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдовы у Святоше, заходилъ бо бе роте Святоша к Давыдови: „Аще поидеть на тя Святополкъ, то повемъ ти“. И не створи сего Святоша, но изьима мужи Давыдовы, а сам поиде на Давыда» (под 1097 г.)¹⁸.

Таким образом, в ПВЛ «мужи» выступают представителями, посланниками князя, агентами верховной власти, всегда ассоциируются с военно-административным аппаратом, но не всегда отождествляются со старшей дружиной.

Наконец, термин «мужи» употребляется как расширенное понятие дружины или «вои» вообще. Так, под 992 г. в рассказе о поединке русского и печенежского воинов, где термин «мужь» встречается девять раз, он выступает синонимом «вои». Приведем наиболее яркий пример: «И поча тужити Володимеръ, сля по всем воемъ, и приде старъ мужь ко князю и рече ему: „Княже! есть у мене единъ сынъ меньшей дома, а с четырьми есмь вышель, а онъ дома“»¹⁹. Владимир ищет мужа для поединка с печенегом среди воев.

¹⁶ ПВЛ. С. 48–49.

¹⁷ ПВЛ. С. 65.

¹⁸ ПВЛ. С. 65, 116.

¹⁹ ПВЛ. С. 55.

Наиболее важными же для нас летописными свидетельствами, раскрывающими состав княжеской дружины (в широком смысле этого слова — «люди свои») и процесс трансформации этого круга лиц, так или иначе приближенных к князю, являются рассказы ПВЛ, помещенные под 996 и 1015–1018 гг. Последний, как упоминалось, большинство исследователей непосредственно связывают с появлением Древнейшей Правды (Правды Ярослава). В статье же 996 г. говорится: «Се же паки творяше людем своимъ: по вся неделя устави на дворе въ гридьнице пирь творити и приходити болярюм, и гридем, и съцькымъ, и десяцькым, и нарочитым мужемъ, при князи и безъ князя». Именно эти люди, далее названные дружиной, собираются в княжеской гридьнице на пиры, и для них Владимир «повеле исковати лжице сребрены», мотивируя это следующим образом: „Сребромъ и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато...“»²⁰.

Подробный анализ употребления термина «мужь» в Повести временных лет указывает на то, что он охватывает максимально большое количество проявлений повышенного социального статуса индивидуума или группы лиц, как правило, находящихся на службе у князя. Таким образом, летопись позволяет уточнить характер субъектов права Древнейшей Правды, именуемых в этом памятнике «мужами», которых, по-видимому, неправомерно рассматривать как все лично свободное население Древнерусского государства. Летописные «мужи», как и «мужи» Древнейшей Правды, отражают расширительное понятие дружины, которая по своему составу и характеру претерпевает следующие изменения:

— понятие дружина все больше утрачивает значение ближайшего княжеского окружения, чему способствует, в числе прочего, распределение «мужей» по городам, а также включение в ее орбиту все новых социальных элементов, находящихся на службе у князя;

— увеличение численности;

— включение новых этнических элементов;

— продолжающийся процесс «качественного» расслоения дружинной среды, отраженный в виде появления все новых терминов, относящихся к военным, административным и фискальным агентам князя, выполняющим различные функции.

Теперь, учитывая все вышеприведенные примеры употребления термина «мужь» в Повести временных лет, вновь обратимся к

---

²⁰ ПВЛ. С. 56.

летописному рассказу 1015–1016 гг. Повесть временных лет сообщает, что Ярослав, разгневавшись на новгородцев, призывает их к себе и, обманув, убивает: «И позва к собе нарочитые мужи, иже бяху иссекли варягы, и обльстивъ я исече». По Новгородской первой летописи, упомянутые «нарочитые мужи» — это «вои славны». Именно их, а не варягов, Ярослав затем называет своей дружиной: «О, любя моя дружина, юже вчера избихъ, а ныне быша надобе» (по формулировке Новгородской первой летописи, «любимая моя и честная дружина, юже вы исекохъ вчера въ безумии моемъ, не то-перво ми ихъ златом окупите»²¹). Таким образом, определенная часть новгородцев рассматривается Ярославом в качестве дружины. Однако статус новгородской дружины представляется нестабильным. Обращает на себя внимание то, каким образом «укоряет» новгородцев воевода Святополк перед любечской битвой: «Что придосте с хромьцемъ симъ, а вы плотници суще? А приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ»²². В традиционной «перебранке» перед боем подвергается сомнению именно социальное положение новгородцев, тогда как у князя высмеиваются физические недостатки.

По сведениям Повести временных лет, Ярослав садится в Новгороде в 988 г. Под 1014 г. сообщается: «Ярославу же сущю в Новгороде, и урокомъ дающе Киеву две тысяче гривень от года до года, а тысячу Новгороде гридемъ раздаваху. И тако даяху вси посадници новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше к Киеву отцю своему...»²³. Данный летописный отрывок не просто свидетельствует о попытке Ярослава обособиться от отца, но и о складывании в новгородском окружении Ярослава местной дружинно-административной организации.

Сыновья Владимира, вплоть до смерти последнего, не имели при себе старшей дружины (ср., например, «гридей» Ярослава и «отроков» Бориса и Глеба, упомянутых под 1015 г.). Дружина Владимира («дружина отня»), верхушка киевской служилой знати выступает как отдельная политическая сила, из-за ряда обстоятельств (поход на печенегов и болезнь Владимира) оказавшаяся при Борисе: «Реша ему дружина отня: „Се дружина у тебе отня и вои. Поиди, сяди Киеве на столе отни“» (в рассказе об убиении Бориса под

---

²¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 174–176.

²² Там же. С. 15.

²³ ПВЛ. С. 58.

1015 г.)²⁴. Примечательно, что ст. 1 Древнейшей Правды также не знает старшей дружины, и поименованные в ней категории дружинников уравниваются в праве на одинаковый выкуп.

Заняв великокняжеский престол, Ярослав в 1016 г. впервые пытается перебраться в Киев, но, в соответствии с НПД, дает Новгороду Правду и, по-видимому, не столько приравнивает новгородцев в статусе к киевским старшим дружинникам, сколько законодательно закрепляет отношения, которые сложились в дружинной среде в новгородских условиях (среди «гридей», других служилых «мужей», а также новгородских «славных воев»).

Новгородское летописание на этом завершает рассказ, но судя по ПВЛ, новгородцы с этих пор становятся главной опорой Ярослава, дважды укрывая его (от Святополка, а затем от Мстислава), и проявляя в этом беспримерное рвение. «Ярославу же прибегшию к Новгороду, и хотяше бежати за море, и посадник Коснятинъ, сын Добрынь, с новгородци расekoша лодье Ярославле, рекуше: „Хочемь ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ“. Начаша скоть събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от боярь по 18 гривен» (под 1018 г.)²⁵. Отмечу, что в 977 г., когда Владимир вынужден бежать «за море», новгородцы не изъявляют желания его удержать, и «Ярополкъ посадники своя посади в Новегороде»²⁶.

В дальнейшем, вплоть до 1026 г., когда закончились междоусобные войны, «и бысть тишина велика в земли», в летописи отмечается череда взаимных услуг, которые оказывают друг другу Ярослав и новгородцы — последние, по-видимому, оправдывая свое особое положение, оформившееся при Ярославе. Таким образом, предназначение Древнейшей Правды (Правды Ярослава) нам видится не в том, что она должна была регулировать отношения между новгородцами, с одной стороны, и княжескими дружинниками, с другой. Давая «Правду» новгородцам, Ярослав подтвердил социальный статус новгородских «мужей», причем не просто уравнивая их в правах с перечисленными в ст. 1 Русской Краткой Правды категориями дружинников, но в некотором смысле сделав новгородских «мужей» одной из таких категорий.

Таким образом, состав субъектов права Древнейшей Правды и условия ее возникновения позволяют говорить об этом законода-

---

²⁴ ПВЛ. С. 63.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 35.

тельном памятнике как о комплексе норм дружинного, корпоративного права. В орбиту дружинного права, выражением которого стала Древнейшая Правда, постепенно включались те социальные и этнические слои, чьи связи с дружинной корпорацией и князем прежде являлись эпизодическими, ограничиваясь данническими отношениями или участием в крупных военных предприятиях.

Между тем, Правда Ярослава является законодательным памятником, отражающим право дружинной корпорации в его развитии, что обусловлено постепенной трансформацией самой дружины. В условиях становления и укрепления государственности состав и функции дружины претерпевают существенные изменения. Дружинники оседают на местах, заводят новые связи, расширяется круг их деятельности. Наконец, в дружину в широком понимании этого термина включаются всё новые общественные слои. Таким образом, право Древнейшей Правды уже не является сугубо дружинным, распространяясь на все новые слои населения и ложится в основу оформляющегося общегосударственного законодательства.

Что позволяет мне отводить «дружинному праву» в его развитии столь серьезную роль при переходе от догосударственного права к государственному?

Тот факт, что именно дружина — это общность, имеющая особое значение как в догосударственный, так и в раннегосударственный периоды истории. Дружина играет первостепенную роль в ходе политогенеза, а древнерусская дружина имеет и ряд специфических черт, обусловленных конкретно-историческими обстоятельствами ее формирования и функционирования. Эта специфика в значительной степени определяет и особенности дружинного права на Руси.

Во-первых, полиэтничная дружина находится под началом князей, которые не были выходцами из местной среды и чья власть над местным населением изначально не была основана на «авторитете традиции». Эта традиция формируется уже позднее, под пером древнерусских книжников.

Во-вторых, на членов полиэтничной дружины, которая действовала на обширной территории формирующегося Древнерусского государства, не распространялись ограничения, накладываемые в традиционном обществе на лиц разного происхождения и исходно разного социального статуса. С одной стороны, дружинники славянского, скандинавского или финно-угорского происхождения были поставлены вне своего племени или союза племен, они не подчинялись племенным правовым обычаям, т. е. нормам обычного права.

С другой стороны, благодаря системе полюдьи и стремлению князя подчинить себе новые территории, дружина находится в постоянном контакте с различными племенами и за счет выходцев из этих племен пополняет свои ряды.

В-третьих, политическое подчинение общинных масс князю как главе дружинной корпорации достигается либо силовыми методами, либо благодаря договорным отношениям.

Очевидно, что членство в дружине обладало притягательностью. С одной стороны, существовала экономическая заинтересованность, поскольку военная и торговая деятельность обеспечивали высокие и относительно стабильные источники дохода. С другой — еще более мощным фактором был социальный: приобретение могущественных покровителей в лице князя и военной корпорации.

Поэтому включение человека в сферу действия особого права, знаменующего принадлежность к дружине, являлось своего рода привилегией, маркирующей повышенный социальный статус данного человека.

Возникновение и развитие дружинного права являлось, таким образом, одним из решающих факторов в ходе распространения княжеской власти на территории формирующегося государства, и создавало условия для относительно мирного включения родоплеменных общностей в государственную правовую структуру.

Местом наиболее активных контактов представителей разных социальных и этнических групп, где создавались благоприятные условия для включения новых элементов в дружинную среду, являлся город, в данном случае Новгород.

Древнейшая Правда, данная, как об этом свидетельствует летопись, новгородцам, признавала их — наряду с дружинниками — субъектами ее права, повышая их социальный статус.

Письменная фиксация, оформление в виде княжеского пожалования новгородцам сближает Правду Ярослава с позднейшими законодательным памятниками. Она по-прежнему отражает право дружинной корпорации, но в его развитии. Так на протяжении X — первой половины XI в. нормы дружинного права постепенно распространялись на различные слои населения, расширялась и географическая сфера их действия. Именно поэтому можно рассматривать дружинное право в качестве одного из определяющих факторов в процессе распространения княжеской власти на территории, входившие в состав формирующегося Древнерусского государства.

К вопросу о первом съезде князей Рюриковичей

В историографии существует несколько мнений о том, когда и где состоялся первый съезд князей в Древней Руси. Таковыми считались: Любечский съезд 1097 г. (С.М. Соловьев, А.Е. Пресняков, М.С. Грушевский, В.И. Сергеевич, М.А. Дьяконов, Б.Д. Греков, С.В. Юшков, В.В. Мавродин), «Вышгородский» 1072 г. (М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.К. Котляр), встречи Ярослава и Ярославичей, упоминаемые в интитуляции «Русской правды» (А.А. Зимин). Предполагалось, что завещание Ярослава 1054 г. было оглашено на съезде (В.О. Ключевский, С.В. Бахрушин, Б.А. Рыбаков). Резко удрежнял истоки традиции Г.В. Вернадский: он считал, что уже ратификация договоров с греками проходила на неких прообразах княжеских съездов.

В единственной дореволюционной работе, непосредственно посвященной княжеским съездам на Руси, — статье Г.Г. Тельберга¹ — Любечский съезд признавался в качестве первого прецедента. С тех пор именно этот вариант стал «общим местом» последующей историографии. В последнем специальном исследовании В.Т. Пашуто определил снемы как «высший орган власти феодалов»². Им были обозначены и основные функции летописных съездов: совет руководителей страны между собой и со своими ближайшими помощниками, заключение мира, раздел столов и земель между Рюриковичами. Отдельному рассмотрению В.Т. Пашуто подверг княжеские съезды как инструмент дипломатии, внешне- и внутривосточной. На вто-

---

¹ Тельберг Г.Г. Несколько замечаний о междукняжеских снемах в древней Руси // ЖМНП. 1905. № 6. С. 332–334.

² Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 20–76.

ром, согласно его периодизации, этапе развития дипломатии Древней Руси, с середины XI в., основным новшеством становится «внутренняя междукняжеская дипломатия», чьей основой были именно снемы, сопровождавшиеся особым речевым и знаковым ритуалом³.

Выявление прецедентов междукняжеского взаимодействия, которые можно связать с политическим институтом съездов князей, в историографии во многом опиралось исключительно на наличие соответствующей лексики и подробности описания встречи в летописи, т. е. зависело от особенностей того или иного текста и степени интереса разных летописцев к политическим и правовым последствиям переговоров. Последовательный анализ «устойчивых формул»⁴ и политических терминов⁵, используемых летописцами при составлении описаний встреч князей, сравнение описаний одних и тех же съездов в разных летописных традициях, а также поиск специфических деталей процедуры и символического оформления⁶ переговоров позволяют реконструировать модель типичного «снима князей» и более обоснованно определить, с какого времени возникла практика княжеских съездов.

В древнерусских летописях за встречами князей закрепился термин *съньмъ* (*снемъ*) с однокоренным глаголом *снятися* и книжные термины *съветъ*, *соньмъ*⁷. Чаще всего использовался первый термин, отражающий факт сбора князей для совместного принятия политических решений и совместных действий⁸. Термины же со-

---

³ Пашуто В.Т. Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитый феодализм) // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 15–16.

⁴ Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. XX. С. 33–37; Он же. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. XVIII. С. 277–284.

⁵ Филюшкин А.И. «Любовь», «братство», «дружба»: к вопросу о категориях политической культуры Древней Руси // Филюшкин А.И. Титулы русских государей. СПб., 2006.

⁶ Щавелев А.С., Щавелев С.П. Антураж княжеских съездов на Руси: замечания по культурно-исторической семантике // Любецкий з'їзд князїв 1097 року в історичній долі Київської Русі. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 900-літтю з'їзду князїв Київської Русі у Любечі. Чернігів, 1997. С. 20–23.

⁷ Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 190.

⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. III. С. 783–784.

вет, сонм используются в более общем значении, но иногда они присутствуют и в описаниях съездов князей⁹.

Термин *миръ* был наиболее часто употребляемым в политической речи Древней Руси. *Мир* обозначал, в первую очередь, совокупность людей, объединенных согласием, общим делом¹⁰. Кроме того, термин входил в основополагающую бинарную оппозицию летописцев «мир — война»¹¹, являющихся двумя «дискретными, прерывными состояниями социального бытия»¹². *Миром* назывался также договор между двумя сторонами. Третье летописное обозначение из круга специфических терминов — «*ходити к роте*» — использовалось в летописи исключительно для описания взаимоотношений между язычниками (кочевниками и язычниками-русами)¹³. Исключение составляет применение термина *рота* по отношению к князьям-христианам в качестве риторического приема, отражающего отрицательное отношение летописца к их коллективным действиям: сговору, заговору для совершения несправедливых поступков¹⁴. Аналогом *роты* в междукняжеских отношениях выступала клятва-крестоцелование¹⁵, своеобразная метафора договора. Последний термин из

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. III. С. 705, 717.

¹⁰ Камчатов А.М. К лингвистической герменевтике древнерусского слова «миръ» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 6. Ч. II. С. 323.

¹¹ Щапов Я.Н. Идеи мира в русском летописании XI–XIII веков // ИСССР. 1992. № 1. С. 173–175.

¹² Щапов Я.Н. «Мир стоит до рати, а рать до мира» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 93.

¹³ Франчук В.Ю. Языческие мотивы древнерусского летописания // Древности славян и Руси. М., 1988; Щавелев А.С. Съезды русских князей с кочевниками как механизм политического решения конфликтов XI — начала XIII в. // Исторические корни этноконфессиональных конфликтов в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Средние века — раннее Новое время. Сб. тез. 21-й конференции памяти В.Д. Королюка: «Славяне и их соседи». М., 2003. С. 91–93.

¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 263. Например, в «оправдательной» речи Святополка, ссылающегося на информацию о «роте Владимира и Василько» против него.

¹⁵ Рычка В.М. Політична етика і культура міжкнязівських взаємин на Русі у вимірі релігійної традиції хрестоцелування // Любецький з'їзд князів 1097 року. С. 35–37; Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. № 5. М., 2004. С. 86–113; Филюш-

практики снемов — *рядь* (варианты: *порядь*, *нарядь*, иногда *обрядь*) — прямо обозначает заключение договора, либо вообще установление какого-то порядка, согласование некой системы действий. Достаточно часто применялся глагол *думати*, когда речь шла о совместном принятии решения.

Судя по лексике и описанию переговоров, летописцы называли снемом любую личную встречу князей Рюриковичей друг с другом, с половецкими ханами, реже с другими иноземными правителями, на которой принимались какие-либо политические решения (договор, заключение мира, раздел столов и т. п.). Любая встреча князей имела политическое и институциональное значение и сопровождалась соответствующими обрядами.

Как уже указывалось, описание княжеского съезда и даже само упоминание о нем в значительной степени зависело от субъективных факторов, в первую очередь, от интересов летописца. Наиболее яркие примеры субъективных влияний на изображения съездов князей представляет Новгородская первая летопись. Сообщения о княжеских снечах в ней встречаются только в известиях, заимствованных из южных летописей¹⁶. Наиболее выразительны сведения о снечах в повести о предательском убийстве в Исадах¹⁷ и в «Повести о битве на Калке»¹⁸. В последней — в отличие от Лаврентьевской и Ипатьевской редакций — пропущено само описание снеча¹⁹. В младшем изводе Новгородской первой летописи слово *снемь* присутствует только один раз в «Повести о взятии Царьграда», также имеющей южнорусское происхождение²⁰. Эта «система умолчаний»²¹, равно как и общая скудость сведений о снечах кня-

---

кин А.И. Развитие института крестоцелования на Руси (X–XV вв.) // Славянский мир между Римом и Константинополем. Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья. Сб. тезисов конференции памяти В.Д. Королюка. М., 2000. С. 130–135.

¹⁶ НПЛ. С. 17, 20.

¹⁷ НПЛ. С. 43, 58.

¹⁸ См., например: Романов В.К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 79–103.

¹⁹ НПЛ. С. 62.

²⁰ НПЛ. С. 264–265.

²¹ Квиркелия О.Р. Методика анализа системы умолчаний НПЛ // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986.

зей, явно свидетельствует о том, что специфическое властное устройство Новгорода, исключавшее из политической повседневности саму возможность встреч князей, явно повлияло на местных летописцев, не придававших им особого значения и практически не замечавших снемы князей иных земель.

В Повести временных лет представлены два типа сообщений о встречах и переговорах князей: краткие и подробные. Вторые отличаются фактической точностью, включением прямой речи, свидетельств очевидцев, обилием специальной лексики (*снемъ, рядъ* и т. п.). Первые — лапидарностью: летописец обходится стандартной формулой «створи мир». До 1093 г. краткие сообщения являются основной формой фиксации такого рода событий: 6585 г. — о мире Изяслава и Всеволода, их встрече в 6586 г. у Переяславля; 6587 — о мире Всеволода с половцами; 6594 (6595 — в Ипатьевской летописи) — о мире Ярополка и Владимира²². К этому же типу известий относится и единственное внелетописное сообщение о снеме — граффито: «Месяця декабря въ д(-)е сътвориши миръ на желяни святополкъ володимир и ольгъ»²³.

После 1093 г. ко второму, пространному типу относятся известия 6601 г. о совете Мономаха и Святополка в Киеве; 6603 г. об убийстве Мономахом половецких ханов; 6604 г. о попытке Мономаха договориться с Олегом; а также Любечский съезд 6605 г., в том же году — о мире Святополка и Владимира и Олега около Киева, второй Витичевский снем 6607 г., Золотченский снем 6609 г., Долобский снем 6611 г., Долобский снем 6619 г., перенос мощей Бориса и Глеба в 6623 г.

Краткие известия представлены под 6602 г. о мире Святополка и Тугоркана; 6606 г. о мире Владимира, Давыда, Олега и Святополка у Городца. Причем краткое известие 6606 г. дублирует информацию пространного известия 6605 г.²⁴. Характерно описание

---

²² См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 199–200, 204, 206; Т. II. Ипатьевская летопись. Стб. 190–191, 195, 197.

²³ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV веков. Киев, 1966. Вып. I. С. 24–37. Табл. VII-1, VIII-1; *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964 (Археология СССР. Свод Археологических источников. Вып. Е1-44). С. 21–22. Табл. XXV. Рис. 1–2; *Щавелев А.С.* Граффито о съезде князей на реке Желяни: вопрос датировки // Тр. науч. конф. студентов и аспирантов «Ломоносов-2001». История. М., 2001. С. 3–5.

²⁴ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 215–286; Т. II. Стб. 207–282.

двух Витичевских снемов 10 июня и 10 августа без Давыда Игоревича и с его участием. Первый описан кратко, одной формулой, второй пространно, с изложением процедуры встречи, речей, перечислением аксессуаров переговоров (шатры, ковры). Сочетание кратких и подробных известий продолжается в Лаврентьевской летописи с 1093 по 1110 г., в Ипатьевской — доходит до 1111 г. Надо отметить, что именно на 1110-е гг. приходится составление редакций Повести временных лет.

Если сравнить употребление терминов, связанных с междукняжеской дипломатией²⁵, в статьях Повести временных лет до 1093 г. и после него, то видим следующее соотношение:

	ПВЛ, до 1093 г.	ПВЛ, 1093–1115 гг.
<i>Миръ</i>	52	34
<i>Рядъ</i>	2	5
<i>Снемъ</i>	0	1
<i>Сняти(ся)</i>	1	6
<i>Советъ</i> и одно- коренные термины	41	38

Во второй, гораздо меньшей по объему части текста полисемантические политические термины, *миръ*, *советъ*, обычные для Древней Руси, представлены в количестве, сопоставимом с первой частью. Однако в это время наблюдается, пусть и небольшое, но увеличение случаев использования специфической лексики, характеризующей междукняжеские взаимоотношения (*рядъ*). Но особенно показательно первое появление самого термина *снемъ* («вабить ны Святополк на снемъ»)²⁶.

Изменение набора политических понятий летописи дополняется появлением новых литературных формул. Для всей предшествующей 1093 г. части текста Повести временных лет характерна одна и та же формула для описания процедуры заключения соглашений между князьями: «створити мир». Аналогичная формула характерна и для кратких известий после 1093 г., в том числе для тех из них, которые дублируют пространные.

²⁵ Творогов О.В. Лексический состав «Повести временных лет» (Слововозрастные и частотный словарь) // ПСРЛ. Т. I. С. 581–733.

²⁶ ПВЛ. С. 114.

Более сложная формула — «сняшася на устроенье мира» появляется только в описании Любечского съезда, которое отличается исключительной подробностью. Лексический набор остальных пространственных известий о сменах также гораздо богаче лапидарных заметок предшествующего текста Повести временных лет. Здесь фигурируют такие формулировки, как: «совокупити(ся) вси», «уладити(ся) межи собою», «сняти(ся) на снем», «порядь», «думати о...» и т. п. В XII в. все эти термины и устойчивые формулы равно использовались летописцами при описании съездов князей.

Краткая формула «створити мир», также достаточно широко используемая в летописании конца XI в. и на протяжении XII в. для описания встреч князей, в начальной части Повести временных лет применялась чаще всего к внешнеполитическим договорам Руси (с византийцами, кочевниками, волжскими булгарами, для описания византийской дипломатии — «миры» греков и угров, греков и болгар). Для обозначения же переговоров князей Рюриковичей она впервые используется при описании встречи Ярослава и Мстислава, окончившейся Городецким миром 1026 г. Именно этот момент стал поворотным пунктом в политической истории Древней Руси.

Эти переговоры князей были проведены в 6534 летописном, т. е. либо в 1026, либо в 1027 г. Встретились два выживших в междоусобице сына Владимира Святого — Ярослав и Мстислав. Встреча князей в Повести временных лет описана достаточно подробно: указаны место ее проведения, поэтапное примирение братьев, условия мира («сяди в своемь Кыеве: ты еси старейшей братъ, а мне буди си сторона», «и разделиста по Днепръ Русьскую землю: Ярославъ приа сю сторону а Мьстиславъ ону»²⁷).

В Новгородской первой летописи обоих изводов эти известия отсутствуют²⁸. М.Д. Приселков считал статьи Повести временных лет, повествующие о Мстиславе Владимировиче, частью «Свода Никона» — единственного среди известных нам летописцев того времени, который был близко знаком с Тмутороканью²⁹. Как бы то ни

---

²⁷ ПВЛ. С. 65.

²⁸ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 16, 180.

²⁹ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 67–70. Дополнительный аргумент дает редкая текстологическая примета — словесный портрет князя. А интерес Никона к портрету-характеристике можно предполагать — именно он, видимо, описал наружность князя Ростислава.

было, комплекс летописных известий о Мстиславе Владимировиче, очевидно, восходит к эпическим источникам³⁰, о чем свидетельствуют детали повествования о его поединке с касожским предводителем Редедей³¹ и его эпическое прозвище «Лютый», упоминаемое в Киево-Печерском патерике и Новгородской IV летописи³².

Отметим, что для авторов и редакторов Повести временных лет этот случай был особенно значим как образец, пример мирного решения междукняжеского конфликта, прекращения череды войн, принятия совместного политического решения в ходе личной встречи. Не случайно, что именно этот комплекс известий составители Повести временных лет сохранили с редкой детальностью.

Заключение договора между двумя братьями-правителями Руси явилось, с одной стороны, завершающим этапом войны за наследство Владимира Святославича, с другой — очередным столкновением новгородского Севера, близкого Скандинавии, и кочевого мира, некогда входившего в «орбиту» Хазарии³³. Дружина тмутороканского князя Мстислава была сформирована из касогов, хазар и традиционных данников последних — северян³⁴. Именно столицу северян —

---

³⁰ Тихомиров М.Н. Боян и Троянова земля // Слово о полку Игореве. Сб. статей и исследований. М.; Л., 1950. С. 175–187; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 83–89; Он же. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 247–263.

³¹ Подвиг Мстислава упоминается в «Слове о полку Игореве» и, возможно, в адыгском эпосе (Гадло А.В. Этническая история. С. 252, 256–261). Об этом мотиве см. подробнее: Гадло А.В. Поединок Мстислава с Редедей, его исторический фон и политические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988. С. 12–34; Липец Р.С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 10–21.

³² Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 7; ПСРЛ. Т. IV. Новгородская IV летопись. М., 2000. С. 113.

³³ Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь. С. 182–184.

³⁴ См.: Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 162–224; Григорьев А.В., Сарачев И.Г. О времени гибели роменской культуры // Труды VI международного конгресса славянской археологии. М., 1999. Т. V. История и культура древних и средневековых славян; Андросук Ф.А. Нормани і слов'яни у Подесенні (Моделі культурної взаємодії доба раннього середньовіччя). Київ, 1999.

Чернигов он с их же согласия занимает после отказа киевлян принять его власть. В 6532 (1024) г. Ярослав возвращается на юг с войском, основу которого составили варяги под предводительством Якуна. Северные воины, уже не раз решавшие для Ярослава его политические проблемы, на сей раз, были разбиты³⁵. Ярослав бежал обратно в Новгород. Однако Мстислав предложил ему мир, уступив правую сторону Днепра, включая Киев.

Тем не менее, вплоть до личной встречи с братом в 1026/27 г., т. е. еще полтора–два года, Ярослав сидел на новгородском столе, а в Киеве держал посадников. Заключение «мира» между братьями состоялось «у Городьца». Два Городца могут претендовать на роль места проведения переговоров русских князей. Это мог быть Городец около Киева. Однако более вероятна встреча в Городце Остёрском, находящемся примерно на одинаковом расстоянии между столицами братьев-князей — Киевом и Черниговом. В любом случае она проводилась на территории Левобережья, т. е. во владениях Мстислава, что демонстрирует доверие к нему Ярослава. Тогда еще раз прозвучали условия разделения Русской земли по Днепру. И только теперь летописец отметил возобновление «братолюбия», замирение Руси, а в 6539 (1031) г. — совместный поход братьев на Польшу. Все эти события рассматриваются летописцем как закономерный итог их переговоров.

Сфрагистические материалы подтверждают установление единства правового поля на всей территории Руси: новгородский посадник носил верительную подвеску с тамгами обоих братьев-соправителей³⁶.

Решения этой встречи должны были иметь далеко идущие политические последствия. У обоих князей к тому времени имелись наследники — Владимир (1020–1052) и Изяслав (1024–1078) у Ярослава; Евстафий (?–1033) — у Мстислава, и раздел Руси по Днепру мог получить продолжение в следующем поколении. Однако, даже

---

³⁵ По обоснованной гипотезе В.П. Коваленко, именно Мстислав Владимирович уничтожил крупный скандинавский форпост на Левобережье Днепра — городище Коровель (Шестовицы) (Коваленко В.П. Новые исследования в Шестовице // Археологический сборник. Гнездово — 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 176–196).

³⁶ Белецкий С.В. К вопросу о принадлежности новгородской подвески № 22-27-1181 // ВЕДС. Политическая структура древнерусского государства. VIII чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1996. С. 1–7.

несмотря на резкое изменение политической конъюнктуры после смерти Мстислава и его сына Евстафия, в результате чего Ярослав стал единоличным правителем Руси, Городецкий мир явился принципиально важным политическим прецедентом³⁷. Ссылки Мономахичей и Ольговичей в 1195 г. на раздел по Днепру их «деда Ярослава», явно имеют в виду его договор с Мстиславом, поскольку подобный раздел отсутствует в завещании Ярослава своим сыновьям 1054 г. Именно мир 1026 г. стал важнейшим прецедентом правового урегулирования межклановых конфликтов для Рюриковичей³⁸. Именно на подобные примеры, из которых складывалось неписаное «княжое право», косвенно ссылались Владимир Мономах, говоря: «сего не бывало в руськей земли ни при дедехъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ», и еще более явно — Олег Святославич: «сего не было в роде нашимъ»³⁹.

Все это свидетельствует, что перед нами описание первого съезда князей Рюриковичей, сохранившееся в источниках. Несмотря на отсутствие вошедшего в общеупотребительный обиход несколько позднее (первое упоминание — 1097 год) термина *снемь*, который часто не употреблялся и при описании многих «классических» съездов, включая Любечский, летописец описывает переговоры Ярослава и Мстислава именно как съезд князей, результатом которого были конкретные политические решения, закрепленные в договоре. Более того, для летописцев этот «снем» и принятый на нем договор стали первым и образцовым примером механизма улаживания конфликтов в княжеской среде. Его упоминания в XII в. говорят и о его применении в политической практике междукняжеских отношений последующего времени.

---

³⁷ «Разделы между братьями — главная характеристика родового сюзеренитета»: Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: Наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. С. 505; *Он же*. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // ДГ. 1985 год. М., 1987. С. 149–157; *Он же*. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси. Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992 // Средневековая Русь. М., 1992. № 2. С. 164–193. О значении этого раздела в политической жизни XII–XIII вв. см. статью Н.Ф. Котляра в настоящем сборнике.

³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 688–689, 578.

³⁹ ПВЛ. С. 111–112.

Балтийская политика Ярослава Мудрого¹

Эпоха великого князя Ярослава Мудрого (1016–1018, 1019–1054 гг.) изображается и в древнерусских, и в древнескандинавских источниках как время расцвета деятельности скандинавских наемников в Восточной Европе. Современные историки разделяют мнение средневековых историографов: «Ярослав, без сомнений, — человек Севера, который имел со Скандинавией наиболее тесные и постоянные связи... Ярослав был последним великим покровителем варягов на Руси»².

Это мнение подтверждается наиболее массовым, хотя и довольно широко датируемым источником — скандинавскими руническими надписями³. Подавляющая масса памятников, установленных в честь людей, погибших или побывавших «в Гардах» или «на востоке» (41 + 24 в память об участниках похода Ингвара), относится к XI в. Из них первой половиной — серединой XI в. датируется 21 руническая стела (+ 24 Ингваровых камня) и 9 — IX–XI вв. в целом. К середине — второй половине XI в. относится всего 11 стел. Хронологическое распределение памятников отчетливо свидетельствует о более массовом характере поездок жителей Свеаланда (большинство камней происходят из Упланда и Сёдерманланда) именно в эпоху Ярослава Мудрого. К этому же времени принадлежат и камни, установленные в память о «вождях войска», павших на Руси⁴, упоминаются сражения «конунгов» на востоке⁵.

---

¹ Статья написана в рамках работы над проектом, поддержанным РФНФ (№ 06-01-00269).

² *Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus. 750–1200. L.; N.-Y., 1996. P. 201.*

³ *Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001.*

⁴ Это богато орнаментированные стелы из Тюринге (Б-III.5.23) и Хаг-

Подавляющее большинство тех, в память о ком установлены камни, «умерли», «были убиты» или «пали» во время поездок на восток — что говорит о бурной военной деятельности скандинавов на Руси в первой половине XI в.

Из всех русских князей X–XI вв. исландские королевские и родовые саги знают по преимуществу Ярослава, с именем которого связано значительное количество сюжетов⁶. В них сформировался более или менее разработанный в деталях и устойчивый образ могущественного правителя страны, которая постоянно привлекала скандинавских воинов и купцов своими богатствами, давала прибежище норвежской знати, происходившей от Харальда Прекрасноволосого, и контролировала путь в еще более богатые Византию и на Восток⁷. Брак Ярослава и дочери шведского конунга Олава Шётконунга Ингигерд, к которой ранее сватался норвежский конунг Олав Харальдссон, породил многократно перерабатывавшиеся сюжеты о сватовстве Ярослава и его семейной жизни с Ингигерд⁸. Ряд сюжетов повествует о пребывании при его дворе норвежских конунгов⁹. По меньшей мере две саги полностью посвящены деятельности скандинавских викингов на Руси во времена Ярослава. «Прядь об Эймунде», сохранившаяся в «Книге с Плоского острова» (1387–1394 гг.) в составе «Саги об Олаве Святом», рассказывает о деяниях

стюган (Б-III.5.26), которые были установлены дружинниками и в надписях на которых скальдическими стихами прославляются вожди, павшие в «битве на востоке в Гардах» (Тюринге) или просто «в Гардах» (Хагстюган).

⁵ Стелы из Орхуса (Дания, Б-1.2: «Умер... на востоке, когда сражались конунги) и Фагерлёта (Сёдерманланд, Б-III.5.25: умерший «участвовал в битве на восточном пути, прежде чем должен был пасть вождь»).

⁶ С именем князя Владимира Святославича устойчиво связан лишь один основной сюжет — пребывание на Руси Олава Трюггвасона; другие же князья упоминаются однократно в каком-либо определенном сюжете (например, Святополк под именем Бурислава называется в «Пряди об Эймунде» как главный противник Ярослава и т.п.). См. подробно об образе Ярослава в древнескандинавской литературе ниже в статье Г.В. Глазыриной.

⁷ *Birnbaum H.* Jaroslav's Varangian Connection // *Scando-Slavica*. 1978. Т. 24. Р. 5–25.

⁸ *Edberg R.* Ingigerd Olof Skötkonungs dotter. Ett kvinnoöde från vikingatiden. Stockholm, 1997 (Sigtuna museers skriftserie 6); *Джаксон Т.Н.* Ингигерд, жена русского князя Ярослава Мудрого // *De mulieribus illustribus: Судьбы и образы женщин средневековья*. СПб., 2001. С. 5–16.

⁹ *Джаксон Т.Н.* Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000.

норвежского викинга и предводителя отряда Эймунда Хрингссона на службе Ярослава в период его борьбы со Святополком за киевский стол в 1015–1019 гг.¹⁰ Повествование пронизано фольклорными и литературными мотивами¹¹, но сохраняет историческую основу — воспоминания о давно прошедших событиях. «Сага об Ингваре Путешественнике»¹² в еще более беллетризированной форме представляет приключения на Руси и Востоке шведского знатного воина, вероятно главы ледунга, посланного шведским конунгом Энундом-Якобом на помощь Ярославу¹³.

В древнерусских источниках, Повести временных лет и Новгородской первой летописи, эпоха Ярослава предстает как своего рода всплеск деятельности варягов — в качестве наемников — на Руси. В эпоху Владимира варяги действуют последний раз в рассказе о взятии Владимиром Киева, датированном в ПВЛ 980 г. (в действительности в 978 г.). Больше упоминаний о варягах — на протяжении примерно 35 лет — нет. Исчезают варяги со страниц ПВЛ и после правления Ярослава. Сам же Ярослав, по сообщениям летописей, приглашал отряды варягов из-за моря между 1015 и 1043 гг. по меньшей мере 6 раз¹⁴ и широко использовал скандинавских наемников как во внутривосточной борьбе, так и при походах на соседние земли и страны.

Одна из причин частоты упоминаний варягов в летописях именно в эпоху Ярослава может корениться в условиях возникновения

¹⁰ Eymundar þáttir Hringssonar // Flateyjarbók / Ed. S. Nordal. Akranes, 1945. В. II. Bl. 199–218. Перевод на русск. яз.; Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 89–104; Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994. С. 87–119.

¹¹ Cook R. Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy in Eymundar þáttir Hringssonar // Viator. 1986. Vol. 17. P. 65–89; Мельникова Е.А. Был ли Ярослав убийцей своего брата? // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 515–523.

¹² Yngvars saga vídförla / Ed. by E. Olsen. København, 1912. Перевод на русск. яз.: Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002.

¹³ Larsson M.G. Ett ödesdigert vikingatåg. Ingvar den vittfarnes resa 1036–1041. Södra Sandby, 1990; Мельникова Е.А. Поход Ингвара в шведских рунических надписях // Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. С. 168–190.

¹⁴ ПВЛ. С. 57, 63, 65, 66; ПСРЛ. Т. 5. Софийская I летопись. Л., 1925. С. 128.

русского летописания. Реконструируемый А.А. Шахматовым Древнейший летописный свод датируется им 1030-ми годами¹⁵, т. е. как раз временем Ярослава. Именно поэтому, возможно, события его правления, в том числе и приглашение им скандинавских наемников, и в древнейшем, и в последующих сводах, Начальном (1090-е гг.) и Повести временных лет (второе десятилетие XII в.), отражены несравненно более подробно, нежели предшествующие десятилетия. Впрочем, это не объясняет почти полное молчание о 35 годах между 980 и 1015 гг., достаточно близких ко времени возникновения Древнейшего свода, равно как и отсутствие информации о варягах после смерти Ярослава. Предполагалось, что Повесть временных лет отразила реальное резкое сокращение, если не прекращение притока скандинавов на Русь, однако как древнерусские, так и древнескандинавские эпиграфические данные свидетельствуют, что приток скандинавов на Русь, и через нее в Византию, во второй половине XI в., хотя и стал меньше, но не прекратился полностью¹⁶. Таким образом, убедительного объяснения, почему именно в сообщениях о времени Ярослава Мудрого концентрируются упоминания о варягах, нет.

Остается открытым также вопрос, почему именно Ярослав Мудрый, единственный из древнерусских правителей, оказался излюбленным скандинавской литературной традицией русским князем. Сохранившиеся саги были созданы не ранее конца XII — начала XIII в., и временная дистанция между эпохами, скажем, Владимира и Ярослава в этой перспективе была настолько невелика, что не могла иметь принципиального значения. Значительно ближе к моменту записи королевских саг были правления таких выдающихся правителей Древнерусского государства как Владимир Всеволодович Мономах и его сын Мстислав Владимирович, имевших тесные родственные связи со Скандинавскими странами, причем Мстислав — под именем Харальд — был известен древнескандинавским источникам¹⁷. Однако ни Владимир, ни Мстислав

---

¹⁵ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

¹⁶ Melnikova E.A. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy // *Runica — Germanica — Medievalia*. Berlin; N.-Y., 2003. P. 454–465; Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи.

¹⁷ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (середина XI — середина XIII в.). М., 2000.

не стали ведущими фигурами повествований о русско-скандинавских отношениях в древнескандинавской литературе. Устная традиция о связях с Русью формировалась не в XII, а в X–XI вв. и развивалась на протяжении примерно двух столетий до ее использования в сагах. Она восходила к реальным событиям (в том числе, пребыванию Олава Трюггвасона при дворе Владимира, браку Ярослава и Ингигерд, бегству Олава Харальдссона на Русь, пребыванию Харальда Сурового Правителя на Руси и в Византии и др.), но обростала множеством дополнительных мотивов и отливалась в не слишком многочисленных, но устойчивых сюжетах с ограниченным количеством персонажей и событий. Центральное положение Ярослава в этой традиции, бесспорно, отражает большую информированность о нем, нежели о других русских князьях, в Скандинавских странах, но далеко не только это. Очевидно, что в скандинавской литературной традиции, а, следовательно, и в сознании средневековых скандинавов Ярославу придавалось особое значение, он являлся знаковой фигурой, как бы персонифицировавшей связи с Восточной Европой.

Естественен, поэтому, вопрос: что могло послужить причиной выделения эпохи Ярослава как особого периода в русско-скандинавских отношениях, как на Руси, так и на Севере.

* * *

До XI в. военные, торговые и культурные связи Руси и Скандинавских стран при всей их интенсивности были спонтанными и не систематическими. Изолированные и подчас конфликтующие группы викингов прибывали в Восточную Европу с единственной целью обогащения путем грабежа, торговли или наемничества. Наиболее удачливые из предводителей этих отрядов закреплялись в уже существующих центрах славянских племен или основывали новые поселения, захватывали власть и становились правителями областей или же предгосударственных образований. Таковы были судьбы Аскольда (< *Höskuldr*) и Дира (< *Dýr* или *Dýri*), которые (последовательно ?) осели в Киеве в середине IX в.; Рюрика (< *Hrörekr*), который пришел к власти в Поволховье в третьей четверти IX в.; Олега (< *Helgi*), который, по преданию, захватил Киев, убив Аскольда и Диру в 882 г., согласно хронологическим выкладкам летописца; некоего Туры (< *Pórir*), который, как полагал летописец, основал город Туров в X в.; Рогволода (< *Rögnvaldr*), который правил в Полоцке и в 978 г. был убит Владимиром Святославичем. На протяже-

нии X в. деятельность восточных викингов все более ограничивалась и подчинялась процессам государствообразования, протекавшим в среде восточных славян. Оседавшие на Руси варяги интегрировались в местные социальные и политические структуры, и их пребывание в Восточной Европе было, тем самым, в значительной степени фактом внутренней жизни восточнославянского общества.

Личностный характер связей между славянской, а затем скандинавской знатю и вновь приходящими норманнам находит яркое отражение в формах регулирования их контактов. Сказание о приглашении Рюрика придает особое значение «ряду» между старейшинами нескольких восточноевропейских племен и Рюриком. Условия ряда не поименованы в тексте, но само повествование позволяет с большой долей вероятности восстановить их. Договор устанавливал права и обязанности приглашенного военного вождя (Рюрика), который должен был служить нейтральным правителем конфликтующих племен, но при этом соблюдать местные традиции и правовые нормы. Он также должен был защищать местное население от нападений других отрядов викингов. В то же время он получал право размещать своих «мужей» в нескольких племенных центрах и собирать дани для их кормления¹⁸. Таким образом, «ряд» с Рюриком отражал попытку местных правителей использовать в своих целях один из отрядов скандинавских викингов и носил частный, межличностный характер. Рюрик же выступает в «Сказании» как наемник — предводитель военного отряда.

К середине X в. русские (киевские) князья приняли на себя обязанность нести персональную ответственность за прибывающих в Византию через Русь скандинавов. Договор с греками устанавливал, что «великий князь русский и боляре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, яко же имъ установлено есть. Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же уведель есть князь вашь посылати грамоты ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ

---

¹⁸ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229. Договор с Рюриком имеет много общего с договорами Альфреда Великого с Гутрумом (Ведмор, 878 г.) и Карла Простоватого с Роллоном (Сент-Клэр-сюр-Эпт, 911 г.). См. подробнее: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 54–64.

посли и гостье, да приносять грамоту, пишюче сице: ако послахъ корабль селико, и от техъ да увемы и мы, оже съ миромх приходять. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, доиде же възвестимъ князю вашему. Аще ли руку не дадять, и противятся, да убьени будутъ, да не изишется смерть ихъ от князя вашего»¹⁹. Поскольку византийские власти не имели контактов со Скандинавскими странами и их правителями, они пытались возложить ответственность за действия всех прибывающих скандинавов на киевского князя и тем самым обеспечить собственную безопасность от набегов викингов. Судя по тому, что подобное условие было включено в текст договора, киевские князья брали на себя эту обязанность и тем самым в значительной степени связывали себя с отрядами викингов, не только приходившими непосредственно на Русь, но и находившимися здесь временно, на пути в Византию. Практическое исполнение требования Византии удостоверить «благонадежность» прибывающих из Руси скандинавских отрядов, очевидно, можно усмотреть в известном рассказе о варягах, участвовавших в захвате Киева Владимиром в 978 г. Недовольный слишком большими претензиями варягов, а, возможно, и опасавшийся их, Владимир оставляет у себя «добрых, смысленых и храбрых мужей», а остальных отправляет в Византию, предварив их прибытие письмом к императору: «Се идуть к тебе варязи, не мози их держати въ граде, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а семо не пушай не единого»²⁰.

В начале XI в. Ярослав, находившийся в Новгороде, хотя и претендовавший на киевский стол, т. е. бывший еще местным, а не великим князем, нанимает для борьбы со Святополком отряд викингов во главе с опальным норвежцем Эймундом Хрингссоном. Он заключает с Эймундом личный договор, который, видимо, в довольно точном виде сохранился в устной традиции и был включен в исландскую «Прядь об Эймунде»²¹. Договор определял, с одной стороны, размеры и формы оплаты наемников (эти условия были сохранены в традиции, поскольку способствовали героизации образа Эймунда), с другой — их обязанности: «защита государст-

---

¹⁹ ПВЛ. С. 24.

²⁰ Там же. С. 37.

²¹ Мельникова Е.А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 289–295.

ва», т. е. участие в военных действиях, предпринимаемых Ярославом, и «советы» Ярославу в управлении государством и ведении военных действий (что, вероятно, является, по меньшей мере, преувеличением опять же с целью героизации образа Эймунда)²².

В обоих случаях взаимоотношения с наемниками регулируются на частноправовой и договорной основе между местными правителями (разного уровня) и предводителем отряда викингов. Договоры обязательны только для лиц, участвующих в их заключении, и не распространяются на страну в целом.

Другим проявлением личностного характера русско-скандинавских контактов этого времени было именование скандинавских народов в древнерусском летописании. Составитель Повести временных лет, работавший в начале XII в., прекрасно знает отдельные скандинавские народы. В «этногеографическом введении» к Повести при описании Восточной и Северной Европы он дополняет собственными сведениями восходящий к хроникам Георгия Амартола и Иоанна Малалы перечень народов, происходящих от трех сыновей Ноя. Среди «новых» народов он перечисляет и те, которые принадлежат к «варяжскому» роду. Это «свеи» (шведы), «урмане» (норвежцы), «готе» (готландцы)²³. Тем самым во введении названы скандинавские народы, создавшие к тому времени государственные образования: Норвегию и Швецию, а также Готланд, игравший самостоятельную и важную роль в балтийско-новгородской торговле. Другие племена, вошедшие в состав скандинавских государств в результате централизаторской деятельности правителей «титulyного» племени, например, трёнды в Норвегии, ёты в Швеции и др., летописцу не известны. Приоритетным для него оказывается государственная принадлежность народа (ср. традиционные для Древней Руси обозначения государств с помощью этнонима, причем также «титulyного» народа: «греки», «ляхи» и др.).

Однако на протяжении всего текста Повести временных лет, охватывающего события до 1037 г.²⁴, летописец ни разу не приводит эти этнонимы²⁵ и не прибегает к отэтнонимическим политонимам

---

²² Мельникова Е.А. Был ли Ярослав убийцей своего брата? // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 515–522.

²³ ПВЛ. С. 8.

²⁴ В статье 1036 г. в рассказе об отражении нападения печенегов на Киев термин «варяг» встречается в Повести временных лет последний раз.

²⁵ Пояснение, что пришедшие с Рюриком варяги назывались Русью, «яко си друзии зовутся Свее, друзии же Урмани...» (ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.

(ср.: «ляхи» и «Лядская земля», «греки» и «Греческая земля»), а пользуется только термином «варяги» — возникшем, вероятно, в конце IX — начале X в.²⁶ собирательным обозначением всех северогерманских народов, т. е. описывает их, во-первых, как этническую, а не политическую общность, во-вторых, как некое нерасчленимое единство²⁷. Впрочем, в семантике термина «варяг», видимо, присутствовал не только этнический (доминирующий), но и профессиональный компонент. Так, в упоминаниях о приглашении варягов для конкретного похода речь идет, разумеется, не о скандинавах как таковых, а о скандинавских воинах, нанимаемых на службу²⁸.

Этнонимы и этнонимические политонимы для обозначения отдельных скандинавских народов и стран начинают появляться только в Новгородской первой летописи в рассказах о событиях XII в.: в 1130 г. новгородцы потерпели кораблекрушение во время торговой поездки «в донь» (Данию), в 1134 г. русские купцы были «порублены» «в дони» (в Дании)²⁹.

Немаловажен для понимания характера контактов между двумя регионами и способ образования древнерусских обозначений северогерманских народов. Этнонимы «гъте», «свеи», «урмане», «донь» передают собственные наименования скандинавских племен. Однако, как указывалось выше, это наименования только тех племен, вокруг которых в конце X — XI в. сформировались государства, названия которых были образованы от этнонима «титульного» племени (например, *svíar* — *Svíþjóð*). Использование этих этнонимов позволяло летописцу произвести актуальное (этно)политическое районирование Северного региона. Слово «варяг», напротив, не только не являлось эндоэтнонимом, но до XI в. его древнескандинавский аналог — *va-*

Ипатьевская летопись. Стб. 14), не может рассматриваться как самостоятельное упоминание этнонимов, поскольку является вставкой составителя Повести временных лет, основанной на «этногеографическом введении».

²⁶ *Schramm G.* Die Waräger: Osteuropäische Schicksale einer nordgermanischen Gruppenbezeichnung // *Die Welt der Slawen*. 1983. Bd. 28. S. 38–67.

²⁷ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия *варяг* // *Славяноведение*. 1994. № 2. С. 56–68.

²⁸ Ср.: под 941 г. «Игорь посла по варяги многи за море, вабя е на греки, паки хотя поити на ня» (ПВЛ. С. 22); под 980 г. «...приде Владимир с варяги Новугороду» (ПВЛ. С. 36; под 1015 г. «Ярослав же послав за море, приведе варягы, бояся отца своего» (ПВЛ. С. 57) и др.

²⁹ НПЛ. С. 207, 208.

ring — вообще не употреблялся в скандинавских языках³⁰. Оно возникло в скандинавской по происхождению дружинной среде в Восточной Европе как самоназвание скандинавов различной племенной принадлежности и изначально отражало специфику их профессиональной деятельности (от др.-исл. *vár* «обет, клятва»). Распространение термина на всех северных германцев означало взгляд из Руси на Север как на единый, нечленимый регион.

Исключительное употребление собирательного обозначения скандинавов в рассказах о событиях до 1037 г. свидетельствует, в первую очередь, о том, что исторические предания, возникшие в IX–X вв. и дошедшие до составителей древнейших летописных сводов, не сохранили информации о племенной принадлежности тех или иных героев (например, Рюрика или Олега). Такая информация, если она и присутствовала в изначальных повествованиях, была неактуальна в среде постепенно славянизовавшихся княжеских дружин и потому утрачивалась в процессе устного бытования сказания. Не имела она ценности и в силу личностных отношений местных правителей и прибывающих на Русь скандинавских отрядов, тем более что в одном отряде могли присутствовать представители разных скандинавских народов. Определение членов конкретной группы скандинавов по их этнической или политической принадлежности было несущественным в контексте личностных связей, значение имела лишь общая привязка пришельцев к определенному региону.

* * *

Характер контактов между Русью и Скандинавскими странами начинает меняться, насколько можно судить по сохранившимся письменным источникам, только в 10-х гг. XI в. После периода междоусобной борьбы, последовавшей за смертью Владимира Святого в 1015 г., победы над Святополком и заключением договора с Мстиславом, Ярослав стал великим князем киевским, а Русь превратилась в единое сильное государство. Тогда же возникают и консолидируются государства в Скандинавии: Дания при Свейне Виллобордом и Кнуде Великом, Швеция при Олаве Шётконунге и Энунде-Якобе, Норвегия при Олаве Харальдссоне.

---

³⁰ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии. С. 63–65.

Ранние признаки наступающих перемен можно усмотреть в описаниях двух случаев сватовства русских правителей в «Круге земном» Снорри Стурлусона. Первое имело место, судя по внутренней хронологии «Саги об Олаве Трюггвасоне», в 994 или 995 г. Некий Виссивальд, «малый» конунг из Гардарики, приезжает в Свеаланд, чтобы посвататься к вдове конунга Свеаланда Эйрика Победоносного (умер предположительно в 994 г.). Его предложение не только не было принято, но во время пира у Сигрид он вместе с другими претендентами на ее руку был сожжен в пиршественной палате, за что Сигрид получила прозвище *Storráða* «Гордая»³¹. Фольклорный характер сюжета (ср. сожжение «в истобке» древлянских послов княгиней Ольгой), однако, не исключает возможности отражения в нем реальных матримониальных связей русских князей и конунгов Упсалы, принадлежащих к роду Инглингов. Для нас, однако, важна не степень исторической достоверности данного сообщения³², а то, каким образом Снорри представляет себе процедуру заключения этого брачного союза. Согласно его повествованию (основанному на устной традиции), Виссивальд явился с предложением брака сам, в качестве скорее частного лица, нежели главы княжества или представителя княжеской династии Рюриковичей.

Каких-то 20 лет спустя Ярослав собирается жениться на Ингерд, дочери конунга Свеаланда Олава Шётконунга. Надо отметить, что в момент сватовства (1018 г., брак заключен в 1019 г.) Ярослав не является великим князем, а сидит в Новгороде (т. е. его статус формально не отличается от статуса Виссивальда, хотя, конечно, как новгородский князь, Ярослав имел существенные преимущества перед другими, кроме киевских, князьями), и положение его было еще

---

³¹ *Snorri Sturluson. Heimskringla / Udg. Bjarni Aðalbjarnarson. Reykjavík, 1941 (Íslenzk fornrit. V. XXVI). Bl. 287–289; Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 126. Этот фрагмент, а также параллельные тексты в других редакциях «Саги об Олаве Трюггвасоне» см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 года). М., 1993. С. 131–132, 157, 234–235, 239 (тексты), с. 141, 162, 234–235, 239 (переводы), а также с. 210–211. См. подробнее о Сигрид: Успенский Ф.Б. Скандинавы — Варяги — Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 26 и примеч. 5 и 6.*

³² Попытки идентифицировать Виссивальда успехом не увенчались. См. подробнее: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (с древнейших времен до 1000 г.). С. 210–211.

не слишком устойчиво. Тем не менее, по рассказу Снорри, к Олаву прибывают с интервалом в год два посольства. Первое из них выясняет принципиальное отношение Олава к перспективам брака. Поскольку «Олав конунг хорошо принял их сватовство», следующей весной прибывает второе посольство «узнать, собирается ли Олав конунг сдержать обещание, данное предыдущим летом, и выдать свою дочь Ингигерд за Ярицлейва конунга». Ингигерд, не слишком расположенная выходить замуж за Ярослава, но не осмеливавшаяся перечить отцу, ставит условиями брака получение в качестве вена Ладоги и прилегающей области, а также пребывание на Руси в ее свите ярла Рёгнвальда и скандинавской дружины. Послы согласовывают условия матримониального союза, после чего Ингигерд в сопровождении Рёгнвальда отплывает на Русь к Ярославу³³. Совершенно очевиден «официальный» характер сватовства: с отправлением посольств, переговорами об условиях брака, заключением брачного договора. Оформление матримониального союза оказывается сложной процедурой, занимающей больше года.

Обмен посольствами становится с этого времени обычной формой межгосударственных отношений Руси и Скандинавских стран. Так, например, возвращению в Норвегию сына Олава Святого Магнуса, оставленного отцом у Ярослава, предшествует посольство (или несколько посольств) норвежских знатных бондов, с которыми обговариваются условия приезда Магнуса в Норвегию, в первую очередь, гарантии его личной безопасности³⁴.

Изменение характера русско-скандинавских отношений делается все более и более очевидным на протяжении первой половины XI в. Невзирая на скудость источников, все же возможно — при сопоставлении сообщений древнерусских летописей, исландских саг, немецких хроник и пр. — проследить хотя бы общие очертания постепенно выстраивающейся системы взаимоотношений Руси со Скандинавскими странами — дифференцированно с каждой из них,

---

³³ *Snorri Sturluson. Heimskringla. Reykjavík, 1945 (Íslenzk fornrit. V. XXVII). Bl. 144–145; Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 233–235. Этот фрагмент, а также параллельные тексты в других редакциях «Саги об Олаве Святом» см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 62 (текст), 73–74 (перевод), 156–161.*

³⁴ *Снорри Стурлусон. Круг земной. С. 377–378. Ср.: Fagrskinna. Kap. 44: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (середина XI — середина XIII в.). С. 77–79.*

а не совокупно со всем скандинавским Севером. При этом есть все основания говорить о чрезвычайной заинтересованности Ярослава в отношениях со Скандинавскими странам, которые, видимо, были для него приоритетными. Достаточно вспомнить династические связи Ярослава: его собственный брак с дочерью шведского конунга и браки его детей, двое из которых породнились с датским (Илья) и норвежским (Елизавета) правящими домами. Две другие его дочери были выданы замуж за французского (Анна) и венгерского (Анастасия?) королей, а сын Изяслав женился на дочери польского короля Гертруде³⁵. Обращает на себя внимание — при чрезвычайной широте брачных международных связей Ярослава — отсутствие браков с представителями византийской императорской семьи и южнославянских династий вплоть до 1046 г., когда Всеволод Ярославич — во исчерпание русско-византийского конфликта 1043 г. — был женат на дочери византийского императора Константина IX Мономаха. Между тем, именно эти браки во второй половине X в. были не просто частыми в среде киевских великих князей (жен-«болгарынь» имели, по меньшей мере, Ярополк и Владимир), но знаковыми, как брак Владимира с Анной, дочерью византийского императора Романа II. Поскольку династические браки непосредственно отражали внешнеполитические интересы государства, матримониальная политика Ярослава, очевидно, указывает на снижение значения Византии в политической жизни Древней Руси.

О некотором ослаблении русско-византийских связей в эпоху Ярослава говорит и полное отсутствие упоминаний о них в Повести временных лет за все время его правления. Единственное же исключение — сообщение о предпринятом Ярославом в 1043 г. военном походе на Византию под командованием Владимира Ярославича — отмечает пик напряженности отношений между обеими странам, вылившийся в военный конфликт³⁶. Вместе с тем, многочисленные военные предприятия Ярослава после окончания русско-польского конфликта в 1019 г. по-прежнему на-

---

³⁵ Назаренко А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 334–358.

³⁶ Литаврин Г.Г. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. // ВВ. 1967. Т. XXVII. С. 71–86; Он же. Еще раз о походе русских на Византию в 1043 г. // ВВ. 1969. Т. XXIX. С. 105–107; Он же. Война Руси против Византии в 1043 г. // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 173–222.

правлены на запад, против Польши (к Берестью в 1022 г., на Белз в 1030 г. и Червенские грады в 1031 г., в «Лядскую землю» в 1031 г. и Мазовию в 1041, 1047 гг.), и в Прибалтику (походы на чудь в 1030 г., на ятвягов в 1038 г., литву в 1040 г. и в Финляндию на емь в 1042 г.). Земли к юго-западу и югу не привлекают внимание Ярослава.

В контексте русско-византийских противоречий в церковной сфере обычно рассматривается в историографии и поставление киевским митрополитом «русина» Илариона³⁷.

Таким образом, можно, вероятно, говорить о переориентации по сравнению с предшествующим временем международных приоритетов Ярослава — перенесении центра тяжести во внешней политике Древней Руси с Византии на другие государства Европы, среди которых особое место занимают страны Балтийского региона. Формирование внешнеполитических связей здесь начинается сразу же после смерти Владимира, в 1015 г., в ходе борьбы Владимировичей за киевский стол.

Связи со скандинавскими странами, разумеется, были традиционными и складывавшимися длительное время. Вряд ли вызывает сомнения несравненно бóльшая близость Руси в X в. со Средней Швецией (Свеаландом) и Готландом, нежели другими регионами Скандинавии — это общепринятое положение зиждется, прежде всего, на обильном археологическом и нумизматическом материале. Контакты же с Данией и Норвегией, прослеживаются для X в. крайне слабо³⁸. Поэтому несколько неожиданными представляются размах и дифференцированность отношений Ярослава с отдельными Скандинавскими странами начиная уже в 1015 г. и до 1036 г. Учитывая изменения в политической ситуации как в Скандинавских странах, так и на Руси, я условно выделяю несколько периодов в истории этих отношений.

Расклад политических сил в 1015–1020/1021 гг. в Скандинавии определялся тремя основными факторами: формированием датско-английской державы Кнута Великого, установлением в Норвегии власти Олава Харальдссона и шведско-норвежским конфликтом из-

---

³⁷ Поппэ А. Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в. // ИСССР. № 3. 1970. С. 108–124.

³⁸ См.: Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. / Под ред. Н.Е. Носова и И.П. Шаскольского. Л., 1976.

за пограничных территорий³⁹. После смерти датского короля Свейна Вилобородого в Англии 3 февраля 1014 г., неудачной попытки Этельреда Нерешительного вернуть свой трон и смерти его сына Эдмунда Железнобокого 30 ноября 1016 г., королем Англии становится второй сын Свейна Кнут⁴⁰. Датское же государство наследует старший сын Свейна Харальд, умерший, однако, в 1018 или 1019 г. С этого момента Кнут Великий оказывается во главе «империи», включающей Англию, где власть Кнута к началу 1020-х гг. укрепились, и Данию, где он сажает своего наместника, но куда неоднократно приезжает и сам.

Датско-норвежское противостояние началось еще в конце X в., когда потомок Харальда Прекрасноволосого Олав Трюггвасон, поддержанный норвежскими бондами, стал конунгом Норвегии (ок. 995 г.), лишив Данию власти над страной (приобретенной ею, видимо, в правление Харальда Синезубого). Этапным событием стала гибель Олава в морском сражении у о. Свольд⁴¹ в 1000 г. Противниками Олава были датский конунг Свейн Вилобородый, на стороне которого сражались ярл Хладира⁴² Эйрик Хаконарсон (женатый на дочери Свейна и выполнявший функции наместника Свейна в Норвегии), и конунг Свеаланда⁴³ Олав Шётконунг. Начиная новый этап военных действий в Англии летом 1015 г., Кнут забрал с собой ярла Эйрика, в Норвегии же остались брат последнего Свейн и юный еще сын Хакон⁴⁴.

---

³⁹ *Moberg O.* Olav Haraldsson, Knut den Store och Sverige: studier i Olav den heliges förhållande till de nordiska grannländerna. Lund, 1941.

⁴⁰ О деятельности Кнута см.: *Lawson M.K.* Cnut: The Danes in England in the Early Eleventh Century. L., 1993; *The Reign of Cnut, King of England, Denmark and Norway* / Ed. A.R. Rumble. L., 1994.

⁴¹ Местонахождение неизвестно, вероятно, в проливе Эресунд (другая локализация — у южно-балтийского побережья, населенного вендами).

⁴² Родовой центр ярлов (правителей) Трёндалёга (в северо-западной Норвегии), соперничавших за единоличную власть в Норвегии с конунгами Вика и Вестфольда (Южной Норвегии), потомками Харальда Прекрасноволосого.

⁴³ Неясно, в какой степени Гаутланд был инкорпорирован в это время в состав шведского государства, формировавшегося вокруг Центральной Швеции (Свеаланда). См.: *Мельникова Е.А.* Формирование древнешведского государства в региональной перспективе (в печати).

⁴⁴ *Johnson A.O.* Håkon, jarl Eiriksson (998–1030). Nytt kildermateriale og nye synpunkter. Oslo, 1981 (Det Norske Vid.-Ak. II. H-F. Klasse Avhandlingar. N.s. 17).

Осенью, по всей видимости, 1015 г.⁴⁵ после шести лет, проведенных в Англии и Нормандии⁴⁶, в Норвегии высадился родич Олава Трюггвасона и потомок Харальда Прекрасноволосого Олав Харальдссон (Толстый, впоследствии — Святой) и заявил свои претензии на верховную власть в стране. После захвата в плен Хаккона сына Эйрика, поклявшегося уехать в Англию и не воевать против Олава, и битвы при Несьяре (весной — на Вербное воскресенье 1016 г.), после которой ярл Свейн вынужден был бежать сначала в Швецию, а затем «в Аустрвег», на обратном пути откуда он умер, Олав стал единоличным правителем Норвегии, изгнав датских представителей и захватив Ранрике и Западный Гаутланд, которые отошли Олаву Шётконунгу после битвы при Свольде⁴⁷. Таким образом,

---

⁴⁵ Датировка высадки Олава в Норвегии и, соответственно, событий последующих двух–трех лет основывается, как правило, на упоминаниях количества лет правления Олава до его смерти или канонизации в «Саге об Олаве Святом» в «Круге Земном» Снорри Стурлусона (между ними существуют расхождения, позволяющие датировать высадку 1013, 1014 и 1015 гг.) и сведениях исландских анналов, которые помещают сообщение под 1014, 1015 и 1016 гг. [см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 14–23]. Однако описанная в саге последовательность событий, которая подтверждается независимыми источниками (Англо-Саксонской хроникой и др.), заставляет предпочесть 1015 г.: рассказ о возвращении Олава в Норвегию помещен Снорри после сообщения об отплытии в Англию ярла Эйрика с войском Кнута, который, как известно по многочисленным английским и французским источникам, высадился в Сэндвиче в сентябре 1015 г. Такой ход событий представляется наиболее вероятным и естественным: трудно предположить, что Олав рискнул бы вернуться в Норвегию в 1014 г., когда там находился ярл Эйрик. Дата 1015 г. представляется предпочтительной и большинству современных исследователей (*Astås R. Óláfr, St. // Medieval Scandinavia. N.-Y.; L., 1993. P. 445*).

⁴⁶ Еще в двенадцатилетнем возрасте Олав (род. ок. 995 г.) стал участником викингских походов в Швецию и Восточную Прибалтику, а с 1009 г. принимал участие в английских походах датского викинга Торкеля Длинного (в частности, в битве при Рингмере, 1010 г.), перешедшего в 1012 г. на сторону англо-саксонского короля Этельреда, находившегося в изгнании в Нормандии. Вместе с Торкелем Олав оказался во Франции, где ок. 1013 г. был крещен в Руане, а затем находился в войске Этельреда, высадившегося в Англии после смерти Свейна. Однако быстрый разгром войска Этельреда и покорение Кнутом Англии вынудили Торкеля (в войске которого, как предполагается, оставался Олав) примириться с Кнутом. См.: *Johnsen J.A. Olav Haraldssons ungdом indtil slaget ved Nesjar. Oslo, 1922.*

⁴⁷ Область Ранрике потомки Харальда Прекрасноволосого считали

с самого начала своего правления Олав, как считается, ущемил интересы как Кнута, так и Олава Шётконунга.

Однако, если вражда двух Олавов, Шведского и Норвежского, подтверждается источниками⁴⁸ и не вызывает сомнений, то отношения Олава и Кнута в начальный период правления Олава далеко не столь ясны, как обычно считается. Противоречивы и сведения источников.

Адам Бременский пишет, что «между Кнутом и Олафом, королем норманнов, постоянно была война; она не прекращалась во все дни жизни их»⁴⁹. Несколько раньше он сообщает о союзе Кнута с Олавом Шётконунгом и походе против Олава Харальдссона, после чего тот вынужден был бежать из Норвегии: «Норманны избрали государем Олафа (Харальдссона. — *Е. М.*), [который] отложился от королевства данов. Тогда Кнут, обеспокоенный двойной опасностью, заключил договор с братом Олафом, сыном Эрика, который правил в Сведии. Он решил, заручившись его помощью, подчинить сначала Данию, [а] затем Норвегию»⁵⁰. Сведения Адама очевидным образом неточны: поход Кнута против Олава состоялся не сразу после избрания последнего норвежским конунгом, а 13 лет спустя — в 1028 г. Неясно из этого сообщения и к какому времени относится союз сводных братьев Кнута и Олава Шётконунга — вряд ли к 1015–1017 гг., когда Кнут был целиком поглощен укреплением своей власти в Англии. Изображение «изначальности» и «перманентности» противостояния Кнута и Олава Харальдссона, отразившееся в «сжатии» событий во времени, возможно, не столько отражает реальную ситуацию, сколько вытекает из отношения

своей отчиной, равно как и западный Гаутланд. Этот конфликт не удалось разрешить при встрече двух Олавов на о. Хисинг в устье Гёта-Эльв, и он не утих после женитьбы Олава Харальдссона на дочери Олава Шётконунга Эстрид в 1019 г. Возможно, враждебность шведского конунга к Олаву Харальдссону усугублялась викингскими набегами на побережья Швеции, которыми Олав начал свою бурную деятельность.

⁴⁸ Она многократно отмечается Снорри Стурлусоном, Адамом Бременским и другими источниками.

⁴⁹ Adam Bremensis. Chronicon Hammaburgensis ecclesiae pontificum. II. LVII (55) / В. Schmeidler. 3 Aufl. Hannover; Leipzig, 1917 (Далее — Adam). Перевод В.В.Рыбакова, которому я приношу благодарность за разрешение использовать еще не опубликованный перевод сочинения Адама на русский язык.

⁵⁰ Ibid. II. LII (50).

Адама к обоим персонажам: сочувственному — к Олаву и порицающему — к Кнуту⁵¹.

Опираясь на более ранние скандинавские источники⁵², крайне мало осведомленные о деятельности Олава до его приезда в Норвегию, Снорри Стурлусон изображает Олава главой вполне самостоятельного отряда и не упоминает Торкеля Длинного, равно как и возможные контакты Олава и Кнута в Англии⁵³. Вместе с тем, он отмечает, что до определенного, и достаточно позднего времени Кнут не имел претензий к Олаву: Кнут «подолгу бывал в Англии, а в Дании он оставлял править наместников, и в то время (т.е. в первое десятилетие правления Олава. — *Е. М.*) не притязал на Норвегию»⁵⁴.

В интерпретации событий большинством исследователей возобладала точка зрения Адама: Олав воспользовался отсутствием ярла Эйрика и фактически захватил власть, навлекши на себя гнев не только Эйрика, но и Кнута⁵⁵. Однако отношение Кнута к подчинению Олавом Норвегии выглядит не столь прямолинейным. И говорит об этом, в первую очередь, сам ход событий, насколько он нам известен. С одной стороны, после установления в Норвегии власти Олава и вплоть до весны 1025 г. не отмечается никаких враждебных действий Кнута, хотя за это десятилетие Кнут неоднократно бывал в Дании, где решал вопросы управления страной и ходил походами на поморских славян. Не последовало противодействия закреплению Олава в Норвегии и со стороны ярла Эйрика (несмотря на то, что Олав изгнал из страны его сына и брата). С дру-

---

⁵¹ Ср. характеристику Олава Харальдссона: «Даны сражались за власть, а норманны воевали за свободу. В этой тяжбе, [как] мне кажется, справедливость была скорее на стороне Олафа, для которого война была более вынужденной, чем желанной. Если же когда-либо выдавалось время, свободное от военных действий, этот Олаф творил правду и суд в королевстве... Он также держал при себе много епископов и пресвитеров из Англии, увещеваниями и поучениями которых он располагал свое сердце к [принятию] Господа и [которым] он доверил наставлять подчиненный [ему] народ» [Adam. II. LVII (55)].

⁵² Об источниках «Саги об Олаве Святом» Снорри см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 9–14.

⁵³ Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 177–179. См.: Moberg O. Snorre Sturlason, Knut den Store och Olav den helige // Saga och sed. 1987. S. 53–80.

⁵⁴ Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 241.

⁵⁵ См., например: Jones G. A History of the Vikings. 2nd ed. L., 1984. P. 375.

гой стороны, ярл Эйрик занял в Англии чрезвычайно высокое положение, а после административного раздела Англии Кнутом в 1017 г. получил в управление Нортумбрию. Все это дало основание У. Мубергу предположить, что возвращение Олава в Норвегию было инициировано Кнутом или, по меньшей мере, согласовано с ним, и Олав должен был действовать в качестве нового представителя Кнута; ярл же Эйрик получил Нортумбрию в качестве компенсации, т. е., по сути, вместо одного лена (правда, изначально бывшего его отчиной) был наделен другим леном⁵⁶. Действительно, такая индифферентность как Кнута, так и Эйрика трудно объяснима, даже если учесть сложности, с которыми Кнут столкнулся в Англии, тем более, что уже в 1017–1019 гг. они были, в основном, преодолены, и Кнут мог бы заняться урегулированием «норвежского вопроса». Более того, Олав — в глазах Кнута — мог иметь определенные преимущества перед ярлом Эйриком в качестве правителя Норвегии. Популярность ярла Эйрика в Южной Норвегии, отчине потомков Харальда Прекрасноволосого, была весьма низка, тогда как Олав, принадлежа к роду Инглингов, мог рассчитывать — и этот расчет полностью оправдался — на поддержку областных конунгов юга. Немаловажным обстоятельством для Кнута могла быть принадлежность Олава христианской вере⁵⁷ и его стремление распространить христианство в Норвегии. Неслучайно Олав приезжает в Норвегию из Англии вместе с английским епископом Сигфридом (или Сигурдом)⁵⁸.

Таким образом, ситуация на Балтике в 1015–1020/1021 гг. выглядит следующим образом: Кнут по преимуществу находится в Англии, где укрепляет свое положение, в то время как Дания с 1018 или 1019 г. управляется его наместниками и находится в нейтральных отношениях с Норвегией и дружественных (союзных, по мнению Адама) со Швецией. Швеция, находящаяся под властью Олава

---

⁵⁶ Moberg O. Olav Haraldsson. S. 66–87. См. также: Langslet L.R. Olav den Hellige. Oslo, 1995. S. 31.

⁵⁷ Источники ничего не сообщают о том, был ярл Эйрик язычником или христианином. Однако традиционно хладирские ярлы были оплотом язычества в стране, и именно в Трёндалёге, где находилось главное святилище в Мёре, христианизаторской деятельности Олава было оказано наиболее упорное сопротивление. В то же время, трудно себе представить, что Эйрик, одна из ключевых фигур в Англии, мог оставаться язычником, особенно учитывая поддержку церкви со стороны Кнута.

⁵⁸ Adam. II. LVII (55).

Шётконунга, резко враждебна Норвегии, но не ведет активных военных действий против нее и временами даже пытается урегулировать спорные вопросы путем переговоров и династического брака.

Какие же внешнеполитические действия предпринимает Ярослав в 1015–1020/1021 гг. в условиях острой борьбы за киевский стол, которая началась немедленно после смерти Владимира и в которой уже летом 1015 г. погибли младшие Владимировичи, Борис и Глеб, а также Святослав, убитые их сводным (или двоюродным) братом Святополком? Главный противник Ярослава на этом этапе борьбы, Святополк, был женат на польской принцессе, чей отец, Болеслав Храбрый, активно поддержал претензии Святополка на киевский стол и дважды вторгнулся на Русь, захватив Киев в 1018 г. Вплоть до смерти Святополка в 1019 г. Ярослав и Болеслав находились в состоянии войны, ведшейся с переменным успехом. В это время вырисовываются два основных направления международной активности Ярослава, целью которых были, во-первых, рекрутирование необходимых ему воинских контингентов, во-вторых, — нейтрализация Болеслава.

Пути обеспечения русских князей военной силой сложились издавна: главным источником профессиональных (и лучших в Европе) воинов была Скандинавия, прежде всего, ближайшая к Новгороду Швеция, хотя, конечно, в шведских воинских отрядах могли участвовать и норвежцы, и датчане; могли приходить на Русь и дружины норвежских или датских викингов. Ярослав и до смерти Владимира имел какие-то контакты с Севером, не отразившиеся в источниках: не случайно, отказавшись в 1014 г. платить дань Киеву, а потом, испугавшись планируемого Владимиром похода на Новгород, он «пославъ за море, приведе варягы»⁵⁹. Видимо, именно эти варяги, пришедшие в конце весны или начале лета 1015 г. в Новгород, и были частично «избиты» на «Поромоне дворе» новгородцами, а затем участвовали в битве у Любеча. «Приводит» Ярослав варягов и в последующие годы. Главным источником военной силы для Ярослава, естественно, была Средняя Швеция, и укрепление отношений с правителем Свеаланда стало насущной задачей. С одной стороны, с начала XI в. число «вольных» викингов начинает постепенно сокращаться — большинство профессиональных воинов предпочитает участвовать в походах Свейна и Кнута, служить в дружинах конунгов, т. е. военная деятельность викингов

---

⁵⁹ ПВЛ. С. 58.

начинает приобретать более упорядоченные формы. С другой стороны, крепнет власть конунгов Свеаланда, а вместе с ней усиливается регламентация жизни как дружин, так и ледунга. Тем самым наем воинских отрядов на «личной» основе, видимо, осложняется, и перед Ярославом встает задача обеспечить прочные и регулярные отношения с конунгами Свеаланда.

Эта задача решается им традиционным для средневековья путем — браком с дочерью Олава Шётконунга. Судя по внутренней хронологии «Саги об Олаве Святом»⁶⁰, «послы конунга Ярицлейва с востока из Хольмгарда» приезжают «просить руки Ингигерд, дочери Олава, конунга свеев, для Ярицлейва» осенью 1018 г.⁶¹. Эта датировка поддерживается независимыми источниками. С одной стороны, посольство могло быть отправлено только после смерти первой жены Ярослава (Анны?), которая была взята в плен Болеславом, захватившим Киев 14 августа 1018 г. (по сообщению Титмара Мерзебургского), и, как предположил А.В. Назаренко, умерла в плену⁶². Более того, из сообщения Повести временных лет под тем же 1018 г. о том, что в этот критический момент борьбы со Святополком — после тяжелого поражения на Буге и бегства в Новгород, откуда Ярослав «хотяше бежати за море», — новгородцы собрали деньги для найма варягов, которые и были «приведены»⁶³, явствует, что некое посольство действительно было отправлено на север. Поскольку взятие Болеславом Киева последовало сразу после битвы на Буге, вряд ли Ярослав мог оказаться в Новгороде раньше конца августа — первой половины сентября.

Очевидно, что Снорри и Повесть временных лет говорят об одном и том же посольстве, но определяют его цели по-разному — в соответствии с доминирующими интересами автора текста. В действительности, задача посольства, очевидно, была двойкой: привести в Новгород значительный воинский контингент для продолжения борьбы со Святополком и выяснить возможность брака Ярослава с Ингигерд. Переговоры увенчались полным успехом: воинский контингент, согласно Повести временных лет, был немедленно отправ-

---

⁶⁰ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 19–20, 154–161.

⁶¹ Там же. С. 62, 73.

⁶² См.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2002. С. 490.

⁶³ ПВЛ. С. 63.

лен на Русь; брачный проект, согласно Снорри, одобрен Олавом Шётконунгом⁶⁴.

Важным новым моментом в этом случае рекрутирования наемников является обращение уже не непосредственно к вождям викингских отрядов, а к конунгу Свеаланда.

Сам брак состоялся на следующий год. Весной 1019 г., по Снорри, к Олаву Шётконунгу прибыло второе посольство Ярослава, вместе с которым Ингигерд летом отправилась на Русь. Приезд невесты происходит в напряженной обстановке: вытесненный Ярославом из Киева с помощью набранного предыдущим летом войска, Святополк бежит к печенегам. Ярослав (вероятно, в Киеве) ожидает нового витка борьбы. Действительно, Святополк собирает «силу тяжьку» и возвращается на Русь. Летом 1019 г. на Альте происходит заключительная битва Ярослава и Святополка, приведшего печенегов, после которой Святополк бежал и умер «между Ляхы и Чехы». Лишь после этого положение Ярослава стабилизируется, и он, по словам летописца, обосновывается в Киеве (до 1023 г.), хотя и навещается в Новгород.

В подробном рассказе Снорри о заключении брака Ярослава и Ингигерд особый интерес, а соответственно, и внимание исследователей, вызывали условия, выдвинутые Ингигерд и принятые послами Ярослава. Главными среди них было создание «Ладожского ярлства» в качестве свадебного дара Ингигерд и передача его в управление гаутландскому ярлу Рёгнвальду, союзнику Олава Харальдссона и «самому большому недругу» Олава Шётконунга⁶⁵. Сомнения в достоверности этого сообщения Снорри⁶⁶ во многом объясняются исторической нелогичностью согласия Ярослава на эти условия: Ладога и ее округа являлись главными северо-западными воротами

---

⁶⁴ Мотивы, заставившие Олава согласиться на брак Ингигерд с Ярославом, нарушив данное ранее под давлением свейской знати обещание выдать ее замуж за Олава Харальдссона, не указаны Снорри. Однако они должны были быть весьма существенны и убедительны для окружения Олава Шётконунга, поскольку немедленных возражений против этого брака не последовало.

⁶⁵ О дискуссии по поводу «Ладожского ярлства» см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 158–160.

⁶⁶ Глазырина Г.В. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (К вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга/Старой Ладоги скандинавам) // ДГ. 1991 год. М., 1994. С. 240–244.

Руси, отдавать которые в чужие руки было бы нецелесообразно, а, возможно, и просто опасно. Тем не менее, в условиях острейшего конфликта со Святополком и в ожидании его нового нападения, Ярославу жизненно необходима была помощь Олава Шётконунга, и он не мог рисковать разрывом договоренности о браке с его дочерью. Кроме того, приход ярла Рёгнвальда, несомненно, с большой дружиной, и его размещение в Ладоге обеспечивали дополнительный военный потенциал, который можно было быстро использовать в случае острой необходимости. Такова была политическая ситуация весной 1019 г. в момент отправления второго посольства. Однако она радикально изменилась к концу лета этого года. Источники не дают возможности установить, что произошло раньше: битва на Альте или приезд Ингигерд. Но даже если Ингигерд и прибыла в Новгород раньше, очевидно, что до битвы на Альте Ярослав находился на юге, был занят подготовкой к отражению наступления Святополка и, в силу неясности исхода очередного тура борьбы, вряд ли мог хотеть приезда Ингигерд в Киев (особенно учитывая судьбу его первой жены). Поэтому можно с достаточной уверенностью полагать, что брак Ярослава и Ингигерд состоялся после битвы на Альте — в конце лета или в начале осени 1019 г., когда борьба за киевский стол закончилась победой Ярослава. Несмотря на изменившуюся обстановку, Ярослав, видимо, сдержал обещание, и Ладога была отдана Рёгнвальду, хотя, как можно полагать, и не надолго⁶⁷.

Таким образом, первая цель политики Ярослава в 1015–1019 гг. — обеспечение борьбы за киевский стол военной силой — была разрешена установлением дружественных (может быть, союзных) отношений со Швецией, подкрепленных браком с Ингигерд.

Другим естественным союзником Ярослава в противостоянии Польше могла быть Германия, что заставило Ярослава начать переговоры с германским императором Генрихом II. Предполагается, что между ними в 1017 г. был даже заключен союз, хотя и весьма кратковременный⁶⁸. Поддержка Генриха обеспечивала Ярославу давление на Болеслава с запада, связывая действия Болеслава на востоке.

---

⁶⁷ См.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 104, 119. Уже в начале 1030-х гг., как явствует из рассказа о поездке норвежских купцов на Русь (см. ниже), единственным верховным правителем является Ярослав, к которому (а не к его наместнику в Ладоге) обращаются купцы.

⁶⁸ Уже 30 января 1018 г. Генрих II заключил мир с Болеславом. См.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь. С. 455–462.

Третьим возможным союзником, хотя и более отдаленным, была Дания. Именно в этот период, по сообщению Адама Бременского, сестра Кнута Эстрид была выдана им замуж за «сына короля Руси»⁶⁹. Генеалогические выкладки и хронологические подсчеты делают наиболее вероятным супругом Эстрид сына Ярослава Мудрого Илью, который умер вскоре после женитьбы в конце 1019 или начале 1020 г.⁷⁰ Усиление связей с Данией отмечается появлением на Руси во второй половине 1010-х гг. английских пенни, чеканенных при Этельреде и Кнуде⁷¹. Как и союз с Генрихом, дружеские отношения с Кнудом открывали дополнительные возможности давления на Болеслава. Не случайно, именно к этому времени относятся походы Кнута против поморских (?) славян (1019 г.) и в Витланд — в устье Вислы (1022 г.)⁷². Время военных действий Кнута против славянских соседей удивительным образом совпадает с походами Ярослава на Киев (1019 г.) и Берестье (1022 г.). Но даже если выступления Кнута и Ярослава не были согласованы и случайно совпали во времени, трудно усомниться, что, как и переговоры с Конрадом, брачный союз Ильи с сестрой Кнута знаменует небезуспешные попытки Ярослава создать русско-датскую антипольскую коалицию.

Заключая браки с представителями датского и шведского правящих домов, Ярослав тем самым подтверждает если и не союз с Данией и Швецией, то, по меньшей мере, дружеские отношения с этими странами; и демонстрирует враждебность Олаву Харальдссону. И действительно, поскольку политика централизации Норвегии, жестко проводимая Олавом Харальдссоном, вызвала недовольство норвежской родовой знати, часть ее эмигрировала, в первую очередь, в Англию к Кнуду Великому, но также и на Русь к Ярославу. Именно о таком вынужденном бегстве из Норвегии знатного викинга Эймунда Хрингссона рассказывается в «Пряди об Эймунде». Не исключено, что норвежцем был и упомянутый в Повести временных лет Якун, предводитель отряда варягов в Ливен-

---

⁶⁹ *Adam*. II, 54. Schol. 39.

⁷⁰ *Назаренко А.В.* Древняя Русь. С. 476–492.

⁷¹ *Потин В.Н.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным IX–XII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 64–80; *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // ДГ. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 151–170.

⁷² *Назаренко А.В.* Древняя Русь. С. 496–498.

ской битве (1024 г.)⁷³, имя которого *Hákon* было значительно более широко распространено в Норвегии, нежели в Швеции, и являлось родовым именем хладирских ярлов.

Вступив в датско-шведскую коалицию, Ярослав получил, с одной стороны, помощь Кнута против Польши, с другой стороны, воинские подкрепления из Швеции, что способствовало его победе в борьбе за киевский стол.

* * *

1019–1026 гг. стали переломными как во взаимоотношениях между Скандинавскими странами, так и в положении Ярослава на Руси. В результате этих перемен внешнеполитическая ориентация Ярослава в Балтийском регионе резко изменилась.

Наиболее существенным событием для судеб Скандинавских стран стала смена правителей Свеаланда: осенью 1019 г. Олав Шётконунг утратил власть и вынужден был бежать в Гаутланд, где умер в 1020 или 1021 г. Преемником Олава стал его сын (ум. в 1050 г.) Энунд-Якоб, отношение которого к Олаву Харальдссону, равно как и к Кнуту, оказалось совершенно иным, нежели у его отца. Между ним и Олавом Харальдссоном устанавливаются нейтральные, если не доброжелательные отношения. Около 1023 г. в Англии умирает ярл Эйрик, а его сын Хакон остается на службе у Кнута. Также нейтральны (во всяком случае, неоткрыто враждебны) и отношения Энунда-Якоба с Кнутом: они просто не упоминаются Снорри. Вплоть до 1025 г. источники не отмечают никаких враждебных действий между тремя правителями. Однако жесткая христианизаторская деятельность Олава Харальдссона в Норвегии и его усилия по централизации власти вызывают все большее недовольство среди норвежских бондов.

В 1019 г. наступает затишье и на Руси: после смерти Святополка Ярослав утверждается в Киеве, и его власти, казалось бы, ничто не угрожает. О связях Руси этого времени ни с одной из Скандинавских стран известий в источниках нет. Можно лишь предполагать, что Ярослав сохраняет дружеские контакты с отцом, а затем братом своей жены Ингигерд. Отношения с Кнутом, видимо, ослабевают после смерти Ильи и возвращения Эстрид в Данию, однако в 1022 г., как уже упоминалось, Ярослав совершает поход к Берестью, а приехавший в Данию Кнут — в устье Вислы: нападе-

---

⁷³ ПВЛ. С. 64.

ние на Польшу, где продолжает править Болеслав, с востока и северо-запада, возможно, было согласованным ⁷⁴.

Политическая ситуация снова меняется как на Руси, так и в Скандинавии в середине 1020-х гг. В 1023 г. против Ярослава выступает его брат Мстислав, который в 1024 г., когда Ярослав находился в Новгороде, заявляет претензии на Киев, но, не принятый киевлянами, обосновывается в Чернигове. Снова предстоит борьба за Киев, и Ярослав снова посылает за варягами. В Лиственской битве (1024 г.) Мстислав одерживает победу, но предлагает Ярославу мир на условиях «раздела сфер влияния» по Днепру. В 1025 г. умирает Болеслав, а в 1026 г. братья заключают соглашение, и мир сохраняется вплоть до смерти Мстислава в 1036 г., когда Ярослав остается единственным правителем Руси. Таким образом, положение Ярослава внутри страны к 1026 г. стабилизируется.

В Скандинавии же 1025 г. становится годом начала острого противостояния Кнута, Энунда-Якоба и Олава Харальдссона. Как рассказывает Снорри, весной этого года Кнут, находящийся в Англии, посылает «своих людей... на восток в Норвегию» к Олаву Харальдссону с заявлением, что «вся Норвегия по праву принадлежит ему и что до него этой страной владели его предки... Если Олав сын Харальда хочет остаться конунгом Норвегии, он должен отправиться к Кнуту конунгу и получить эту страну от него в лен, стать его человеком и платить ему подати, как раньше платили ярлы» ⁷⁵. В противном случае Кнут угрожал Олаву войной. Отправив послов назад с оскорбительным ответом, Олав срочно набирает войско, остается в Вике, чтобы следить за возможным появлением флота Кнута, и осенью отправляет послов к Энунду-Якобу с предложением объединить усилия в борьбе с Кнутом, который, завладев Норвегией, не замедлит начать покорение Швеции.

Той же осенью Кнут приезжает в Данию из-за провозглашения королем Дании его сына Хардакнута и направляет посольство к Энунду-Якобу с предложением дружбы, но послы не получают ответа, что расценивается Кнутом как свидетельство шведско-норвежского союза, после чего он возвращается обратно в Англию.

Весной следующего года конунги Норвегии и Швеции встречаются в Конунгахелле ⁷⁶ и заключают договор о мире и совместных

---

⁷⁴ Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 496–498.

⁷⁵ Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 280–281.

⁷⁶ На территории современного Гетеборга.

действиях против Кнута. Условившись объединить свои флотилии, Олав и Энунд-Якоб собирают корабли, и по пути к условленному месту Олав грабит побережье о. Зеландия, Энунд-Якоб — побережье Сконе. Получив известия о нападении, Кнут отплывает из Англии с большим флотом, сначала наносит значительный ущерб кораблям Энунда-Якоба, а затем через Лимфьорд выходит в Сунд и отрезает путь Олаву, который вынужден плыть на восток, чтобы соединиться с Энундом-Якобом. Союзникам приходится отступить и принять морской бой в устье реки Хельге (Helgeá, дословно «Святая река») ⁷⁷. Снорри пишет, что, несмотря на то, что шведско-норвежский флот был чуть ли не в два раза меньше датского, союзники одержали победу, хотя и не смогли добиться полного разгрома Кнута ⁷⁸. Однако последствия битвы на реке Хельге свидетельствуют об обратном.

Олав, опасаясь столкновений с враждебными ему бондами, сущей через территорию Швеции проехал в Вик, а Энунд-Якоб вернулся в Свеаланд. В Норвегии Олав столкнулся с крепнущей оппозицией ⁷⁹, что в итоге и привело его к бегству из страны в 1028 г. О положении дел в Швеции после битвы на реке Хельге Снорри не рассказывает, но существуют свидетельства того, что Кнут воспользовался ее результатами и, по меньшей мере, заявил о своих притязаниях на верховную власть ⁸⁰. В письме «английскому наро-

---

⁷⁷ Датировка битвы на реке Хельге разнится в различных источниках. Англо-Саксонская Хроника (E, F) помещает сообщение о ней под 1025 г., но это не согласуется с хронологией деятельности Олава по «Кругу Земному» Снорри Стурлусона, в соответствии с которой битва должна была произойти в 1027 г.; тем же годом битва помечена и в исландских анналах, записи которых, впрочем, основываются на хронологии саг (эту дату защищает С. Кейнс: *Encornium Emmae Reginae* // Ed. and trans. by A. Campbell; intr. by S. Keynes. Cambridge, 1998. P. 82–84). Однако, поскольку поездка Кнута в Рим, бесспорно, состоялась в 1027 г. — он присутствовал на коронации императора Конрада II в конце марта, то наиболее вероятно, что битва произошло в 1026 г. См. подробнее: *Moberg O. Slaget vid Helgeå och dess följder* // Scandia. 1987. B. 53. S. 175–185; *Idem. The Battle of Helgeå* // Scandianavian Journal of History. 1989. Vol. 14. № 1. P. 1–20.

⁷⁸ Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 312–313.

⁷⁹ По рассказам Снорри, Кнут берет к себе на службу или подкупает многих знатных и влиятельных норвежцев (Харека из Тьотта, Эрлинга Скьялгссона, Эйнара Тамбарскелвира и др.).

⁸⁰ По мнению Б. Грэслунда, верховную власть над Свеаландом Кнут получил после битвы на реке Хельге. См.: *Gräslund B. Knut den store och Sveariket. Slaget vid Helgeå i ny belysning* // Scandia. 1986. B. 52. S. 211–238.

ду», отправленному в 1027 г. из Рима, Кнут именуется себя «Rex totius Angliae et Denemarchiae et Norregiae et parties Suavorum⁸¹» («Король всей Англии и Дании и Норвегии и части свеев»)⁸². Часть титулатуры очевидным образом отражает не реальное положение дел, а политические амбиции Кнута: в 1027 г. он еще не являлся «королем Норвегии», но активно готовил свержение Олава, которое состоялось только через год. Менее ясно, что стоит за обозначением «король... части свеев», которое перекликается с легендой «CNUT REX SV[EORUM]» («Кнут король свеев») на монетах, чеканенных монетарием Энунда-Якоба Тормодом из Сигтуны (THORMOD ON SIHT)⁸³. Трудно предполагать, чтобы монетарий шведского конунга чеканил в его главной резиденции (Сигтуне) монеты, легенды на которых ущемляли бы его суверенные права. Видимо, эта легенда должна была хотя бы в какой-то степени соответствовать действительности и указывать на некие властные права Кнута, которые признавались Энундом-Якобом, по крайней мере, в части Свеаланда в конце 1020-х гг.⁸⁴. На то же указывает и бегство

---

⁸¹ Эмendaция *slavorum*, т. е. «славян», вместо *suavorum* не кажется мне удачной, поскольку чтение *suavorum* поддерживается легендой на монетах, чеканенных Кнутом в Сигтуне.

⁸² *Liebermann F.* Die Gesetze der angelsachsen. Halle, 1903. Bd. 1. S. 276.

⁸³ *Lagerqvist L.O.* The Coinage at Sigtuna in the Names of Anund Jacob, Cnut the Great, and Harthacnut // *Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis.* Stockholm, 1968. Т. II. P. 383–416 (Л.Лагерквист насчитывает 23 монеты Кнута, чеканенные в Сигтуне); *Malmer B.* A Note on the Coinage of Sigtuna, at the Time of Anund Jacob // *Numismatiska meddelanden utgivna av Svenska numismatiska föreningen.* Stockholm, 1989. S. 259–262. В Сигтуне чеканились монеты и с другими титулами Кнута: CNUT REX ANGL[ORUM], CNUT REX NO[RWAGENORUM]. См.: *Malmer B.* King Canute's Coinage in the Northern Countries. The Dorothea Coke Memorial Lecture in Northern Studies 1972. L., 1974. Время начала чеканки монет Кнута в Сигтуне определяется обычно 1029 или 1030 гг. (*Sawyer P.* Knut, Sweden, and Sigtuna // *Avstamp — för en ny Sigtunaforskning / Red. S. Tesch.* Sigtuna, 1989. P. 88–89), хотя Л. Лагерквист в цитированной работе высказывал предположение, что они относятся к 1028 г.

⁸⁴ Более правдоподобно выглядело бы распространение власти Кнута в Западном Гаутланде, который изначально тяготел к Дании (см.: *Sawyer P.* När Sverige blev Sverige. Alingsås, 1991) и граничил со Сконе — территорией, входившей в состав Датского государства (правда, тогда в титулатуре скорее бы значилось *rex Gothorum*), но не в Свеаланде, расположенном далеко на север от датских территорий. Это заставило Б. Грэслунда предпо-

зимой 1028 г. Олава Харальдссона на Русь: по словам Снорри, он опасался и сам остаться в Швеции, и оставить там сына: поскольку Энунд-Якоб был его союзником, страх мог быть вызван только возможным вмешательством Кнута (или его представителей). В то же время можно с достаточной уверенностью говорить о том, что власть Кнута в Швеции, если и существовала, то была скорее номинальной или выражалась в каких-то выплатах.

Таким образом, в результате событий 1024–1026 гг. в Балтийском регионе происходит резкое изменение политической обстановки. Значительно усиливается Дания, и Кнут заявляет о своих претензиях на Норвегию и, возможно, Швецию, которые вынуждены объединить свои усилия для защиты от датской гегемонии. Одновременно Кнут устанавливает тесные отношения с Генрихом Немецким, который в 1027 г. становится германским императором, и обеспечивает себе поддержку Империи, заключившей мир с Польшей, королем которой после смерти в 1025 г. Болеслава I, главного противника Ярослава, становится Мешко II.

В этих условиях, а также в связи с урегулированием ситуации на Руси приоритеты в политике Ярослава Мудрого на Балтике радикально меняются. С одной стороны, Ярослав, очевидно, утрачивает интерес к Дании: она более не нужна ему в качестве союзника против Польши. Напротив, в Швеции (Свеаланде) правит его шуриин Энунд-Якоб, а в Норвегии — муж сводной сестры Ингигерд Олав Харальдссон, с которым Энунд-Якоб в 1026 г. заключил союз. И родственные связи, и, возможно, беспокойство из-за распространения влияния Дании на восток неизбежно толкали Ярослава к присоединению к шведско-норвежскому союзу.

Наиболее ярко новая политическая ориентация балтийской политики Ярослава — пронорвежская и прошведская — проявилась в 1028 г., когда на Русь вместе с сыном бежал Олав Харальдссон после поражения, которое ему нанес Кнут вместе с бондами из Трёндалёга, недовольными Олавом. Кнут провозглашает королем Нор-

---

ложить, что Снорри ошибочно пишет о том, что битва состоялась на реке Хельге, находящейся в Сконе (эта локализация принята подавляющим большинством исследователей). На самом деле, сражение произошло на одноименной речушке в юго-восточном Упланде, протекающей в 20 км от Сигтуны и 40 км от Упсалы (*Gräslund B. Knut den store*). П. Сойер полагает, что под «частью свеев» подразумеваются те шведы, которые служили в английской армии Кнута (см.: *Sawyer P. Knut, Sweden, and Sigtuna // Avstamp. P. 90–91.*

вегии Хардакнута и сажает в Хладире ярла Хакона сына Эйрика в качестве своего наместника. Следующим летом Хакон погибает у берегов Шотландии, и наместником Кнута в Норвегии становится сын Кнута от наложницы Альвивы Свейн, который, однако, не спешит из Англии в Норвегию. Узнав от норвежцев, прибывших на Русь к йолу (Рождеству) 1029 г.⁸⁵, что ярл Хакон утонул, а Свейн находится в Англии, колебавшийся ранее Олав, по рассказу Снорри, решает немедленно вступить в борьбу за Норвегию. Он получает от Ярослава помощь (вьючных животных и необходимое снаряжение)⁸⁶, оставляет на его попечение Магнуса и после йоля отправляется в обратный путь, дойдя по зимнику «до самого моря»⁸⁷. Весной 1030 г., когда сошел снег, Олав снаряжает корабли и отплывает в Швецию. Здесь Олав встречается с Эстрид, Энунд-Якоб дает ему 480 человек и разрешает набрать в войско сколько воинов, сколько согласятся служить Олаву. В Даларна Олав соединяется с отрядом Харальда Сигурдарсона, своего сводного брата и будущего правителя Норвегии, переходит через Кьель в Трёндалёг (практически одновременно Свейн сын Альвивы высаживается в Вике, на юге страны) и 29 июля погибает в сражении с войском местных бондов при Стикластадире. Через год придворный епископ Олава Гримкель в присутствии Свейна и Альвивы и с их согласия переносит нетленные останки Олава из Стикластадира в Нидарос (Трандхейм) и объявляет Олава Харальдссона святым. Культ первого норвежского (и скандинавского) святого быстро распространяется в Скандинавских странах и Англии⁸⁸ и почти сразу же достигает Руси⁸⁹. Шесть лет

---

⁸⁵ Эта информация содержится в «Легендарной саге об Олаве Святом» [текст, перевод и комментарий см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 183].

⁸⁶ *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. С. 343.

⁸⁷ Вероятно, под «морем» здесь понимается Ладожское озеро, которое вместе с Невой долгое время рассматривалось как продолжение Финского залива. Именно здесь, у выхода в Ладожское озеро, в Ладогге, где издавна морские корабли менялись на речные, производился ремонт и оснастка кораблей, Олав мог дожидаться весны и снарядить корабли. Сделать это на побережье Финского залива или Балтики было бы весьма затруднительно, если не невозможно.

⁸⁸ См.: *St. Olav, seine Zeit und seine Kult.* Visby, 1981 (*Acta Visbyensia*, VI).

⁸⁹ См.: *Мельникова Е.А.* Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // *Византийский временник.* 1996. Т. 56. С. 92–106.

спустя, в 1035 г., к Ярославу приходят представители норвежской знати, недовольные теперь засильем датчан, и просят Ярослава о возвращении Магнуса в Норвегию, что Магнус и делает в 1036 г.

Таким образом, невзирая на отсутствие (за исключением известия Повести временных лет о найме Ярославом варягов в 1025 г.) и в древнерусских, и в древнескандинавских источниках прямых сообщений об отношениях Руси и Скандинавских стран в 1020–1027 гг. очевидно, что именно в эти годы, вероятнее всего, вскоре после 1025 г., когда образуется шведско-норвежский союз против Кнута, происходит радикальная переориентация балтийской политики Ярослава. На смену включению Руси в датско-шведский альянс приходит коалиция со Швецией и Норвегией, в которой Ярослав, в первую очередь, насколько можно судить по скудным сведениям письменных источников, ищет и находит военную поддержку своим внутриполитическим акциям.

* * *

Смерть Олава не положила конец дружеским отношениям Ярослава с его потомками и преемниками: под опекой Ярослава остался малолетний сын Олава Магнус, на Русь, излечившись от ран, полученных в битве при Стикластадире, бежал сводный брат Олава Харальд Сигурдарсон. Сначала первый, а затем второй — оба не без помощи Ярослава — становятся правителями Норвегии, и сохраняют власть еще долго после смерти Ярослава — вплоть до 1066 г. Устойчивыми остаются и связи со Швецией, где до 1050 г. у власти остается сводный брат Ингигерд Энунд-Якоб. Как ни мало известно нам об этом периоде балтийской политики Ярослава, по имеющимся обрывкам информации можно предполагать, однако, что интересы Ярослава и формы его внешнеполитической деятельности меняются. Если ранее его главной целью являлось рекрутирование военной силы, то в этот период, как кажется, его политика становится более активной и направленной на поддержание сложившегося баланса сил в Балтийском регионе: впервые в это время мы узнаем о прямом вмешательстве Ярослава в борьбу за власть в Скандинавских странах, прежде всего, в Норвегии.

Королевские саги с разной степенью подробности освещают возвращение Магнуса в Норвегию в 1036 г., но все они — хотя и по-разному — отмечают участие Ярослава Мудрого. Наиболее подробно деятельность Ярослава представлена в самом раннем из сво-

дов королевских саг — «Гнилой Коже»⁹⁰. Как рассказывается в выделяемой исследователями, но не обозначенной в самой рукописи «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе»⁹¹ главе, возвращению Магнуса предшествовала длительная подготовка, которая началась поручением, данным Ярославом двум норвежским купцам, братьям Карлу и Бьёрну, приехавшим на Русь с торговыми целями⁹², — привлечь на сторону Магнуса норвежскую знать⁹³. Ярослав прибегает к методам тайной дипломатии, включающей шпионаж и подкуп наиболее влиятельных в Норвегии лиц: он снабжает братьев деньгами, чтобы они «раздали эти деньги лендрманнам в Нореге и всем тем людям, у которых есть какое-нибудь влияние и которые хотят быть друзьями Магнуса, сына Олава»⁹⁴. Деньгами и уговорами братья склоняют на сторону Магнуса норвежских нобилей, в первую очередь, выступавших в 1028–1030 гг. против Олава

---

⁹⁰ Составление свода датируется 1190-ми годами, его дошедшая до нас редакция — 1220-ми годами, рукопись написана ок. 1275 г. Издание: *Morkinskinna / Udg. ved Finnur Jónsson*. København, 1932; далее — Msk.

⁹¹ Аналогичная редакция саги содержится также в «Книге с Плоского острова» (1387–1394 гг.; сага написана на дополнительных листах, датируемых второй половиной XV в.: *Flateyjarbók / Ed. by S. Nordal*. Acraness, 1944–1945. В. 1–4; далее — Flat.), а также в компиляции «Хульда» (середина XIV в.: *Hulda. Sagas of the Kings of Norway 1035–1177 / Ed. by J. Louis-Jensen*. Copenhagen, 1968). В других сводах королевских саг правлению Магнуса Доброго и приключениям и правлению Харальда Сурового посвящены отдельные саги.

⁹² К повествованию о пребывании Карла и Бьёрна на Руси я вернусь еще раз ниже.

⁹³ Рассказ о деятельности Карла и Бьёрна выделяется Г. Индребё и Й. Луис-Йенсен как отдельная «Прядь о Карле Несчастном» (название дано исследователями), не входившая в исходную редакцию свода, по причине его стилистического несоответствия остальному тексту. Против этого — из-за отсутствия формальных признаков пряди — возражал Т. Андерссон [библиографию см. в кн.: *Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (середина XI — первая половина XIII в.)*. С. 70]. Соглашаясь с Т. Андерссоном, хочу добавить, что включение этого рассказа именно в «Сагу о Магнусе» абсолютно органично с точки зрения содержания (вне зависимости от того, существовал ли он в устной традиции отдельно или в составе традиции о возвращении Магнуса, что более вероятно), поскольку именно с него начинается история о Магнусе как конунге Норвегии.

⁹⁴ См.: *Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (середина XI — первая половина XIII в.)*. С. 50–56 (текст), 58–64 (перевод).

Эйнара Брюхотряса, дядю ярла Хакона по матери, и Кальва, сына лендрмана Арни, — наиболее влиятельных людей в стране. Сначала Бьёрн, а затем Карл совершают поездки к Ярославу, чтобы отчитаться о достигнутом, причем Карл подвергается преследованиям со стороны Свейна Альвивусона. После предварительного согласования позиций сторон, Эйнар и Кальв вместе с группой знатных норвежцев приезжают в 1035 г. к Ярославу, который, все же сомневаясь в их лояльности Магнусу, требует клятвы верности, которую приносят 12 членов посольства. На следующий год Магнус прибывает в Норвегию и провозглашается конунгом. Далее следует история его правления.

Как видим, составитель «Гнилой кожи» воспринимал инициативу Ярослава и «агитационную» деятельность Карла и Бьёрна как ключевой — исходный — момент, с которого начинается восхождение Магнуса на престол. Именно поэтому эти события изложены им максимально подробно.

В отличие от «Гнилой кожи» другие обзоры и своды королевских саг, и более ранний «Обзор саг о норвежских конунгах» (ок. 1190 г.)⁹⁵, и более поздние, использовавшие «Гнилую кожу» как один из источников, — «Красивая кожа» (ок. 1220 г.)⁹⁶ и «Круг Земной» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.), — излагают обстоятельства возвращения Магнуса с того момента, как в действие вступают Эйнар Брюхотряс и Кальв Арнасон (т. е. отсутствует повествование о Карле и Бьёрне); хотя во всех них отмечается принципиальная роль Ярослава Мудрого. В «Обзоре» (не разделенном на отдельные саги) история возвращения Магнуса излагается в двух–трех предложениях, где отмечается раскаяние норвежцев за причиненное Олаву зло, прибытие посольства во главе с Эйнаром и Кальвом к Ярославу, клятва верности Магнусу. Важным отличием является введение в действие Ингигерд — именно по ее требованию, а не Ярослава, приносится клятва Магнусу⁹⁷.

---

⁹⁵ Ágrip af Nóregs konunga sögum / Bjarni Einarsson // Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1984. В. XXIX. Bl. 32. Перевод на русск. язык: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). С. 43 (текст), 44 (перевод).

⁹⁶ Fagrskinna. Nóregs konunga tal / Bjarni Einarsson // Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1984. В. XXIX. Bl. 202–203. Перевод на русск. язык: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (середина XI — середина XIII в.). С. 77–78 (текст), 78–79 (перевод).

⁹⁷ Перенос действий Ярослава на Ингигерд — характерная черта саго-

В «Красивой коже» возвращение Магнуса описывается в «Саге о Магнусе Добром» (по членению текста исследователями), где отмечается недовольство прежних сторонников Кнута датским правлением, посольство Эйнара и Кальва на Русь, опасения Ярослава, что Магнус будет предан так же, как его отец, клятва 12 членов посольства и отбытие Магнуса в Норвегию. Повествование сопровождается висой Бьярни Скальда Золотых Ресниц, обращенной к Кальву: «Ты указал, Кальв... Магнусу путь из Гардов... ты содействовал... ты помог...»⁹⁸. Как и в «Гнилой Коже», здесь отсутствует Ингигерд, но более подробно освещается пребывание послов на Руси, а также обратный путь Магнуса в Норвегию.

Снорри сообщает о приезде Эйнара и Кальва на Русь, дополняя повествование «Красивой Кожи» указанием на созыв Ярославом совета, в котором участвуют «княгиня и другие его хёвдинги» и на котором норвежцам дается разрешение приехать к Ярославу, причем особо выделяется роль Кальва, который — по условиям соглашения — должен был стать приемным отцом Магнуса⁹⁹. Снорри помещает рассказ о возвращении Магнуса в конец «Саги об Олаве Святом», видимо, рассматривая его не столько эпизодом правления Магнуса, сколько завершением противостояния норвежской знати и Олава: главные противники святого короля осознают свою ошибку и искупают ее, возводя на трон его сына Магнуса. На протяжении всей саги Снорри выделяет Эйнара Брюхотряса и Кальва сына Арни как главных, наиболее влиятельных представителей норвежской знати. Их отношение к Олаву: от нейтралитета при прибытии Олава в Норвегию (Эйнара) и даже готовности служить ему (Кальва) — к открытой вражде, вплоть до участия в битве при Стикластадире; и, наконец, к раскаянию (после провозглашения Олава святым и их ссоры с Кнутом) и желанию видеть на троне

вой традиции, в которой образ Ингигерд героизируется за счет снижения роли Ярослава. См.: Мельникова Е.А. Брак Ярослава и Ингигерд в древнескандинавской традиции: беллетризация исторического факта // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1997. С. 151–153; Джаксон Т.Н. Ингигерд, жена русского князя Ярослава Мудрого.

⁹⁸ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (середина XI — первая половина XIII в.). С. 77–78 (текст), 79 (перевод).

⁹⁹ Там же. С. 81–82 (текст), 82 (перевод). О Кальве как приемном отце Магнуса другие источники не упоминают.

сына Олава Магнуса — воплощает отношение к Олаву всей норвежской знати. Не случайно перипетии противостояния Олава и Эйнара Брюхотряса и Кальва Арнасона составляют основную фабулу второй половины «Саги об Олаве Святом». При таком видении ситуации инициатива приглашения Магнуса должна была принадлежать не каким-то купцам-солеварам, а тем самым норвежским нобилям, которые ранее сражались с Олавом и чьими руками он был убит. Именно поэтому, думается, Снорри не включил в свое повествование рассказ о деятельности Карла и Бьёрна, а отнюдь не из-за того, что счел эпизод «Гнилой кожи» недостоверным¹⁰⁰. Более того, ведущая роль Кальва в возвращении Магнуса отмечалась в виле Бьярни Скальда Золотых Ресниц, что — учитываемая отношение Снорри к скальдической поэзии — могло также сыграть роль в исключении интересующего нас эпизода. Наконец, Снорри, как и «Красивая Кожа», вводит в действие Ингигерд (хотя и очень неопределенно) как дань отчетливо обнаруживаемой в труде Снорри (и далеко не только у него) тенденции гиперболизировать влияние Ингигерд на Ярослава и управление Русским государством. Таким образом, наиболее существенное различие между рассказами о возвращении Магнуса в «Гнилой Коже», с одной стороны, и в «Красивой Коже» и «Круге Земном» — с другой, лежит не только в отсутствии эпизода поездки Карла и Бьярни во втором случае, но, прежде всего, в общей тенденции повествования и в степени использования авторами сводов сюжетных и образных стереотипов, характерных для саговых повествований о пребывании скандинавов на Руси.

Таким образом, хотя информация об активной (более того, иницилирующей) роли Ярослава в возведении Магнуса на норвежский престол нашла отражение только в «Гнилой Коже», специальных оснований для ее отклонения как недостоверной нет. Практика подкупа широко использовалась во все времена, в том числе Кнудом Великим, точно так же подкупавшим норвежскую знать и посылавшим соглядатаев для выяснения замыслов Олава Харальдссона несколькими годами раньше. Вместе с тем, цели, которые преследовал Кнут, достаточно очевидны. Причины же столь активной поддержки Магнуса Ярославом неясны¹⁰¹, тем более что в 1035 г. Кнут умира-

---

¹⁰⁰ Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 227. Примеч. 237.

¹⁰¹ Впрочем, объяснением может служить сама ситуация: в древне-

ет, и его империя быстро распадается¹⁰². Отсутствие информации не позволяет установить, какие практические выгоды получил Ярослав после восшествия Магнуса на престол, но очевидно, что своих целей Ярослав достиг, ибо и в последующие годы Русь и Норвегию связывают тесные отношения. Зимой 1043/1044 г. Ярослав выдает замуж свою дочь Елизавету за Харальда¹⁰³, проведшего около 10 лет на Руси, а затем в Византии, и после возвращения ставшего соправителем Магнуса Доброго, а после его смерти в 1047 г. — королем Норвегии.

Не менее дружественные отношения, видимо, продолжали связывать Ярослава и со Швецией, где до 1050 г. продолжал править сводный брат Ингигерд Энунд-Якоб, также сохранявший добрые связи с Норвегией: он оказал поддержку Магнусу при его возвращении, и саги не отмечают каких-либо конфликтов между этими двумя странами.

В этих условиях относительного мира Ярослав продолжает пользоваться помощью своих скандинавских родственников. В очередной раз дополнительная военная сила потребовалась ему в 1043 г., когда, согласно Повести временных лет, состоялся последний из известных нам походов на Византию, которым командовали сын Ярослава Мудрого Владимир и воевода Вышата¹⁰⁴. Повесть временных лет не упоминает состав русского войска, однако в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 1430-х гг. (в Софийской первой летописи и др.), содержатся дополнения к статье, представляющие, по мнению А.А. Шахматова и Д.С. Лихачева, фрагмент Начального свода¹⁰⁵. Во-первых, в числе «воев многих» называются варяги. Тем самым поход 1043 г. оказывается послед-

---

скандинавской культуре связь ребенка и его воспитателя рассматривалась как максимально приближенная к отношениям отца и сына, и Ярослав мог чувствовать себя обязанным обеспечить Магнусу то положение, на которое тот имел право.

¹⁰² Дания под властью Хардакнута, сына Кнута Великого, приходит в упадок, так что в 1037 г. Магнус Добрый заключает с Хардакнудом мир, по которому в случае смерти датского короля, не имевшего наследников, Дания переходит под власть Магнуса Доброго, что и произошло в 1042 г.

¹⁰³ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги (середина XI — середина XIII в.). С. 146–151.

¹⁰⁴ ПВЛ. С. 67. Литературу о походе см. в прим. 33.

¹⁰⁵ *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. Кучково поле, 2001. С. 165–167; *Лихачев Д.С.* Комментарии // ПВЛ. С. 483–484.

ним (из известных нам ¹⁰⁶) военным предприятием Руси, в котором участвуют скандинавы. Во-вторых, согласно Софийской первой летописи, конфликт между «варягами» и «русью» и последующее бегство «варягов» с поля боя становятся причинами сокрушительного поражения русского войска ¹⁰⁷.

Это событие может быть предположительно сопоставлено с трагически закончившимся походом на восток шведского хёвдинга Ингвара, известным по упоминаниям на 24 рунических камнях из Средней Швеции и «Саги об Ингваре Путешественнике» ¹⁰⁸. В саге рассказ о походе, длительное время существовавший в устной передаче, был радикально переосмыслен и интерпретирован как своего рода крестовый поход с миссионерскими целями — приведением языческих народов на Востоке к христианской вере ¹⁰⁹. В действительности поход под предводительством Ингвара носил совсем иной характер, о чем, прежде всего, говорят рунические памятники.

Стелы свидетельствуют о весьма специфическом характере похода: в составе войска было много воинов из богатых и, соответственно, достаточно знатных людей (количество установленных памятников в честь участников похода уникально), причем весьма значительное по численности войско ¹¹⁰ было собрано на ограниченной территории (в областях, примыкающих к озеру Меларен). Па-

¹⁰⁶ Впрочем, см. в начале статьи о сведениях рунических надписей.

¹⁰⁷ Дойдя до Дуная «русь» предлагает князю: «„Станем зде на поле“, а Варяги ркоша: „Поидем на город“» (ПСРЛ. Л., 1925. Т. V. Вып. 1. С. 128). Владимир согласился с варягами, но у Константинополя русские корабли были потоплены начавшимся штормом, варяги бежали, а спасшиеся на берегу воины с разбитых кораблей были захвачены в плен вместе с Вышатой, и Владимир лишь с несколькими кораблями вернулся на Русь.

¹⁰⁸ Первоначальная редакция саги была составлена на латинском языке, возможно исландским монахом Оддом Сноррасоном в конце XII в., а затем в XIII в. переведена (изложена?) на древнеисландском языке. См. подробнее: Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. М., 2002. С. 39–49, 145–151.

¹⁰⁹ Там же. С. 97–145, 194–198.

¹¹⁰ В надписях называются «кормчие» четырех кораблей. По подсчетам М. Ларссона, в походе могло участвовать от 500 до 1000 человек (из расчета по 20–40 воинов на примерно 25 кораблях): Larsson M.G. Ingvarstågets arkeologiska bakgrund // Fornvännen. 1986. Årg. 81. S. 105–107), что намного превышает обычный викингский поход, в котором редко участвовало более 100 человек, или дружину конунга или хёвдинга, насчитывавшую 40–50 воинов.

мятники более или менее равномерно располагались по сотням (военно-территориальным округам) Свеаланда¹¹¹, что указывает не на спонтанный (как представлено в саге), а на организованный характер похода. Подобные флотилии формировались в IX–XI вв., например, при завоеваниях Англии, но это были предприятия общегосударственного масштаба, хорошо подготовленные центральной властью и возглавляемые либо правителями государства, либо назначенными ими военачальниками. Такое войско представляло собой не дружину случайно собранных людей, а ледунг — организованное по территориальному принципу, общегосударственное войско, собираемое по специальному распоряжению конунга. Направление похода — на восток — указывает, что местом назначения ледунга, возглавленного Ингваром (возможно, родичем Энунда-Якоба и, соответственно, Ингигерд), была Русь, а его наиболее вероятной целью — оказание помощи Ярославу Мудрому (возможно, обратившемуся за помощью к Энунду-Якобу, как он обращался к Олаву Шётконунгу в 1018 г.).

Приведенная в саге (а также в исландских анналах, основывавшихся на саге) дата смерти Ингвара — 1041 г. близка, но не совпадает с датой похода Владимира Ярославича. Однако сага содержит многочисленные хронологические неточности и противоречия¹¹², а в исландских анналах все датировки за годы, ближайšie к 1041 г., смещены на 2–3 года¹¹³. Поэтому указанная в саге дата не вызывает доверия. В то же время в саге сохранились некоторые детали, которые, как представляется, отражают именно обстоятельства похода на Византию 1043 г. Во-первых, в войске Ингвара оказывается некий Вальдимар (Владимир)¹¹⁴, который возглавляет часть войска после

---

¹¹¹ *Larsson M.G.* Runstenar och utlandsfärder. Aspekter på det senvikingatida samhället med utgångspunkt i de fasta fornlämningarna. Lund, 1990. S. 107–109.

¹¹² Так, уже в расчете даты смерти Ингвара в конце раздела, посвященного его походу, содержится ошибка: согласно саге, Ингвар умер, когда ему было 25 лет, в 1041 г. Р. Х. и через 9 лет после смерти Олава Святого. Но Олав умер в 1030 г., т. е. до 1041 г. прошло 11, а не 9 лет. Далее, Энунд-Якоб и Ингвар отправляются за данью в Земгалию по поручению Олава Шётконунга, однако Олав Шетконунг умер около 1020 г. (бежав за год до этого в Гаутланд), когда Ингвару — по предыдущему расчету — было не более 5 лет.

¹¹³ *Мельникова Е.А.* Экспедиция Ингвара Путешественника на Восток и поход русских на Византию 1043 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1976. Вып. XXI. С. 74–87.

¹¹⁴ За двумя другими исключениями воины в отряде Ингвара имен не имеют.

смерти Ингвара. Во-вторых, отряд Владимира, отделившись от скандинавов, решивших вернуться на родину во главе с Кетилем, который и принес домой известие о гибели отряда, направляется в Константинополь.

Все это, как кажется, дает основания полагать, что шведское войско-ледунг под командованием хёвдинга Ингвара было направлено Энундом-Якобом Ярославу для участия в походе на Византию. Возможно, как рассказывается в саге, в скандинавской части войска действительно началась эпидемия и оставшиеся в живых, не участвуя в сражении у Константинополя, вернулись домой. Возможно, как полагал составитель Начального свода, варяги бежали с поля битвы — но, естественно, это событие не могло быть темой рассказов вернувшихся назад.

Таким образом, вплоть до конца своей жизни Ярослав активно поддерживал политические связи с Норвегией и Швецией, временами прибегая к военной помощи дружественных Скандинавских государств.

* * *

Однако военно-политическими аспектами не исчерпывались связи Руси со Скандинавскими странами после 1030 г. На первый план в балтийской политике Ярослава этого периода выходит, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении отрывочным данным, упорядочение и регулирование торговых отношений.

Правовое оформление торговых отношений между Древней Русью и Скандинавскими странами, по общему мнению, возникает в XII в., к концу которого — 1191–1192 гг. относится первый сохранившийся договор между Новгородом и Готским берегом¹¹⁵. В тексте договора, однако, упоминается «старый мир» и выделяется более ранний пласт, который датировался Э. Боннелом временем не позднее 1160 г., В. Ренкампом — 1160–1180-ми гг., Е.А. Рыбиной — первой половиной XII в.¹¹⁶. По мнению А.Л. Хорошкевич, в договоре сохранилось несколько разновременных пластов, древнейший из которых

---

¹¹⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / С.Н. Валк. Л., 1948. С. 55–56. О датировке договора 1191/1192 г. см.: Рыбина Е.А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 43–50.

¹¹⁶ Рыбина Е.А. О двух древнейших торговых договорах (тут же см. библиографию).

восходит к первой четверти XI в. и связан с составлением Русской правды Ярослава¹¹⁷. Не разделяя последнее предположение А.Л. Хорошкевич, отмечу, что существование этого гипотетического договора, не оставив следов в древнерусских письменных источниках, находит, как мне представляется, подтверждение в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» в своде королевских саг «Гнилая кожа»¹¹⁸. Указания на существование во времена Олава Харальдссона торгового мира с Русью содержатся в рассказе о торговой поездке на Русь Карла и Бьёрна, с которого начинается повествование о возвращении Магнуса, сына Олава Харальдссона в Норвегию.

Этот эпизод занимает в «Саге о Магнусе Добром» самостоятельную главу, условно названную издателями «О немирье между конунгами Свейном и Ярицлейвом»¹¹⁹. Описанию поездки Карла и Бьёрна предшествует — что весьма необычно для саг¹²⁰ — общая характеристика политической ситуации, в которой происходят изображаемые события: отсутствие мира между Свейном сыном Альвивы и Ярославом.

«Нет теперь мира (*Nv er vfríðr*) между Свейном Альвивусоном и конунгом Ярицлейвом, потому что конунг Ярицлейв считал, что норвежцы повели себя недостойно по отношению к святому конунгу Олаву, и некоторое время не было между ними торгового мира (*савпфрíðr*)».

В редакции «Книги с Плоского острова» характеристика состояния *úfriðr* между двумя странами еще больше конкретизируется:

«После гибели конунга Олава Святого случилось большое немирье (*úfriðr*) между конунгом Ярицлейвом и Свейном Альвивусоном, который был тогда конунгом над Норе-

---

¹¹⁷ Choroskevic A.L. Der Ostseehandel und der deutsch-russisch Gotländische Vertrag 1191/1192 // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Social- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse / Hrsg. S. Jenks, M. North. Köln; Weimar; Wien, 1993. S. 1–12.

¹¹⁸ См. прим. 90.

¹¹⁹ Msk. S. 3–5, лакуна восполняется по Flat. III. S. 253–256; см. также: Hulda. P. 7–10. Перевод на русск. язык: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середины XI — середины XIII в.). С. 50–51 (текст), 58–60 (перевод).

¹²⁰ Единственная известная мне параллель, также связанная с описанием русской политической жизни, содержится в «Пряди об Эймунде».

гом, потому что конунг Ярицлейв полагал, что норвежцы повели себя недостойно по отношению к конунгу Олаву; не было тогда торгового мира (*kaupfriðr*) между ними, поэтому каждый убивал людей другого, как только они встречались вместе»¹²¹.

Рассказ о самой поездке Карла и Бьёрна является своего рода иллюстрацией того, что означает для купца отсутствие торгового мира. Считая поездку на Русь небезопасной (*eigi varlikt*) из-за размолвки (*vmmela*) и немирья (*vfriþr*) между Свейном и Ярицлейвом, Карл и Бьёрн, тем не менее, решаются отправиться туда и, приплыв «в большой торговый город» (*eitt mikit savptvn*), сталкиваются с враждебностью местных жителей: узнав в торговцах норвежцев, они собираются напасть на них и отобрать товары. Карл отправляется к Ярославу. Вначале Ярослав приказывает заковать норвежцев в цепи, но по просьбе Магнуса освобождает их, оставляет у себя на зиму и весной дает им разрешение на беспрепятственный проезд (*grip*) и поручает, вернувшись в Норвегию, начать переговоры с местными нобильями о возведении Магнуса на трон.

Изображение поездки Эйнара и Кальва у Снорри содержит ряд перекличек с описанием поездки Карла и Бьёрна в «Гнилой Коже»:

«Ранней весной начинают они свою поездку, Эйнар Брюхотряс и Кальв Арнасон, и... пришли осенью в Альдейгьюборг. Отправили они тогда послов в глубь страны в Хольмгард к конунгу Ярицлейву с сообщением, что они предлагают взять с собой Магнуса, сына конунга Олава Святого, и сопровождать его в Норег, и оказать ему помощь в том, чтобы он добился своих родовых земель, и поддержат его в том, чтобы он стал конунгом над страной. И когда это сообщение достигло конунга Ярицлейва, тогда держал он совет с княгиней и другими своими хёвдингами. Все они согласились, что норвежцам следует послать слово и тем самым вызвать их к конунгу Ярицлейву и Магнусу. Был им дан мир (*grid*) для их поездки...»¹²².

¹²¹ Flat. III. S. 253. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (середина XI — середина XIII в.). С. 58.

¹²² Snorri Sturluson. Heimskringla. B. XXVII. S. 414–415. Перевод на русский язык: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (середина XI — середина XIII в.). С. 81–82 (текст), 82 (перевод).

Во-первых, как Карл и Бьёрн, так и Эйнар и Кальв останавливаются «на границе» владений Ярослава: в «большом торговом городе» — по «Гнилой коже», в Ладоге — по Снорри¹²³. Во-вторых, оттуда они посылают послов к самому Ярославу, чтобы получить разрешение на проезд в глубь страны. Наместник Ярослава в Ладоге (или ладожский ярл, если таковой еще существовал в это время) дать такое разрешение не может. В-третьих, разрешение выражается в праве «мира для поездки» (*Váru þeim grið seld til þeirar ferðar*). Таким образом, повествование Снорри, хотя и не включает эпизод поездки Карла и Бьёрна (по причинам, отмеченным выше), подтверждает описанную в «Гнилой Коже» картину русско-норвежских отношений после гибели Олава Харальдссона: отсутствие «мира» для норвежцев на Руси, которые вынуждены останавливаться в Ладоге и получать специальное разрешение Ярослава для безопасного передвижения внутри страны.

Использованный в саге термин *kaupfriðr* «торговый мир» хорошо известен. Торговый мир устанавливался конунгом или местным правителем на определенный срок, он мог распространяться на всех купцов или лишь на некоторых из них и давал право торговать в установленных местах или на установленной территории. В условиях торгового мира, конунг гарантировал личную безопасность купцов и их товаров¹²⁴. Таким образом, *kaupfriðr* в большинстве случаев являлся государственной акцией.

Наряду с *kaupfriðr* и в «Гнилой Коже», и в «Круге Земном» для обозначения «мира», который Ярослав дает в первом случае Карлу, во втором — Эйнару, разрешая им проезд из Ладоги вглубь страны (в Хольмгард) и обратно, использован иной термин. Употребленное в этом контексте слово *grið* означает «перемирие, приостановку враждебных действий; мир; помилование»¹²⁵. Таким образом,

---

¹²³ О роли Ладоги в осуществлении русско-скандинавских связей см. подробнее: Джексон Т.Н. Исландские саги о роли Ладоги и Ладожской волости в осуществлении русско-скандинавских торговых и политических связей // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 20–25.

¹²⁴ Ср.: «Сага о Кнютлингах», гл. 70, «Сага об Олаве Святом» в «Круге Земном» Снорри Стурлусона, гл. 133, 137; «Сага о Хаконе Добром», гл. 12 и мн. др.

¹²⁵ Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1975. P. 215.

составитель «Гнилой Кожи» проводит четкое различие между комплексным «торговым миром» (*kaupfripr*) и окказиональным «миром-милостью» (*grip*) для конкретного человека или конкретной группы людей. По его мнению, вражда Ярослава к норвежцам имела результатом отсутствие общего для всех них «торгового мира»; напротив, «мир-милостыня» мог быть получен у верховного правителя в индивидуальном порядке.

В приведенном зачине-характеристике ситуации подразумевается ее противопоставление предшествующему времени: «Теперь нет мира...» (*Nv er vfrrior...*). Поэтому можно с достаточной уверенностью предполагать, что указание на отсутствие торгового мира при Свейне говорит о существовании такового в предшествующее время, т.е. в период правления Олава Харальдссона. Более того, это едва ли не единственный случай, когда торговые отношения предстают не как индивидуальное предприятие того или иного скандинава (таково обычно изображение торговых поездок на Русь в сагах), а как государственное дело: оппонентами выступают все жители Норвегии и каждый из них как подданные Свейна, и Ярослав как глава страны.

Возможное время заключения такого договора с Норвегией прямо вытекает из охарактеризованной выше общеполитической ситуации на Балтике и присоединения Ярослава к шведско-норвежскому альянсу, т.е. между 1025 и 1028 гг., когда Олав бежал на Русь.

Сближение с Русью и установление регулярных связей было крайне важно для Олава Харальдссона: традиционные торговые связи Норвегии с Англией были прерваны Кнутом. Единственным открытым для норвежских купцов был путь на восток в Балтийское море, и Новгород, крупнейший центр балтийской торговли, не мог не рассматриваться как наиболее выгодный торговый партнер. Видимо, не случайно именно «Сага об Олаве Святом» содержит наибольшее количество упоминаний о торговых поездках норвежцев на Русь¹²⁶, в части из которых Олав сам принимает участие в качестве компаньона (*fūlagi*)¹²⁷.

---

¹²⁶ Джаксон Т.Н. Отражение торговли Новгорода со Скандинавией в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. Таллин, 1988. Вып. 32. С. 117–128.

¹²⁷ Практика заключения торговых договоров была не чужда Олаву в принципе: таким же образом он урегулировал торговые отношения

Правовое урегулирование торговых отношений (возможно, не только с Норвегией, но и Швецией и Данией) создавало предпосылки для более интенсивных и регулярных поездок скандинавских купцов в Новгород¹²⁸. Об этом говорит появление в эпоху Ярослава «варяжского» подворья, где позднее была построена церковь, освященная в честь св. Олава, а уже к концу XI в. сложилась территория Готского торгового двора.

Первое упоминание некоего подворья, где размещались скандинавские наемники Ярослава, содержится в Повести временных лет под 1015 г. и в Новгородской первой летописи под 1016 г. (в действительности, дело происходило вскоре после смерти Владимира и убийства Бориса и Глеба, т. е. в конце лета 1015 г.): возмущенные «насильем» варягов, находившихся на службе Ярослава, новгородцы «избиша» их «во дворе Поромони»¹²⁹. Этот единственный раз упомянутый микропоним наиболее вероятно этимологизируется из др.-исл. *farmannagarðr* «купеческий двор» от *farmaðr* «путешественник; купец, ведущий дальнюю торговлю»¹³⁰. Видимо, для своих наемников, которые появились в Новгороде самое позднее в начале 1015 г. (см. выше), Ярослав отвел отдельный участок — усадьбу или группу дворов.

Следующее сообщение мы находим в «Пряди об Эймунде», одно из условий договора с которым состояло в сооружении специальных «палат» для дружины Эймунда: «Эймунд отвечает: „Прежде всего, ты должен дать нам дом (*þú skalt fá oss eina höll*) и всей нашей дружине“... Ярицлейв конунг велел выстроить им каменный дом (*steinhöll*) и хорошо убрать драгоценной тканью»¹³¹.

Норвегии с Исландией, определив права, в том числе и имущественные, исландцев в Норвегии, порядок выплаты и размер пошлин и т. д. Текст этого договора сохранился в двух рукописях (ок. 1250 г. и XV в.) исландского судебного кодекса «Grágás» (См.: Norske middelalder dokumenter / Utg. ved S. Bagge, S. Holstad Smedsdal, K. Helle. Bergen; Oslo; Tromsø, 1973. S. 12–15).

¹²⁸ К XI в. военные и торговые функции предпринимавшихся походов в целом разделились, хотя, несомненно, купцам приходилось по-прежнему владеть оружием, чтобы защищать свое имущество.

¹²⁹ ПВЛ. С. 62; НПЛ. С. 174.

¹³⁰ Историографию см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 165.

¹³¹ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (первая треть XI в.

Приезд Эймунда на Русь обычно определяется 1019 г. — временем после заключения брака Ярослава и Ингигерд, поскольку в Пряди их брак упоминается в связи с приездом Эймунда, а Ингигерд является одним из действующих лиц¹³². Однако, если бы Эймунд действительно оказался на Руси после заключения брака Ярослава и Ингигерд, то он никак не мог бы участвовать в борьбе между Святополком и Ярославом, поскольку к моменту приезда Ингигерд (или несколькими месяцами раньше) Святополк потерпел поражение и бежал. Отношения же Ярослава с Мстиславом совершенно не совпадают с ситуацией, описанной в Пряди. Для того чтобы участвовать в первом этапе борьбы за киевский стол Эймунд должен был оказаться на Руси по меньшей мере за два, а то и три года до ее окончания (если доверять, как это делает большинство исследователей, сообщениям первой части саги о том, что Эймунд провел на Руси несколько лет), т. е. в 1016 или 1017 г. Более того, упоминание брака Ярослава и присутствие Ингигерд в числе персонажей пряди, как представляется, вообще не может быть датирующим показателем. «Прядь об Эймунде»¹³³, дошла до нас в составе поздней, XIV века, компиляции «Книга с Плоского острова» и за период ее длительного устного бытования (время ее первоначальной записи, если таковая существовала до XIV в., неустановимо) претерпела существенные изменения — в первую очередь, рассказ о пребывании Эймунда Хрингссона на Руси и службе Ярославу (в основе которого, вероятно, лежит историческое событие) был насыщен повествовательными мотивами, прежде всего, мотивами «военных хитростей»¹³⁴, расцвечивающими деяния Эймунда и подчас замещающими древнерусские реалии, непонятные

С. 94 (текст), 107–108 (перевод). См. о договоре: Мельникова Е.А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 289–295.

¹³² Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 161–162.

¹³³ Возможно, имеет шведское происхождение: Глазырина Г.В. О шведской версии «Пряди об Эймунде» // Норна у источника судьбы. Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 61–69.

¹³⁴ Cook R. Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy in *Eymundar Páttir Hringsonar* // Viator. 1986. Vol. 17. P. 65–89; Мельникова Е.А. Был ли Ярослав Мудрый убийцей своего братьев? // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 515–522.

и неинтересные скандинавскому слушателю¹³⁵. Однако с именем Ярослава неразрывно связанными в сознании скандинавов были рассказы о его браке с Ингигерд, и не удивительно, что в Пряди мы находим практически весь комплекс мотивов, встречаемых в этих рассказах: энергичность и находчивость Ингигерд (в противоположность тугодумию Ярослава), щедрость княгини-шведки (в противоположность скупости русского князя), намек на любовную связь Ингигерд и Олава Святого и др.¹³⁶. Появление Ингигерд в качестве активно действующего лица лишь в конце Пряди, наиболее «беллетризованном» и, скорее всего, не отражающем историческую реальность (рассказ о ссоре Эймунда с Ярославом и последующем примирении с помощью Ингигерд, в результате чего Полоцк отдается в удел Эймунду и его потомкам), представляется весьма показательным. В части Пряди, восходящей к рассказам о деяниях Эймунда на Руси, Ингигерд присутствует лишь номинально: возможно, ее имя не упоминалось в исходных повествованиях, а острой необходимости в ее введении в нарратив не имелось: антагонистом Эймунда, оттеняющим «героичность» викинга, является Ярослав. Во второй же части Эймунд и Ярослав становятся противоборствующими персонажами, и место мудрого советника Ярослава занимает, следуя традиции, Ингигерд. Поэтому ее появление в «Пряди об Эймунде» следует считать, как мне представляется, данью устной повествовательной традиции Скандинавии, а не отражением реального факта, тем более датирующего время появления Эймунда на Руси¹³⁷. Думается, что единственными отправными датами (и то условно) здесь могут служить лишь смерть Владимира Святославича летом и, может быть, возвращение Олава Харальдссона в Норвегию осенью 1015 г.

---

¹³⁵ Так, например, почти не известные в Скандинавии печенеги заменяются в одном из эпизодов борьбы Ярицлейва и Бурицлава хорошо знакомыми, но включенными в устную традицию в легендарно-мифологическое поле бьярмами.

¹³⁶ См. выше примеч. 103.

¹³⁷ Крайне любопытна фраза, приписываемая автором Пряди Эймунду перед введением Ингигерд в действие: Эймунд советует Вартилаву Полоцкому не спешить, поскольку «отсрочка — лешче всего, когда дело плохо, и еще нет Ингигерд княгини, которая решает за них всех, хотя конунг — вождь этой рати» [Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 117]. Из текста Пряди остается неясным, что имеется в виду под отсутствием Ингигерд. Всего через 7 дней она оказывается

Впрочем, когда бы Эймунд не оказался на Руси, в 1015–1020 гг. в Новгороде обособляется участок, на котором возводятся постройки для проживания варяжских наемников Ярослава. Вероятность того, что скандинавы жили в Новгороде не рассредоточено, но компактно размещались на ограниченной территории, подтверждается крайней — я бы сказала, парадоксальной — немногочисленностью скандинавских древностей на территории города.

Хотя расположение «двора Поромоня» неизвестно, можно предположить, что оно определялось двумя обстоятельствами. Во-первых, он должен был находиться неподалеку от Дворища, где — в отличие от предшествующих и последующих князей, которые жили на Городище, — находилась резиденция Ярослава Мудрого. Во-вторых, скандинавы, как наемники, так и купцы, приходили в Новгород на кораблях по Волхову и вряд ли жили на большом расстоянии от своих кораблей, которые требовалось разгружать, ремонтировать и, прежде всего, охранять от далеко не всегда доброжелательно настроенных новгородцев. Поэтому их подворье должно было располагаться, с одной стороны, неподалеку от Ярославова Дворища, с другой — как можно ближе к Волхову.

Именно этим условиям отвечает местоположение Готского двора, существование которого археологически прослеживается с рубежа XI–XII вв.: он располагался на Торговой стороне немного южнее Ярославова дворища, невдалеке от берега Волхова¹³⁸. На самом берегу Волхова против Готского двора, по описанию «Устава о мостех» (1265–1267 гг.)¹³⁹, находился «Гаралдов вымол», т. е. пристань, причал Харальда, за сохранность которого отвечали «гте» — «готландцы», т. е. власти Готского двора. Представляется в высшей степени вероятным предположение А.Л. Хорошкевич, что это название причал получил еще в 1030–1040-е гг. по имени Харальда Сигурдарсона, проведенного более 10 лет на службе у Ярослава и в Византии и женатого на Елизавете Ярославне¹⁴⁰. О древ-

---

¹³⁸ Рыбина Е.А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 197–226.

¹³⁹ Памятники русского права / Сост. А.А. Зимин. М., 1952. Вып. 1. X–XII века. С. 206–210 (распределение вымолов — с. 207). О датировке памятника см.: Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 116.

¹⁴⁰ Хорошкевич А.Л. «Гаралда вымол» // Реализм исторического мыш-

ности микропонима говорит тот факт, что к середине XIII в. личное имя в его составе утратило исторические коннотации и подверглось деформации: в других списках Устава имеются варианты, очевидным образом искажающие и русифицирующие имя Харальд: Вералдов, Гелардов, Алфердов, Афедоров¹⁴¹.

С деятельностью Харальда Сигурдарсона может быть связано и основание церкви св. Олава, которая, вероятнее всего, была построена на территории скандинавского подворья или поблизости от него, а впоследствии, в середине XIII в., числится принадлежащей Готскому двору¹⁴².

Впервые церковь св. Олава в Новгороде упоминается в рунической надписи на камне из Шюсты (Упланд, Швеция), высеченной мастером Эпиром, который работал в последние десятилетия XI в. или самом начале XII в.¹⁴³. Стела установлена в память о некоем Спяльбуди, который «умер в Хольмгарде (Новгороде. — Е. М.) в церкви Олава». В XII в. «варяжская» церковь (без указания патрона) называется в Новгородской первой летописи в числе церквей, сгоревших во время пожаров 1152 и 1181 гг.¹⁴⁴, и наличие в Новгороде скандинавских священнослужителей отмечается в «Вопрошании Кирика» (XII в.), где поднят вопрос о наказании для тех, кто носил «к варяжскому попу дети на молитву»¹⁴⁵. Последнее косвенно указывает на популярность церкви св. Олава среди местных жителей — ибо именно на них, а не на находившихся в Новгороде проездом скандинавов, должно распространяться наказание. Наконец, в проекте договора Новгорода с немецкими городами

ления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. М., 1991. С. 250–251.

¹⁴¹ Памятники русского права. С. 220; *Хорошкевич А.Л.* «Гаралда вымол».

¹⁴² В латиноязычном проекте договора Новгорода с Любеком и Висбю, предложенным немецкой стороной предположительно в 1268 г. (его сильно отредактированный окончательный вариант на нижненемецком языке был ратифицирован не позднее 1 апреля 1270 г.), определяются владения Готского двора, среди которых называется церковь св. Олава (*Андреевский И.[Е.]* О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855. С. 30. Прим. 93).

¹⁴³ *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. № Б-III.7.29. С. 338–339.

¹⁴⁴ НПЛ. С. 29 и 215, 37 и 226 и др.

¹⁴⁵ Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. VI. Стб. 60.

(вторая половина XIII в.) указана принадлежность церкви св. Олава Готскому двору¹⁴⁶. Таким образом, существование церкви св. Олава в Новгороде с конца XI — начала XII в. надежно засвидетельствовано письменными источниками¹⁴⁷.

Время же ее основания неизвестно, но, как представляется, может быть предположительно установлено по сообщениям древнескандинавских текстов, посвященных чудесам св. Олава.

Почти сразу после смерти Олава Харальдссона распространяются рассказы о чудесах, происходящих на месте его погребения, и летом 1031 г. «дружинный» епископ Олава Гримкель с согласия и в присутствии Свейна Альвивусона обнаруживает нетленные останки конунга, переносит их в Нидарос (совр. Тронхейм), где погребает в основанной Олавом церкви св. Климента, и объявляет Олава святым¹⁴⁸.

Древнейшие рассказы о чудесах первого скандинавского святого¹⁴⁹ нашли отражение в двух скальдических поэмах, сочиненных в течение десятилетия, последовавшего за смертью Олава: «Песни о тиши на море» («Glælongskviða») Торарина Славослова (1030–1036 гг.)¹⁵⁰, скальда Кнута Великого, и в «Поминальной драпе» («Erfídrápa») Сигвата Тордарсона (около 1040 г.)¹⁵¹, дружинного

¹⁴⁶ Андреевский И.П. О договоре Новгорода. С. 30. Прим. 93.

¹⁴⁷ Аналогичной датировки — но основания Готского двора — по археологическим данным придерживается Е.А. Рыбина (*Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 19*). Попытки исключить надпись из Шюсты из числа ранних источников, упоминающих церковь св. Олава, основаны на устаревшем и давно уже не признаваемом никем из рунологов чтении надписи О. фон Фрисеном (см.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. С. 338–339).

¹⁴⁸ *Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 372. Официальная канонизация Олава папской курией состоялась только в XII в. См.: Metzler J. Olav Haraldsson // Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg, 1936. Sp. 695 ff.*

¹⁴⁹ Общий обзор чудес св. Олава см.: *Holtmark A. Sankt Olavs liv og mirakler // Norsk litteraturvitenskap i det 20. århundre. Festskrift til Fr. Bull. Oslo, 1938. S. 121–133; Whaley D. The Miracles of S. Olaf in Snorri Sturluson's Heimskringla // Proceedings of the Tenth Viking Congress / J. Knirk. Oslo, 1987. P. 325–342.*

¹⁵⁰ *Pórarinn loftunga. Glælognskviða // Den norsk-islandske skjaldedigting / Finnur Jónsson gaf út. København, 1920. B. 1. S. 300–301.*

¹⁵¹ *Sighvatr Þórðarson. Erfídrápa Óláfs Helga // Den norsk-islandske skjaldedigting. B. 1. S. 244–245.*

скальда Олава, а также в последующих сагах об Олаве Святом и посвященных ему агиографических произведениях. Они включали два основных комплекса чудес: знамения и исцеления.

Повествования о чудесах-исцелениях возникли непосредственно вслед за переносом мощей Олава в Нидарос, и описываются уже в поэмах Торарина и Сигвата, причем в поэме последнего, написанной примерно через 10 лет после канонизации Олава, впервые приводится чудо-исцеление, место действия которого — Русь: «...еще сохраняются те волосы, которые выросли на его (Олава. — *Е. М.*) светлой голове и которые вернули зрение Вальдемару в Гардах (на Руси. — *Е. М.*); он освободился от своего порока»¹⁵².

Другой сюжет чуда-исцеления, произошедшего на Руси, представлен в «Легендарной саге об Олаве Святом» (начало XIII в.). Речь в нем идет об исцелении мальчика от нарыва в горле: местная женщина по совету жены Ярослава Мудрого шведской принцессы Ингигерд привела больного к Олаву, находившемуся в то время на Руси¹⁵³. Автор саги специально подчеркивает, что о чудотворных способностях Олава знает лишь Ингигерд — они еще не открылись всему миру. Этот сюжет не имеет параллелей среди других чудес св. Олава, более того, он едва ли не единственный, посвященный прижизненному чуду Олава.

Особенностью этих двух чудес с местом действия на Руси, как и чудес-знамений и значительного числа других чудес-исцелений, которые по преимуществу происходят в Норвегии, является их «бытовой» характер. Повествования о них просты в композиционном отношении, насыщены бытовыми подробностями, исцеленными оказываются люди низкого или неопределенного социального статуса. Святой максимально приближен к своим почитателям: он сам (лично или через посредство мощей) исцеляет их. Эти рассказы образуют своего рода «народный» пласт преданий о св. Олаве, формировавшийся в значительной степени спонтанно.

Чрезвычайный интерес представляет то, что в Норвегии уже в первое десятилетие после смерти Олава становятся известны рассказы об исцелениях, состоявшихся на Руси. Вряд ли они могли возникнуть в иной среде, нежели скандинавские поселенцы и путеше-

---

¹⁵² Den norsk-islandske Skjaldedigtning. B. 1. S. 244. Перевод на русск. язык: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 69 (текст), 83 (перевод), 188–189 (комментарий).

¹⁵³ Там же. С. 41 (текст), 44 (перевод), 181–182 (комментарий).

ственники на Руси, которые должны были поддерживать тесные связи с Норвегией: за неполные десять лет известие об установлении почитания Олава дошло до них, распространилось настолько, что породило местные повествования о совершенных Олавом чудесах, и одно из таких повествований вернулось на родину к 1040 г., когда была сложена «Поминальная драпа»¹⁵⁴.

Агиографические произведения, включающие чудеса св. Олава, появились также вскоре после его местной канонизации: епископ Гримкель составил «отчет» о знамениях святости Олава и переносе его останков в Нидарос (недошедшее «*Translatio Sancti Olavi*»). Древнейший из сохранившихся памятников этого круга — «Страсти и чудеса блаженного Олава» — был написан около 1170 г. нидаросским епископом Эйнштейном, видимо, в связи с предстоящей официальной канонизацией¹⁵⁵. Вскоре после 1170 г. «Страсти» были переработаны под названием «Деяния святого Олава, короля и мученика»¹⁵⁶. В них происходит «канонизация» состава чудес: Эйнштейн отбирает 20 сюжетов, которые образуют своего рода «канонический» свод чудес св. Олава. На рубеже XII–XIII вв. он переводится на норвежский язык в составе так называемой «Норвежской книги проповедей» и оттуда попадает в многочисленные легендарии и книги проповедей.

Среди включенных Эйнштейном в «свод» 20 новелл представлены только четыре, действие которых локализовано за пределами Скандинавии¹⁵⁷: два — в Новгороде и два — в Константинопо-

---

¹⁵⁴ Почитание св. Олава продолжалось в Новгороде достаточно длительное время: имя Олава, наряду с рядом других скандинавских и английских святых (король Дании Кнут, убит в 1086 г., канонизирован в 1101 г.; его брат Бенедикт, убитый и канонизированный одновременно с ним; Албан, англо-саксонский святой, мощи которого были перевезены в Данию Кнутом; оркнейский ярл Магнус, убит в 1115 г., канонизирован в 1135 г.) было включено в литанию «Молитвы св. Троице», составленной в середине XII в. (*Линд Дж.* Почитание скандинавских святых на Руси и датско-русские отношения XII в. // ИСССР. 1991. № 6. С. 188–198).

¹⁵⁵ *Passio et miracula beati Olavi* / Ed. F. Metcalfe. Oxford, 1881.

¹⁵⁶ *Acta sancti Olavi regis et martyris* // *Monumenta historiae Norwegiae* / Udg. G. Storm. Kristiania, 1888. S. 125–144.

¹⁵⁷ Среди чудес, упоминаемых в сагах и других произведениях, представлено некоторое число чудес, действие которых локализуется в Дании, Англии, Вендланде.

ле. Первое из «русских» чудес — исцеление немого юноши¹⁵⁸, второе — спасение Новгорода от пожара¹⁵⁹. Принципиальное отличие обеих этих новелл от ранних «русских» чудес состоит в том, что в центре событий оказывается церковь св. Олава в Новгороде. Помощь страждущим св. Олав оказывает не непосредственно, а через ее посредство. В первом случае немой юноша едет в Новгород, чтобы в церкви св. Олава получить помощь святого. Во втором — новгородцы обращаются к священнику церкви св. Олава по имени Стефан с просьбой спасти их от пожара, Стефан выносит «образ» Олава, который останавливает распространение огня. Таким образом, эти чудеса не только демонстрируют чудотворную силу святого, но они помещают в эпицентр сюжета церковь и ее священнослужителей как посредников между святым и его почитателями.

Чудес, связанных с основанием или функционированием церкви св. Олава, известно очень немного (помимо «русских», к ним принадлежат оба византийских¹⁶⁰, и чудесное возникновение на месте первоначального захоронения Олава в Стикластадире целебного источника, над которым была возведена церковь¹⁶¹). Целью этих новелл было прославление не только святого, но и самой церкви, пользующейся его специальным покровительством. Выдвижение церкви как обязательного посредника между страждущими и Олавом указывает на «храмовый» характер новелл и позволяет предположить, что повествования об исцелении немого юноши и спасении от пожара возникли в Новгороде не просто в скандинавской («варяжской») среде, как ранние чудеса об исцелении, а в кругу клира и прихожан церкви св. Олава. Именно эта особенность новелл, видимо, и побудила епископа Эйнштейна выбрать их из числа многих других и включить в составляемый им «канонический» свод. Тем самым Эйнштейн подчеркивал и распространенность почитания святого — вплоть до далеких Новгорода и Константинополя, и существование там церквей в честь святого, и его особое благоволение к этим церквям и их служителям.

---

¹⁵⁸ Passio. P. 93–94; Acta. № XIX. S. 143–144; Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 128–129, 191–192.

¹⁵⁹ Passio. P. 89; Acta. № XIV. S. 142; Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (первая треть XI в.). С. 128–129, 189–190.

¹⁶⁰ См. подробнее: Мельникова Е.А. Культ святого Олава в Новгороде и в Константинополе // ВВ. 1996. Т. 56. С. 98–106.

¹⁶¹ ÓSH. Kap. 245 (Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 373).

Как уже указывалось, почитание св. Олава в Новгороде возникает уже в 1030-е гг., когда появились первые местные (новгородские) рассказы о чудесах святого. В это же время в Скандинавских странах широко распространяется культ св. Олава как покровителя купцов и воинов¹⁶². После прихода к власти его сына Магнуса в 1036 г. Олав становится святым патроном Норвегии и покровителем норвежской королевской династии. Но уже и в 1030-х гг. сводный брат Олава Харальд Сигурдарсон, находясь в Византии, подчеркивает свою близость к брату и апеллирует к его покровительству как святого, о чем говорят единственное в византийской литературе упоминание Олава как брата Харальда¹⁶³ и рассказы о явлениях и чудесной помощи ему Олава, в частности, рассказ об освобождении Харальда из тюрьмы в Константинополе¹⁶⁴.

Пропагандируя и насаждая почитание своего сводного брата среди вэрингов в Византии, Харальд — его искренний последователь — вряд ли мог не делать того же во время своего — достаточно длительного (саги говорят о нескольких годах)¹⁶⁵ — пребывания на Руси, тем более что в Новгороде аудитория была несравненно более благодатной. Во-первых, она была значительно большей, нежели в Константинополе. Во-вторых, как приезжие скандинавы (купцы и воины), так и местные жители (среди которых были потомки осевших ранее варягов) не могли не помнить о приезде Олава, особенно потому, что его сын Магнус все еще находился на воспитании у Ярослава. Мало вероятно, чтобы симпатии новгородских скандинавов, в противоположность отношению Ярослава Мудрого, были на стороне противников Олава. Более того, прекращение торговых отношений с Норвегией и гонения на норвежцев после прихода к власти в Норвегии Свейна Альвивусона также должны были активизировать воспоминания об Олаве. Поэтому в 1030-х гг. как сама

---

¹⁶² *Friedland K. Sankt Olav als Schutzpatron nordeuropäischer Kaufleute // St. Olav, seine Zeit und seine Kult. Visby, 1981 (Acta Visbyensia, VI). S. 17–26.*

¹⁶³ Византийский писатель называет Харальда «братом Юлафа, который после смерти своего отца и занял отцовский престол, признав своего брата Аральта вторым после себя лицом в царстве» (*Кекавмен. Советы и рассказы / Г.Г. Литаврин. М., 1972. С. 282*).

¹⁶⁴ *Naralds saga Hárdráða. Kap. 14 (Снопри Стурлусон. Круг земной. С. 409).*

¹⁶⁵ *Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (середина XI — середина XIII в.). С. 89.*

обстановка в Новгороде, так и приезд Харальда способствовали возникновению и распространению его почитания.

Весьма подходящим было это время и для основания посвященной Олаву церкви. Пребывание Харальда, ярого почитателя своего брата, с группой воинов, служивших ранее святому конунгу, увеличило в Новгороде скандинавский контингент, причем весьма активный. Покровительство Ярослава и Ингигерд также открывало благоприятные возможности для строительства церкви. Столь удачное стечение обстоятельств уже никогда больше не повторится. Поэтому, несмотря на отсутствие прямых свидетельств, можно предполагать, что «варяжская» церковь, посвященная св. Олаву, была основана в Новгороде именно в период пребывания на Руси Харальда Сурового Правителя¹⁶⁶.

Основание церкви для скандинавов, приезжающих или постоянно проживающих в Новгороде, имело важное значение не только в конфессиональном и культурном аспектах, но и для упорядочения торговых связей Новгорода со Скандинавскими странами: церкви, учреждаемые иноземцами в городах Балтийского региона, служили далеко не только местом отправления культа. Наряду со своей основной, богослужебной функцией они предоставляли купцам место для хранения товаров; пристройки к церкви могли использоваться для временного проживания купцов и их слуг, клир церкви оказывал разнообразную помощь купцам в новой для них обстановке¹⁶⁷. Таким образом, церковь иноземных купцов — при отсутствии торгового двора — являлась до определенной степени его заменой. Поэтому

---

¹⁶⁶ П. Йохансен полагал, что церковь св. Олава была основана еще немного раньше — во время пребывания самого Олава в Новгороде в 1029–1030 гг. (*Johansen P. Novgorod und Hanse // Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Lübeck, 1953. S. 235*), что представляется мало вероятным. С одной стороны, Олав пробыл на Руси весьма короткое время, причем неизвестно, находился ли он по большей части в Новгороде или в Киеве (сведения о местопребывании Ярослава в 1029 г. отсутствуют, в 1030 г. в ПВЛ сначала отмечается взятие им Белзы на юго-западе Руси, а затем поход на чудь и основание Юрьева — последняя акция действительно могла осуществляться из Новгорода). С другой стороны, если даже Олав и основал в Новгороде церковь для скандинавов, свое посвящение она никак не могла получить ранее второй половины 1031 г., когда Олав был объявлен святым.

¹⁶⁷ *Johansen P. Kaufmanns Kirche im Ostseegebiet // Konstanzer Arbeitskreis für Geschichte. Vorträge und Vorschungen. Lindau; Konstanz, 1958. Bd. 4. S. 499–525.*

трудно переоценить значение основания церкви св. Олава в Новгороде для организации торговли скандинавских купцов.

Таким образом, источники разного времени, пусть и с большими перерывами и лакунами недвусмысленно указывают на то, что еще в правление Ярослава Мудрого в Новгороде был выделен участок (подворье) для размещения скандинавских наемников, который обстраивался на протяжении первой половины XI в., став также местом пребывания скандинавских купцов, а позднее получив статус торгового (Готского) двора.

* * *

Отрывочность и разрозненность сообщений о русско-скандинавских связях XI в. не позволяет воссоздать их картину в полном объеме. Тем не менее, даже те сведения, которыми мы располагаем, говорят о ряде кардинальных перемен, произошедших или завершившихся в эпоху Ярослава Мудрого.

Первой и важнейшей из них был переход от личностных, спонтанных к межгосударственным и системным отношениям. На смену неуправляемому и неконтролируемому притоку отдельных викингских отрядов из разных Скандинавских стран приходят обусловленные внутривнутриполитическими интересами Ярослава и Руси в целом контакты с каждым из Скандинавских государств в отдельности. Ныне регулируемое и вызываемое конкретной ситуацией рекрутирование военных сил, производится путем не прямого договора с предводителем отряда, а путем обращения к верховному правителю соответствующего Скандинавского государства, который уже сам формирует войско, направляемое на помощь Ярославу.

Вторым важным новшеством был перенос доминирующего направления внешней политики с Византии на Запад и Север, что диктовалось внутривнутриполитической обстановкой начального периода правления Ярослава: необходимостью противостоять Святополку и поддерживающей его Польше. В этой борьбе получить помощь было возможно не из Византии, но только на Западе и, особенно, на Севере в силу издавна сложившихся традиций русско-скандинавских отношений. Балтийский регион занимает во внешней политике Руси эпохи Ярослава едва ли не центральное место. Прекрасная осведомленность о происходящих в этом регионе событиях и активное использование Ярославом меняющихся отношений между самими Скандинавскими странами свидетельствуют о формировании системной внешней политики Ярослава на Балтике.

Существенно расширяются и становятся разнообразнее формы межгосударственных отношений, военно-политических, торговых, культурных и конфессиональных. Военно-политические и торговые контакты со Скандинавскими странами начинают предполагать обмен посольствами, впервые подвергаются дипломатической регламентации и становятся предметом заключаемого «мира» — договора. Как и в предшествующее время — но теперь на государственном уровне — заключаются династические браки, скрепляющие установление дружественных или союзнических отношений Руси со странами Балтийского региона. Наконец, осуществляется прямое вмешательство в дела Скандинавских стран методами «тайной дипломатии», обеспечивающими желаемый для Ярослава результат.

При всех противоречиях между Восточной и Западной церквами (а также отдельными диоцезами Западной церкви между собой) до конца жизни Ярослава христианская церковь оставалась единой, что способствовало как проникновению отдельных культов (в частности, культа св. Олава) и элементов западного христианства на Русь, так и восточнохристианским влияниям на Скандинавские страны¹⁶⁸. Интенсивный культурный взаимообмен отмечается в декоративном и изобразительном искусстве¹⁶⁹.

Таким образом, переход от личностных отношений к межгосударственным, который произошел в эпоху Ярослава Мудрого, существенно обогатил и расширил взаимодействие древнерусского и древнескандинавского миров.

---

¹⁶⁸ См. статьи в сб.: *Östliga kyrkoinflutande i Norden* / Red. H. Janson. Gothenburg, 2005.

¹⁶⁹ См.: *Васильева С.Я.* Традиции византийского искусства в художественной культуре XII в. о. Готланд // *Средние века*. М., 2008. Вып. 71 (в печати).

Зарождение государственной идеологии в Древней Руси

Мысль о том, что Киев воспринимался в Древней Руси как Новый Иерусалим, не нова. К моменту крещения Руси «Новый Иерусалим», а заодно — и «второй Рим» (т. е. духовный и светский центры вселенной), казалось бы, прочно обосновались в Константинополе. Даже структура городского пространства *Царьграда*¹, как его называли на Руси, была приведена в соответствие с этой идеей. Наиболее показательным строительством в Константинополе Золотых ворот — во образ² Золотых ворот, через которые Христос (*Царь* мира) въехал в Иерусалим, и центрального храма св. Софии-Премудрости Божи-

---

¹ Само это название довольно показательным, поскольку фиксирует не просто местопребывания императора («царя»), но и может быть истолковано как «Город Христа». Дело в том, что слово «царь» (в отличие от сугубо светского титула «цесарь») носило в Древней Руси выраженный сакральный характер (входило в число *Nomina Sacra*, подлежавших сокращению в древнейших славянских рукописях. Ср.: *Гранстрем Е.Э.* Сокращения древнейших славяно-русских рукописей // ТОДРЛ. С. 429–431) — аспект, кстати, упущенный в статье А.А. Горского (*Горский А.А.* О титуле «царь» в средневековой Руси: До середины XVI в. // *Одиссей: Человек в истории.* 1996. М., 1996. С. 205–212). Ср.: «...они [русские] говорят, что слово ЦАРЬ взято из Священного Писания [...], а эти слова *Tsisar* и *Kroll* — всего лишь человеческие измышления» (*Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и великого княжества Московского // *Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев.* Л., 1986. С. 232).

² Выражение «во образ» отличают от выражения «по образу». Первое означает, что создаваемому объекту придавались лишь некоторые черты, роднившие его с образцом. Второе же рассматривается как точное перенесение всех — по крайней мере, основных — черт прообраза на новый объект (см.: *Лебедев Л.* Богословие земли Русской // *Лебедев Л.*, протоиер. Москва патриаршая. М., 1995. С. 289).

ей — во образ главной святыни древнего Иерусалима, Ветхозаветного Храма Иудейского.

О том, что на Руси это было хорошо известно, свидетельствует «Слово о Законе и Благодати» будущего митрополита Илариона. В нем Константинополь без всяких оговорок, как само собой разумеющееся, называется Новым Иерусалимом, из которого, по словам киевского митрополита, князь Владимир с бабкою своею Ольгой принесли на Русь Честной Крест, подобно тому, как Константин Великий с матерью своею, св. Еленой принесли крест из Иерусалима. Очевидно, такое восприятие столицы Византии в Древней Руси было широко распространено. Одновременно упомянутый текст как будто свидетельствует и о том, что Киев к моменту произнесения «Слова о Законе и Благодати» уже рассматривался как новая столица православия (говоря современным языком).

То, что каменное строительство в Киеве изначально велось в подражание Константинополю, ни у кого не вызывало и не вызывает сомнения³. Мало кто не догадывался и о том, что сама городская структура Константинополя отстраивалась во образ Иерусалима, чем подчеркивалась преемственность новой христианской столицы в деле спасения человечества — роль, утраченная «ветхим» Иерусалимом. По этой логике, организация городского пространства Киева во образ Константинополя должна была восприниматься современниками как претензия на право стать новым центром мира, столицей богоизбранной, обетованной или обещанной земли, если говорить языком Библии. Еще десять лет назад эту мысль высказал протоиерей Лев Лебедев. Основанием для такого предположения послужил анализ городской структуры Киева, какой она начала складываться при Ярославе Мудром⁴. В годы его

---

³ Ср.: «...Великий Князь (Ярослав Мудрый. — *И. Д.*) заложил... великолепную церковь, и распространив Киев, обвел его каменными стенами; подражая Константинополю, он назвал главные врата Златыми, а новую церковь Святою Софиею Митрополитскою... Ярослав начал также строить монастыри: первыми из них были в Киеве монастырь Св. Георгия и Св. Ирины» (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1988. Кн. 1. Т. II. Стб. 15).

⁴ *Лебедев Л.*, протоиер. Богословие русской земли как образа Обетованной земли Царства Небесного // Тысячелетие Крещения Руси: Междунар. церковн. научн. конф. «Богословие и духовность», Москва, 11–18 мая 1987. М., 1989. С. 140–175; *Он же.* Богословие земли Русской. С. 285–332,

правления в Киеве (1018–1054), видимо, в связи с интенсивной христианизацией русских земель, начинает формироваться идея богоизбранности Руси. В столице Древнерусского государства появляются аналогичные константинопольским Золотые ворота, храм св. Софии, а также монастыри св. Георгия и св. Ирины, создается первая летопись.

Подтверждением такой точки зрения является греческая надпись середины XI в., частично сохранившаяся на алтарной арке киевской Софии: «Бог посреди нее, и она не поколеблется. Поможет ей Бог с раннего утра» (Пс. 6: 45)⁵. Из контекста процитированного стиха (Пс. 45: 5; ср. 47: 23) очевидно, что в данном случае речь идет о Граде Божиим (в данном случае «она» — полис, слово женского рода), т. е. о Сионе, культовом центре Иерусалима, месте расположения Храма как в древней «давидо-соломоновой традиции», так и в позднейшей библейской историографии эпохи Второго храма (1 Макк. 4: 37). Смысл этой надписи проанализирован К.К. Акентьевым⁶. Исследователь обратил внимание на то, что в катенах Евсевия Кесарийского, Дидима Слепого, Кирилла Александрийского и особенно Исихия Иерусалимского, получивших — наряду с комментариями Феодорита — наиболее широкое распространение в толковых псалтирях X–XI вв., данный стих истолковывается как пророчество о Небесном Иерусалиме. В иллюстрированных псалтирях того времени миниатюры, сопровождающие его, изображают либо идеальное церковное здание, либо Константино-

---

356–361 (эти работы, не являясь собственно историческими исследованиями, дали вполне достаточные основания для постановки проблемы); об отражении топографии и микротопонимии Иерусалима в градостроительных идеях Древней Руси см. также: *Гаряев Р.М.* Проектировался ли русский средневековый город? // *Российский ежегодник*. М., 1989. Вып. 1 (33); *Теребихин Н.М.* Сакральная топонимия Русского Севера: К постановке проблемы // *Вопросы топонимики Подвинья и Поморья*. Сб. статей. Архангельск, 1991.

⁵ *Белецкий А.А.* Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской // *Лазарев В.Н.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960. С. 162–166.

⁶ *Акентьев К.К.* Мозаики Киевской Св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // *Литургия, архитектура и искусство византийского мира: Труды XVIII Международного конгресса византинистов (Москва, 8–15 августа 1991) и другие материалы, посвященные памяти о. Иоанна Мейендорфа* / Под ред. К.К. Акентьева. СПб., 1995 (Византинороссика. Т. 1).

поль, в центре которого надпись выделяет здание Св. Софии. Греческое «Сказание о Св. Софии» (867–886) непосредственно связывает приведенный фрагмент Псалтири со Св. Софией как новым Храмом, возведенным Новым Соломоном (Юстинианом) и затмившем свой ветхозаветный прототип. Утверждается также, что данный стих был начертан на кирпичах, из которых были возведены подпружные арки и купол Софии Константинопольской.

К.К. Акентьев предложил рассматривать «Сказание» в качестве литературного источника киевской надписи, подкрепив свою гипотезу ссылкой на встречающуюся у митрополита Илариона ассоциацию Ярослава с Соломоном, подобно тому, как в «Сказании о св. Софии» последнему уподоблен Юстиниан. Тем самым, по мысли К.К. Акентьева, «Иларион уподоблял киевского князя византийскому василевсу и библейскому царю, выражая характерное для народов византийского круга стремление к имитации „ромейской“ парадигмы»⁷. Вместе с тем, автор обратил внимание на то, что патриарх Фотий в свое время отнес упомянутый стих ко всему Константинополю как Новому Иерусалиму христианского мира, основанному Новым Давидом (Константином Великим) и ставшему воспреемником Иерусалима библейского, в котором исполнилось пророчество Давида о несокрушимости Божиего Града. В качестве доказательства Фотий ссылаясь на статую Константина «со знаменем Святого Креста» (реликварий частиц Честного Креста, присланных Константину Еленой из Иерусалима и ставших своего рода христианским палладием нового Святого Города). Впоследствии молебен у подножия статуи стал важнейшим элементом ежегодных праздничных обрядов «дня рождения» (11 мая, в память об «обновлении» Константином Великим в 330 г.) византийской столицы. Причем аллилуарием во время этого молебна служил 5-й стих 45-го псалма, непосредственно предшествующий стиху надписи киевской Софии. Отнесение древнего пророчества к Константинополю опиралось на представление о *translatio Hierosolymi*, во многом аналогичное по своей природе представлению о *translatio imperii* и сыгравшее, по мнению К.К. Акентьева, решающую роль в становлении византийской «имперской эсхатологии», дополнив официальный статус Нового Рима религиозным ореолом Нового Иерусалима.

Подобно греческому образцу, у Илариона образы Киева и его кафедрального собора соединяются в неделимое целое, что под-

---

⁷ Там же. С. 76.

черкивается похвалой их строителям — Новому Давиду (Владимиру) и Новому Соломону (Ярославу). Кроме того, Иларион акцентирует внимание на том, что Владимир «с бабою своею Ольгою» принесли Крест на берег Днепра из Нового Иерусалима — Царьграда, подобно Константину и Елене, доставившим его туда в свое время из Иерусалима старого. Таким образом, крещение Руси уподоблялось обращению Империи, а древнерусская столица — Царьграду. Вместе с крещением (а быть может, и с реликвией Честного Креста) она приняла от него ореол нового Святого Города.

Дополнительным подтверждением этого служит сравнение Ярослава Владимировича в том же «Слове о Законе и Благодати» с Соломоном. Иларион данным сравнением подчеркивал, что Ярослав сделал в Киеве то же, что Соломон в Иерусалиме: построил новые крепостные стены с четырьмя воротами и в центре «города» — величественный храм. Следовательно, Золотые ворота в Киеве в сознании их строителей имели своим прототипом не только Константинополь, но и Иерусалим. Отсюда понятно, почему они были не только и не просто главными, парадными, но и Святыми (иногда так и назывались современниками). В них, как предполагалось, Иисус Христос войдет в Киев — как Он входил когда-то в Иерусалим — в конце времен и благословит стольный град и землю Русскую.

«Это может оцениваться, — заключает К.К. Акентьев, — как своего рода *retranslatio Hierosolymi*, осуществленная по образцу византийской *translatio* и ставшая впоследствии весьма популярной как на Руси, так и в других славянских странах»⁸. Последнее замечание особенно интересно, поскольку довольно широко распространено мнение, будто претензия Древней Руси на богоизбранность — не более, чем нормальная реакция «исторического мышления молодых народов», прежде всего Болгарии, не желавших «признавать превосходство тех, кто ранее уже исповедовал христианство»⁹. Между тем, К.К. Акентьев считает (со ссылкой на работы М.П. Петровского и А. Никольской) бесспорно доказанным, что именно «Слово» Илариона оказало влияние на формирование такой идеи у славян, в том числе и южных.

Исследователи обычно обходят молчанием вопрос о причинах, побудивших киевского князя избрать для проведения целого ряда

---

⁸ Там же. С. 78–79.

⁹ Князький И.О. Русь и степь. М., 1996. С. 20.

немаловажных мероприятий именно 1036–1037 гг. Между тем, строительство Ярослава, видимо, было так или иначе связано с ожидавшимся в 6537 г. от Сотворения мира концом света¹⁰. К этой же дате было приурочено и создание «Слова о Законе и Благодати». Судя по порядку следования в нем библейских цитат, митрополит киевский Иларион произнес его перед пасхальной утренней службой, вечером в Великую субботу, совпавшей с праздником Благовещения, 25 марта 6546 (1038) г. в новоосвященной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Золотых воротах в Киеве¹¹. Если современному человеку такое сочетание хронологических показателей мало что говорит, то для древнерусского человека совпадение Благовещения и Пасхи (так называемая кириопасха) было весьма знаменательным. По апокрифическому преданию, именно в такой год ожидалось Второе пришествие Спасителя. К этой же дате было, скорее всего, приурочено и составление первой русской летописи — так называемого Древнейшего свода 1036–1039 гг. или, по определению Д.С. Лихачева, «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси», автор которого собирался поведать, «как Бог избьра страну нашу на последнее время», то есть сделал ее центром мира перед концом времени и Страшным судом.

Впоследствии каждый из городов, претендовавших на роль центра Русской земли, автоматически принимал на себя обязанность стать «третьим Римом» и «Новым Иерусалимом». Соответственно, здесь появлялись и внешние атрибуты мировой столицы: Золотые ворота, новый центральный храм и т. п.

Утверждение, что Киев мог претендовать на роль «третьего Рима» и — главное — «Нового Иерусалима» (имеющее, как мы видели, довольно солидные фактические основания), вызывает вполне оправданные сомнения, поскольку традиционно считается, буд-

---

¹⁰ Подробнее см.: *Данилевский И.Н.* Замысел и название Повести временных лет // ОИ. 1995. № 5. С. 102.

¹¹ *Ужанков А.Н.* Когда и где было прочитано Иларионом «Слово о Законе и Благодати» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 7. Ч. 1. С. 75–106. Любопытно, что А.Н. Ужанков не понял причины такого «стечения» событий в 1038 г. Человек конца XX в., он ориентируется в своих поисках преимущественно на светские, *формальные* ценности, характерные для нашего времени: 60-летний «юбилей» Ярослава Мудрого (?!), празднование 500-летия Софии Константинопольской, 50-летие принятия христианства Владимиром (С. 86 и др.).

то мысль о «переносе» центра христианского мира на Русь могла возникнуть лишь после падения Константинополя в 1453 г. Поэтому представления о Третьем Риме и Новом Иерусалиме связываются только с Москвой, хоть иногда и упоминаются ее «идейные предшественники»: Тырново, Тверь, но не Киев.

Тем не менее, уже тексты древнерусских источников XI–XII вв. явно подтверждают мысль о значительно более раннем бытовании на Руси представления о присутствии именно здесь Нового Иерусалима. Вот, например, фрагмент Повести временных лет с так называемой «Легендой об апостоле Андрее», в которой предсказывается великое будущее древнерусской столицы:

«Онъдрею учащу в Синопии и пришедшу ему в Корсунь, уведде, яко ис Корсуня близь устье Днепрское, и въсхоте поити в Рим, и проиде в вустье Днепрское, и отголе *поиде по Днепру горе. И по приключаяю приде и ста под горами на березе. И заутра въстав и рече к сущим с ним учеником: „Видите ли горы сия? — яко на сих горах восияеть благодать Божья; иметь град велик быти и церкви многи Бог създвигнути иматъ“*. И въшед на горы сия, благослови я, и постави крест, и помоливъся Богу и сълез с горы сея, идеже послеже бысть Киев, и поиде по Днепру горе».

В приведенной цитате обращает на себя внимание текст вставки (выделен курсивом)¹². Из 100 слов, составляющих его, 7 — слово «гора» (в разных значениях)! И это при том, что на всю Повесть временных лет (свыше 47 тысяч слов) оно употреблено всего 57 раз (в среднем 0,12 упоминаний на каждую сотню слов текста, т. е. в 58 раз реже; наш случай дает более $\frac{1}{8}$ всех случаев использования слова «гора»; причем почти половина их непосредственно связана с Киевом¹³). Вряд ли эту характерную черту рассказа об Апостоле

¹² О вставном характере данного текста говорит повтор одной и той же фразы в начале и конце ее: «поиде по Днепру горе». Считая всю «Легенду об апостоле Андрее» вставной, А.А. Шахматов не заметил этой детали (*Шахматов А.А. Повесть временных лет*. Пг., 1916. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. С. 7).

¹³ То, что «гора» для летописцев — понятие, имеющее хорошо различимую ценностную (собственно, сакральную) окраску, показывает даже поверхностный анализ всех случаев употребления этого слова в Повести временных лет (помимо «гор» киевских): максимальное число упоминаний — *десять* — относится к некоей горе (горам), в которой до «кончины века» «заклепаны» Александром Македонским «нечистыя человеки»; во-

Андрее можно объяснить простой случайностью или лексической небрежностью летописца. Скорее, в столь частом (если не сказать назойливом) употреблении лексемы «гора» прослеживается определенная тенденция. Летописец явно считает это слово в данном случае принципиально важным¹⁴.

Смысл, который автор вставки мог вкладывать в заинтересовавшее нас слово, может быть понят при обращении к тексту Биб-

---

сень раз упоминается Святая Гора (с которой была связана судьба св. Антония и основанного им Печерского монастыря), *четыре* упоминания относятся к «Кавкаисинским горам, рекше Угорьским» (с ними, возможно, связаны и три упоминания киевской горы, «еже ся ныне зоветь Угорьское»), *трижды* упоминается «гора Синайстия» и *дважды* — «гора Вамьская» (с которой Моисею была показана земля обетованная, и на которой он умер), *дважды* называются и «Болдиных горы» (также связанные с деятельностью Антония Печерского), наконец, по *одному* разу в летописи упоминаются «гора Елевоньская» (в Речи Философа), некая «гора» в Корсуни (на которой была поставлена церковь Владимиром Святославичем после взятия Корсуни), неопределенные «горы», с которых половцы смотрели на проезжавшего из Чернигова в Переяславль Владимира Мономаха, а также «горы» возле Саны, с которой сталкивали друг друга бегущие от преследования половецких отрядов угры. Как видим, лишь 6 упоминаний (из 57!) не связаны непосредственно с конфессиональной проблематикой.

¹⁴ Образ горы занимает существенное место в описании погребения библейских патриархов (Данилевский И.Н. Библия и Повесть временных лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // ОИ. 1993. № 1. С. 92. Ср.: Салтыков А. Гора в Библии // Путь: Орган русской религиозной мысли. Париж, 1931. № 30. Октябрь. С. 71–85). Гора как обозначение места захоронения в библейских текстах тесно связана с *пещерой*. В древнерусской культуре пещера являлась символом могилы, а гора — обиталищем душ умерших (ср.: Слово Мефодия Патарского о царствии язык последних времен // Памятники отреченной русской литературы: Приложение к сочинению Н.С. Тихонравова «Отреченные книги древней России». М., 1863. Т. 2. С. 224, 245; Тихонравов Н.С. Отреченные книги древней России // Сочинения. М., 1898. Т. 1. С. 192–195). Неслучайно Киево-Печерский монастырь начинается с символической могилы — пещеры, выкопанной будущим митрополитом Иларионом в правом (крутом) берегу Днепра: в старославянском языке *брегъ* означало не только «крутой берег», но также «холм, склон, гора» (Цейтлин Р.М. Построение словарной статьи // Старославянский словарь: По рукописям X–XI вв. М., 1994. С. 51). С вершины горы Фасги (что, собственно и значит «вершина»; в Повести она называется, как уже упоминалось, «гора Вамьская») Моисей перед кончиной увидел всю Обетованную землю (Втор. 3. 27).

лии. В пророчестве Иезекииля читаем: «...так говорит Господь Бог: вот Я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду, и приведу их в землю их. На этой земле, *на горах Израиля* Я сделаю их одним народом, и один Царь будет царем у всех их... И не будут уже осквернять себя идолами своими и мерзостями своими и всякими пороками своими, и освобожу их из всех мест жительства их, где они грешили; и очищу их, и будут Моим народом, и Я буду их Богом... И заключу с ними завет мира, завет вечный будет с ними. И устрою их, и размножу их, и поставлю среди них святилище Мое на веки. И будет у них жилище Мое, и буду их Богом, а они будут Моим народом. И узнают народы, что Я — Господь, освящающий Израиля, когда святилище Мое будет среди них на веки» (Иез. 37. 19–28). У Иезекииля здесь речь идет об основании Иерусалима. Можно предположить, что описание миссии Апостола Андрея, остановившегося «под горами Днепрскими» и пророчествующего о «граде великом», который появится «на сих горах» по истечении некоторого времени, понадобилось летописцу — помимо всех прочих целей — для обоснования идеи, что именно Киеву суждено стать новым центром христианского мира — Новым Иерусалимом.

Такое впечатление усиливается при чтении рассказа о знаменитых братьях — основателях новой столицы: «И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Седяше Кий *на горе*, где же ныне увоз Боричев, а Щек седяше *на горе*, где же ныне зовется Щековица, а Хорив *на третьей горе*, от него же прозвася Хоревица. И створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киев»¹⁵.

Дело здесь даже не столько в том, что текст вновь насыщается упоминанием «гор», сколько в имени одного из братьев, Хорива. Как известно, Хорив («сухой, пустой, разоренный») — гора в Аравийской пустыне¹⁶. Именно на ней Моисею было явление Божие в купине горячей и несгораемой (Исх. 3 и 4); здесь Моисей ударом жезла источил воду из скалы (Исх. 17. 6); здесь из среды огня Господь изрекал Закон Израилю. Восточный хребет Хорива называется Синаем, в связи с чем в Св. Писании эти два топонима смешиваются. Так, дарование Богом Закона Моисею связывается то с Синаем (Исх. 19. 11, 18, 20, 23; 24. 16; Лев. 7. 38; 26. 46; Чис. 3. 1; Втор. 33. 2; Де-

---

¹⁵ ПВЛ. С. 9.

¹⁶ Ср.: Старославянский словарь. С. 763.

ян. 7. 38–40), то с Хоривом (Втор. 4. 10–15; 5. 2; 3 Цар. 8. 9; 2 Пар. 5. 10). Во всяком случае, под Хоривом в Библии разумеется вся центральная группа гор Синайского полуострова, а под Синаем — только одна из гор этой группы. Так что уже само упоминание имени третьего из легендарных братьев, построивших Киев, вполне может рассматриваться как намек на библейский Синай.

Следующий летописный текст, в котором можно усмотреть сравнение Киева с Иерусалимом, — рассказ о захвате столицы полян Олегом (статья 6390 г.): «Поиде Олег... И придоста къ горам хъ киевскимъ и уведа Олег, яко Оскольдъ и Дирь княжита, и похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а самъ приде, *нося Игоря детьска*. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и прислако Асколду и Дирови, глаголя, яко „Гость есмь, и идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придета к нам к родом своимъ“. Аскольдъ же и Дирь придоста, и выскакаша вси прочии из лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: „Вы неста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа“, и *вынесоша Игоря*: „А се есть сынъ Рюриковъ“. И убиша Асколда и Дира, и несоша *на гору*, и погребоша и *на горе*, еже ся ныне зоветъ Угорьское, кде ныне Ольминъ дворъ; на той могиле поставилъ Ольма церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. И седе Олегъ княжа въ Киеве, и рече Олегъ: „*Се буди мати городом русьскимъ*“»¹⁷.

По мнению Д.С. Лихачева, «слова Олега имеют вполне точный смысл: Олег объявляет Киев столицей Руси (ср. аналогичный термин в греческом: μητροπόλις — мать городов, метрополия, столица)»¹⁸ — и ничего более. Между тем, Киев здесь явно отождествляется с Новым Иерусалимом. Об этом говорят текстологические параллели, которые мы находим как в Св. Писании (ср., например: «вышний Иерусалим... *Мать всем нам*» — Гал. 4. 26), так и в древнерусских апокрифических памятниках. В частности, в одном из вариантов духовного стиха о Голубиной книге на вопрос «премудрому царю Давыду Евсеичу»: «А который город городам мати?..» — следует ответ: «Русалим (так! — *И. Д.*) город *городам мати*»¹⁹. Аналогичное отождествление встречаем и в варианте са-

¹⁷ ПВЛ. С. 14.

¹⁸ Лихачев Д.С. Комментарии // ПВЛ. С. 409.

¹⁹ Стих о Голубиной книге // Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 126–127.

мой «Голубиной книги»²⁰, и в так называемой «Иерусалимской беседе» (XII в.). В последней царь Давид загадывает загадки богатырю Волоту Волотовичу об устройстве Вселенной, о христианских древностях и символах. Здесь Иерусалим также называется матерью всех городов, а затем дается разгадка сна Волота: «Будет на Руси град Иерусалим начальный²¹, и в том граде будет соборная и апостольская церковь Софии Премудрости Божия о семидесяти верхах, сиречь Святая Святых»²². В этой «разгадке», очевидно, речь идет о Киеве.

Приведенные параллели летописному упоминанию «матери городом русьским» позволяют думать, что Киев здесь не просто называется столицей Руси, но центром православного, богоспасаемого мира. Недаром в тексте «Голубиной книги», восходящем к домонгольскому времени (издан А.В. Оксеновым), об Иерусалиме — прообразе Киева говорится, что «тут у нас *среда земли*»²³.

С последним утверждением невольно ассоциируется заявление князя Святослава Игоревича, мечтавшего перенести столицу из Киева в Переяславец на Дунае: «яко то есть *середа земли* моей»²⁴. Несмотря на, казалось бы, далекую параллель, такая ассоциация имеет право на существование. Дело в том, что свое желание Святослав объясняет: «Ту вся благая сходятся: оть Грекъ злато, поволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медь и че-

²⁰ «Сион гора потому всем горам мати, Что преобразался на ней сам Иус Христос, Животворящий крест. То же повторяется и для Иордан-реки, для Иерусалима-града и, наконец, для кипарис-древа...» (Стих о Голубиной книге. С. 37).

²¹ В данном случае, видимо, — «важнейший, верховный» (СлРЯз. Т. 10. С. 308); ср.: «вышний Иерусалим» — в противовес «плотскому», реальному Иерусалиму — из Послания к Галатам.

²² Повесть града Иерусалима (Иерусалимская беседа) // Памятники старинной русской литературы / Изд. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860. Вып. 2. С. 307–308.

²³ Оксенов А.В. Народная поэзия: Былины, песни, сказки, пословицы, духовные стихи, повести. С очерками главнейших отделов русской народной поэзии, объяснительным словарем и образцами напевов народных песен. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1908. С. 304–311.

²⁴ ПВЛ. С. 32. Естественно, следует помнить, что в данном случае мы «слышим глазами» «голос» летописца-христианина, а не самого Святослава.

лядь»²⁵. Тирада князя может быть соотнесена с уже упоминавшимся пророчеством Иезекииля: «Вот, Я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду, и приведу их в землю их... и будут Моим народом, и Я буду их Богом» (Иез. 37. 21–23). Находит этот образ определенную параллель и в популярных на Руси хилиастических сказаниях, согласно которым, в конце мира Христос вновь воцарится в Иерусалиме и возобновит там храм. Израильтяне будут собраны в столицу богоспасаемого человечества со всех пределов земли. На пути туда их будут встречать побежденные народы и приносить им дань и драгоценные подарки, как своим повелителям²⁶.

Возвращаясь к рассказу о захвате Киева Олегом, обратим внимание еще на одну деталь: здесь дважды подчеркивается, что Олег *нес* Игоря. Она вполне может быть соотнесена с текстом пророка Иеремии, предсказывавшим будущее призвание язычников для спасения мира: «Господь... сказал... Ты [Израиль] будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых и для возвращения остатков Израиля; ...Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли... И все *горы Мои* сделаю путем, и дороги Мои будут подняты. Вот, одни придут издалека; и вот одни *от севера и моря*, и другие из земли Синим... Так говорил Господь Бог: вот Я подниму руку Мою к народам, и выставлю знамя Мое племенам, и *принесут сыновей твоих на руках...*» (Ис. 49. 1, 6, 11–12, 22). Мысль эта перекликается с одной из ведущих тем «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона: иудеи, не познавшие Бога, отвергнуты, а к благодати и истине призваны новые люди — язычники; новое вино было влито в новые мехи — и благодатная вера простерлась по всей земле; сбылись пророчества о том, что все «языки», люди и племена «поработают» истинному Богу.

Библейские параллели к летописной статье, повествующей о захвате Киева Олегом (точнее, к вставкам, сделанным автором Повести в текст Начального свода²⁷), дают возможность приоткрыть

---

²⁵ ПВЛ. С. 32.

²⁶ Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 8.

²⁷ Все проанализированные фрагменты текста, по определению А.А. Шахматова, носят вставной характер (*Шахматов А.А. Повесть временных лет...* С. 23–24).

довольно любопытный второй смысловой слой текста — символический. Если летописные и библейские тексты правильно нами ассоциированы, в статье 6390 г. Повести временных лет наряду с изложением сюжетной, событийной линии, речь идет о язычниках, пришедших в город, которому Провидением суждено стать столицей богоспасаемого мира.

Не менее показательно в этом отношении и описание Повестью временных лет строительства храмов Владимиром Святославичем в Киеве и Василеве. Безусловные параллели их с рассказом 3-й книги Царств о строительстве Храма Господня Соломоном явно свидетельствуют о тождестве — для летописца и его читателей — не только образа Владимира с Соломоном, но и образа Киева с Иерусалимом, а Десятинной церкви с «домом Господа»²⁸. Следует также отметить, что освящение Десятинной церкви Успения Пресвятой Богородицы не случайно было приурочено Владимиром Святославичем к 11 мая. Как мы помним, именно в этот день в 330 г. византийский император Константин Великий посвятил свою новую столицу Богоматери, что было отмечено в греческом месяцеслове как праздник обновления Царьграда.

Косвенным подтверждением такой точки зрения на восприятие Киева в Древней Руси могут служить и описания «плотского» Иерусалима в древнерусских «хождениях». Так, описывая Иерусалим, Игнатий Смольнянин (XIV в.) пишет: «Подале того, на Сионе же горе, двор Кайявы архиереев был, ту есть ныне монастырь арменский... А на Подол идучи, во граде Иерусалиме была церковь греческая... а противу стояла Святая Святых, которую создал Соломон»²⁹. Автор явно сверяет свои впечатления не только с библейским текстом³⁰, но и с хорошо знакомой ему топографией Киева.

---

²⁸ Параллель — правда, без объяснения — отмечена еще митр. Макарием [*Макарий (Булгаков)*, митр. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). С. 35]. Подробнее см.: *Данилевский И.Н.* Библеизмы Повести временных лет // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 75–103.

²⁹ Хождение Игнатия Смольнянина // Православный Палестинский сборник. СПб., 1887. Т. 4. Вып. 3 (12).

³⁰ *Рождественская М.В.* Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре / Сост. А.Л. Баталов, А.М. Лидов. М., 1994. С. 10.

Представление о Киеве как Новом Иерусалиме, видимо, существовало до того момента, когда получила окончательное оформление теория «Москва — третий Рим». Традиционно ее создание связывается с именем старца Елеазарова монастыря Филофеем³¹. Хорошо известно, однако, что сам Филофей ни разу не назвал «третьим Римом» именно Москву³². Все упоминания старцем «третьего Рима», так сказать, безличны. Речь в них идет не о столице, а о *царстве*. Что же касается конкретно Москвы, то она называется Римом лишь в так называемой «Казанской истории», написанной в середине 60-х гг. XVI в.: «И возсия ныне стольный и преславный град Москва, яко вторый Киев, не усрамлю же ся и не буду виновен нареци того, — и третий новый великий Рим, провозсиявший в последняя лета, яко великое солнце в велицей нашей Руской земли»³³. При этом для нас принципиально важно зафиксировать, что Москва ассоциируется у автора «Казанской истории»

---

³¹ См.: *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901.

³² «Иже от внешняя и от всемошныя вся содръжащая десница Божия, имь же царие царствуют и имь же величии величаются и сильнии пишут правду тебе, пресветлейшему и высокостолнейшему государю великому князю, православному христианьскому царю и всех владыце, браздодержателю святых Божиих престол, святых вселенских соборных апостольских церкви Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, иж вместо римския и константинопольския просиавшу. Стараго убо Рима церкви падеся неверием аполинариевы ереси, второго Рима, Константинова града церкви, агаряне внуцы секирами и оскордъми разсекоша двери. Сиа же ныне триаго, новаго Рима, дръжавнаго твоего царствия святая соборная апостольскаа церкви, иж в концых вселенныя в православной христианьстей вере во всей поднебесней паче солнца светится»; «И да вестъ твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православных христианьския веры снидошася в твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь... Не преступай, царю, заповеди, еже положиша твои прадеды, великий Константин, и блаженный святой Владимир, и великий богоизбранный Ярослав и прочии блаженнии святии, ихъ ж корень и до тебе»; «Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская цръства снидоша въ твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти. Уже твое христианьское царство инем не останется» (*Филофей*. Послание к великому князю Василию, в нем ж о исправлении крестнаго знамения и о содомском блуде // ПЛДР: Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 436, 438, 440).

³³ ПЛДР: Середина XVI в. М., 1985. С. 312.

не только с третьим Римом, но и *со вторым Киевом*. Другими словами, Киев здесь фактически называется Новым Римом, а, следовательно, и Новым Иерусалимом, поскольку эти понятия для древнерусского человека были неразрывно связаны между собой. Эта же мысль прослеживается и в Повести на сретение образа Владимирской Богоматери: «...Ты, о владычице Богородице... благоволила еси древле прежде преити от Палестины, и от Византиа, и от Киева, и от Владимиря. Ныне же zde с нами, смиренными, в веки буди, милуя и спасая нас...»³⁴.

Но как, все-таки быть с другим, «общепринятым» Новым Иерусалимом? Как еще до падения Константинополя в 1453 г. могла зародиться идея об утрате им статуса Нового Иерусалима? И имела ли вообще право на существование подобная идея?

Видимо, в истории Константинополя были события, которые могли восприниматься православными людьми как падение «Седьмохолмого».

Прежде всего, именно так мог рассматриваться захват Царьграда крестоносцами в 1204 г. У Луки Нотара встречаем весьма симптоматичное высказывание: «Лучше увидеть в Городе [т. е. в Константинополе] царствующей турецкую чалму, чем латинскую тиару». Оно станет вполне понятным, если вспомнить, что сумма числовых значений букв греческого слова *λατῆῖνος* равнялась 666 — числу апокалиптического Зверя (Антихриста)³⁵. Однако оформление идеи «Киев — Новый Иерусалим», если наши наблюдения верны, должно относиться к гораздо более раннему времени.

Еще на заре истории Древнерусского государства произошло событие, описание которого в Повести временных лет под 6415 г. весьма своеобразно. Речь идет о захвате Царьграда легендарным князем Олегом. Столица Византии сдалась, когда после длительной осады воины Олега поставили корабли на колеса и подошли к Константинополю со стороны суши: «И повеле Олег воем своим колеса изделати и воставляти на колеса корабля. И бывшую покосну ветру, въспяша парусы съ поля, и идоша къ граду. И видевше греци и

---

³⁴ ПСРЛ. М., 1965 [репринт изд.: СПб., 1897]. Т. 11. Никоновская летопись. С. 251. Ср.: чуть раньше в той же Никоновской летописи образ Богоматери сравнивается с Солнцем, «обходящи вся страны поднебесныя», — от Палестины к «Царствующему граду», а из него — «в нашу Русскую землю, въ град Киев» (Там же. С. 243).

³⁵ См.: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания. С. 8, 10.

убояшася, и реша выславше ко Олгови: „Не погубляй града, имем ся по дань, яко же хощеш“»³⁶. Обстоятельства, описанные в Повести, удивительно напоминают детали взятия Константинополя войсками Мехмеда II Завоевателя: тот приказал проложить через перешеек, отделявший Золотой Рог от Босфора, деревянный настил и ночью перетасил по нему 18 кораблей своей флотилии; увидев утром корабли в заливе, греки сдались.

Кажется странным поразительное совпадение некоторых моментов в описании взятия Константинополя Олегом в 911 г. и падения «Седьмохолмого» в 1453 г. В частности, и в том, и в другом случае непосредственным поводом к сдаче города становится передвижение вражеских кораблей по суше. Эта деталь оказывается решающей, видимо, потому, что имела для греков эсхатологическое значение. Согласно сообщению Коджиа-Еффенди, существовало предание: Византия будет завоевана, когда неприятельский флот «переплывет сушу»³⁷. Вместе с тем, имелось якобы предсказание, записанное некими мудрецами на крышке гробницы Константина Великого, что после завоевания Константинополя измаильтянами, «род русых» или «русских» вместе с прежними правителями освободит Царьград от безбожных врагов³⁸. Люди «от рода русского» должны были взять христианскую столицу под свою защиту. О раннем происхождении этой легенды свидетельствует то, что она была известна уже Лиутпранду (ок. 922 — ок. 972 гг.).

Упоминание представителей «рода русского» в предсказании заставляет вспомнить первые строки договора с греками, заключенного в 6420 (911) г. Олегом: «Мы от рода русаго...»³⁹.

На то, что такое совпадение деталей, упоминаемых в Повести, и греческого предания о конце Константинополя не случайно, подтверждается и более тщательным анализом летописной статьи 6415 г. Среди прочих обстоятельств летописец упоминает, что по завершении переговоров с греками Олег «повеси щит свой в вра-

---

³⁶ ПВЛ. С. 17.

³⁷ Стасюлевич М. Осада и взятие Византии турками (2 апреля — 29 мая 1453 г.) // Уч. зап. II Отд. имп. Академии Наук. СПб., 1854. Кн. 1 (2-й разд). С. 147.

³⁸ Срезневский И.И. Повесть о Цареграде // Там же. (3-й разд.). С. 134–135. Здесь же И.И. Срезневский приводит ссылки на древнерусские рукописи, в которых встречается перевод этого «предвещения».

³⁹ ПВЛ. С. 18 (ср.: с. 23).

тех»⁴⁰ (в Ипатьевской летописи текст этот выглядит несколько иначе: «повесища щиты своя» — деталь вроде бы мелкая, но немаловажная). Объяснить, зачем Олег повесил свой щит на ворота Константинополя, долгое время не удавалось. Отмечалось только, что это «было, по-видимому, в Древней Руси знаком победы, при этом связанным с каким-то ритуалом»⁴¹. Основанием для такого мнения служит разъяснение, приведенное в самой Повести временных лет: щит (или щиты) повешен, «показуа победу». Однако слово *победа* в X–XII вв. имело гораздо более широкий спектр значений, чем сейчас⁴². В частности, в Успенском сборнике XII в. встречается производное от него слово *победница* — «заступница, защитница»⁴³.

Традиционно считается, что деталь со щитом имеет фольклорное происхождение. Между тем, она оказывается семантически связанной с сюжетом о «кропичных» и «паволочитых» парусах, сшитых для Руси и словен, и составляет единое целое с рассказами о поставлении кораблей Руси на колеса, а также о прозвании Олега Вещим. Связь между фрагментами восстанавливается, когда мы обращаемся к ветхозаветным пророкам. Многие из них (Исаия, Иеремия, Амос и др.) неоднократно обличали роскошь, нечестие и идолопоклонство жителей финикийского города Тира. Но особой силы достигают обличения в пророчестве Иезекииля, предсказывавшего гибель знаменитого города. Среди прочего Иезекииль упоминает узорчатые полотна из Египта, употреблявшиеся тирянами для изготовления парусов, голубые и пурпурные покрывала с островов Елисы, воинов из Персии, Лидии и Ливии, которые «вешали на тебе (т. е. на Тир. — *И. Д.*) щит и шлем», тем самым показывая, что они берут на себя *защиту* города. Кроме того, упоминается, что за товары, вывозимые из Тира, другие страны платили золотом, пурпурными и узорчатыми тканями, пшеницей, оливковым маслом, сладостями, медом, вином и выделанным железом (Иез. 27. 1–22), т. е. перечисляется все то, что Олег привез с собой на Русь из Константинополя.

Совпадение деталей в описании похода Олега и в пророчестве Иезекииля позволило автору этих строк высказать мнение, что тем самым летописец указывал на определенное тождество языческой

⁴⁰ ПВЛ. С. 17.

⁴¹ Лихачев Д.С. Комментарии. С. 419.

⁴² См.: СлРЯз. М., 1989. Т. 15. С. 120.

⁴³ Там же. С. 122. ср.: Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 307.

Руси и Тира⁴⁴. Неясным, однако, оставалось, какую роль в данном сюжете играла деталь с вывешиванием щита на воротах Города. Несколько странная в традиционном прочтении «защитная функция», которую берется выполнять Олег после падения Константинополя, становится более понятной в восстанавливаемом эсхатологическом контексте: христианская столица сдалась, когда неприятельский флот «переплыл сушу», но люди от «рода русского» взяли Город до «последнего времени» под свою защиту. Любопытно, однако, что «неверными» — захватчиками и защитниками оказываются одни и те же — воины Олега⁴⁵.

То, что в предшествующем тексте дружинники русского князя должны восприниматься как «безбожные измаильтяне» подчеркивает форма, в которой описываются беззакония, творимые ими в окрестностях греческой столицы: «*Воевати нача, и много убийства сотвори около града греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху пленники, овех посекаху, другиа же мучаху, инья расстреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа зла творяху русь греком, елико же ратнии творять*»⁴⁶. Обращает на себя внимание текстуальный повтор этого фрагмента в рассказе — откуда он и был заимствован — о приходе под стены Константинополя Игоря в 6449 (941) г.: «*почаша воевати Вифиньския страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую попленившие, и Судь весь пожьгоша; их же емше, овехь растинаху, другая аки странь поставляюще и стреляху въ ня, изимахуть, опаки руце съвязывахуть, гвозди железныи посреди главы въбивахуть имь. Много же святыхь церквий огневи предаша, монастыре и села пожгоша, и именья немало от обою страну взяша*»⁴⁷. Еще А.А. Шахматов отмечал, что данный пассаж представляет собой контаминированный текст из Откровения Мефодия Патарского и Жития Василия Нового (совершенно определенно имевших, кстати, эсхатологический характер).

О том, что действия руси здесь соответствуют представлениям о том, как должны себя вести с христианами народы, появляющие-

---

⁴⁴ Подробнее см.: Данилевский И.Н. Библия и Повесть временных лет.

⁴⁵ Возможно, это — следствие переноса на поход Олега ряда текстов, первоначально связанных с походом Игоря на Константинополь.

⁴⁶ ПВЛ. С. 16.

⁴⁷ ПВЛ. С. 22.

ся в «последние времена», показывает использование этого же текста для описания в Лаврентьевской летописи кошмаров монгольского нашествия на Рязанскую землю в 1237 г.: «Безбожнии татарии... почаша воевати Рязаньскую землю, и пленоваху и до Проньска, попленивше Рязань весь, и пожгоша, и князя их убиша. Их же емше овы растинахуть, другыя же стрелами растреляху в ня, а инии опаки руце связывахуть. Много же святых церкви огневи предаша, и монастыре, и села пожгоша, именья не мало обою страну взяша...»⁴⁸.

То, что такой повтор неслучаен, показывает рассказ той же Лаврентьевской летописи о том, как воспринималось нашествие иноплеменников жителями Владимира: «А татарове отшедше от Золотых воротъ, и объехаша весь градъ, и сташа станом пред Золотыми враты назрееме множество вои бещислено около всего града. Всеволод же и Мстиславъ сжалистаси брата своего деля Володимера и рекоста дружине своей и Петру воеводе: „Братья, луче ны есть умрети перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правоверную веру христьянскую“; и не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь. И рекоста оба князя: „Си вся наведе на ны Богъ грех ради наших“; яко же пророкъ глаголет: „Нестъ человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви. Яко Господеви годе бысь, тако и бысть. Буди имя господне благословено в веки“. Створися велико зло в Суздальской земли, яко же зло не было ни от крещенья, яко же бысть ныне; но то оставим»⁴⁹.

Таким образом, есть все основания для того, чтобы предполагать уже в 30-х гг. XI в., когда в Киеве при Ярославе Мудром начинает создаваться первый древнерусский летописный свод, зарождение на Руси государственной идеи, базирующейся на восприятии Киева как Нового Иерусалима — центра спасения православного человечества.

---

⁴⁸ ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 136.

⁴⁹ ПСРЛ. Изд. 2. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. Стб. 461–462.

**«Город Ярослава»:
символическое содержание летописного образа**

Летописная статья 1037 г., начинающаяся словами «Заложити Ярославъ городъ великий, у него же града суть Златая врата; заложити же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротехъ святыя Богородица Благовещенье, посемь святаго Георгия монастырь и святыя Ирины»¹, — едва ли не самое яркое и наиболее часто цитируемое место Повести временных лет.

Это летописное сообщение было составлено несколько позже указанной даты² и входит в состав похвалы строительной и христианизаторской деятельности Ярослава. Упомянутые в нем пять строительных объектов (деревянные и земляные оборонительные укрепления с Золотыми воротами, митрополичий кафедральный собор, надвратная церковь св. Богородицы, Георгиевский и Ирининский монастыри), сооруженных в течение 1036–1051 гг., объединял, как представляется, целенаправленный, рационально спланированный замысел. В «политической теологии» христианского Средневековья идея городского устройства была неотъемлемой частью построения Христианского Царства. Город представлялся подобием, имитацией, «иконой» Рая/Града Небесного и в силу этого — олицетворением вечного Града. Предназначением Ярослава было воплотить этот урбанистический идеал в его земных формах. Не исключено, что возведенный им город («величеством сияющъ... иконами святыхъ освещаемъ и блистающеся») ³ был, одновременно, и обетным подношением Христу, который даровал ему победу над печене-

---

¹ ПВЛ. С. 66.

² Поппэ А.В. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // ВВ. 1968. Т. XXVIII. С. 91–92.

³ Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 98.

гами в 1036 г., а вместе с ней (и благодаря смерти Мстислава Черниговского) сделал Ярослава «самовластьцем Русьстей земли».

Воздвигнутые Ярославом грандиозные оборонительные сооружения⁴, увенчанные парадными Золотыми воротами, образующая своеобразный Пояс Силы, очерчивали сакральное тело Города. Библейская семиотика ворот соотносится с такими понятиями, как «сила», «власть», «могущество» (Ис. 24: 12; Мтф. 16: 18): «...и будешь называть стены твои спасением и ворота твои — славою» (Исаия 60: 18).

Кроме того, в библейской символике *врата* очерчивали границу между двумя мирами — известным и неизвестным, светом и тьмой, землей и раем, добрым и злым, *sacrum* и *profanum*⁵. Золотые ворота Киева выступали символом царственного града — столицы новорожденной христианской державы. Их прототипом выступали не только Золотые ворота Константинополя, но и Иерусалима — те самые, которые переступил Иисус Христос и с которыми апокрифическая традиция связывает много других важных событий Священной истории⁶.

Сообщая о строительстве каменной церкви святой Богородицы Благовещения на Золотых воротах, летописец отмечает, что тем самым Ярослав хотел «дать всегда радость граду тому святым Благовещением Господним и молитвою святых Богородица и архангела Гавриила»⁷. Золотое сияние, которое излучали над городом купола надвратной церкви Богородицы Благовещения, являло собой образ пламенеющего блистания Божьей славы, поскольку золото в христологии является «абсолютной метафорой» света, а свет — «дает всегда радость граду тому святым Благовещением Господа абсолютной

⁴ Новые археологические данные о конструктивных особенностях оборонительных сооружений и строительных приемах фортификации «города Ярослава» обобщаются в публикации: Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М. Нове у вивченні оборонних споруд Києва // Нові дослідження давніх пам'яток Києва: Матеріали наукової конференції Національного заповідника «Софія Київська» (Київ, 22–23 листопада 2001 р.). Київ, 2003. С. 152–162.

⁵ Kobieltus S. Bramy Niebiańskiej Jerozolimy w średniowiecznej egzegezie i malarstwie // Jerozolima w kulturze Europejskiej. Warszawa, 1997. S. 99–100.

⁶ Philipp W. Die religiöse Begründung der altrussischen Hauptstadt // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag. В., 1956. S. 376–377.

⁷ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Ипатьевская летопись. Стб. 139.

метафорой» Бога⁸. В новозаветном видении Иоанна Богослова Небесный Иерусалим, «сходящий от Бога с неба... был чистое золото, подобен чистому стеклу» (Откр. 21: 2–8).

Христианская метафизика света была иерархической по своей природе. Сопрягая в себе эмблематику солнца и золота, она персонифицируется, прежде всего, в образе Иисуса Христа как истинного праведного Царя, или «Праведного Солнца». Его ожидаемое пришествие и символизирует золотое свечение церковных куполов столярного града богохранимого царства.

В христологии солнце является также олицетворением или атрибутом Богородицы (Отк. 12: 1). Посвященный ей надвратный храм и другие Богородичные церкви средневекового Киева символизировали целостность и нерушимость христианского города. Представляется важным отметить, что и в восточнославянском фольклоре Богородица выступает в качестве хранительницы ворот: «...на склоне неба, выше града (ни на небе, ни на земле) стоит золотой дом или замок. В восточной стороне с небес стоит серебряная лестница, по которой сходит Мать Пресвятая Богородица с золотыми ключами, с шелковыми поясами открывать ворота»⁹.

В политико-идеологических представлениях средневековой Руси Золотые ворота Киева рассматривались как врата ко всему древнерусскому христианскому миру. Выстроенные напротив главного входа в Софийский собор, они были знаковым символом и, возможно, составляющим элементом обряда посажения на великокняжеский стол¹⁰. Письменные источники позволяют заключить, что именно здесь, а не у Лядских, Жидовских или Угорских ворот происходили торжественные, с участием духовенства встречи князей, начинавшие

---

⁸ *Аверинцев С.С.* Золото в системе символов ранневизантийской культуры // *Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура / Сб. статей в честь В.Н. Лазарева.* М., 1973. С. 46–47.

⁹ *Потебня А.А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1883. С. 104–105.

¹⁰ Этот ритуал интронизации должным образом не отразился в письменных источниках, поэтому предлагаемые в научной литературе его реконструкции весьма гипотетичны. См.: *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. L., 1982. Vol. I. P. 351–352; *Idem.* The Enthronement of the Prince in Kievan Rus' // The 17th International Byzantine Congress. Abstracts and short papers. Washington, 1986. P. 272–274; *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 139–144; *Banaszkiewicz J.* Polski dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 1998. S. 288–290; 342.

процедуру посажения их на великокняжеский стол, т. е. утверждавшие властителя в его верховных правах. Рассмотрим, к примеру, сообщение Киевской летописи 1146 г. о вокняжении в Киеве Изяслава Мстиславича: «...с великою славою и честью въеха (Изяслав. — В. Р.) в Киевъ, и выидоша противу ему множество народа, игумени съ черноризьци и попове всего города Киева в ризахъ, и приеха къ святой Софьи, и поклонися святой Богородици, и седе на столе деда своего и отца своего»¹¹.

Мне могут возразить, что в цитированном тексте Золотые ворота прямо не упоминаются. Однако, та же летопись, описывая переговоры Изяслава и его союзников — дяди Вячеслава и Ростислава с послом Юрия Долгорукого под 1151 г. у Золотых ворот, вкладывает в уста Вячеслава следующие слова: «...и рече Вячьславъ, озряся на святую Богородицю, яже есть надъ Золотыми вороты: „А тои ны Пречистеи Госпожи судити с сыномъ своимъ и Богомъ нашимъ въ сии векъ и в будущи“. То рек отпусти Гюргева мужа»¹². Думается, не случайным было это упование на помощь Богоматери, хранительницы Золотых ворот, вожделенных для князей — претендентов на киевский стол. Об укоренившейся в древнерусское время традиции киевлян устраивать здесь торжественные встречи свидетельствует общественно-политическая практика середины XVII в., когда Золотые ворота находились уже в полуразрушенном состоянии. Тем не менее, именно здесь в 1648 г. киевляне встречали Богдана Хмельницкого, а в 1651 г. — через них вошло в Киев польско-литовское войско под предводительством Януша Радзивилла. Это служит косвенным подтверждением распространенности в средневековом славянском мире представлений о приобретении/легитимации власти, облеченной в форму торжественного въезда в столицу¹³. Семиотика этого обряда кроется в библейской мифологии («воротами сего города будут входить цари и князья, сидящие на престоле Давида, едущие на колесницах и на конях, они и князья их, Иудеи и жители Иерусалима, и город сей будет обитаем вечно» (Иерем. 17: 2; ср.: Иер. 17: 19) и находит точки соприкосновения с *adventus* императоров¹⁴ в позднеантичной традиции.

¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 327.

¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 431.

¹³ *Banaszkiewicz J.* Polskie dzieje bajeczne. S. 300–309.

¹⁴ *Фрейденберг О.М.* Въезд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1998. С. 630–631.

Близкой аналогией киевскому ритуалу была средневековая церемония королевского въезда в Париж, которая, по мнению исследователей, символизировала единство «политического тела» государства¹⁵. Связь между церемонией торжественного въезда в город и актом посажения на трон демонстрирует и *adventus regis* средневековой Пруссии¹⁶. Явленный языком жестов и торжественной литургии, этот ритуал приобретения/оформления власти носил характер символического диалога князя с Богом и народом.

Летописная формула «седе на столе», однако, не может быть истолкована реалистически: в буквальном прочтении «сесть на трон/стол» в храме, где князь стоял во время богослужения¹⁷. Любопытно отметить, что освященный в кафедральном храме Успенского собора московского Кремля во время правления Ивана IV 1 сентября 1551 г. так называемый «трон Мономахов», не служил сидением, а «являлся царским местом — демаркационной вехой, где царь стоял во время службы»¹⁸. Поэтому, не более чем метафорой являются строки «Слова о полку Игореве», которые отражают стремление Всеслава Полоцкого вскочить на быстрого коня и домчатся до Киева, чтобы коснуться концом копья золотого стола киевского: «клюками подпръ ся о кони и скочи къ граду Киеву и дотчеса стружиемъ злата стола киевскаго». Мне представляется, что церковно-политический церемониал, называемый *посажением на великокняжеский стол* следует рассматривать как наполненную глубокими литургическими коннотациями систему семиотических ассоциаций и зрительных представлений, составляющими элементами которой были: торжественная встреча князя у Золотых ворот, богослужение в храме св. Софии и празднества на «Великом дворе

---

¹⁵ *Bryant L.* La cérémonie de l'entrée à Paris au Moyen Age // *Annales Economies, Sociétés, Civilisations*. № 3. 1986. P. 172–179.

¹⁶ *Dygo M.* Złota Brama kaplicy zamkowej w Malborku a ideologia władzy zakonu niemieckiego w Prusach // *Zakon Krzyżacki a społeczeństwo państwa w Prusach*. Toruń, 1995. S. 149–163.

¹⁷ Так называемый *метатарсион* или место императорского трона в константинопольской Софии находился в юго-восточной части храма, прилегающей к его восточной стене. См.: *Mainstone R.J.* Hagia-Sophia: Architecture. Structure and Liturgy of Justinian's Great Church. L., 1988. P. 229–232.

¹⁸ *Флайер М.* «Мономахов трон» Ивана Грозного в пространстве перед иконостасом // *Иконостас. Происхождение — Развитие — Символика*. М., 2000. С. 600.

Ярослава». Именно здесь в 1146 г. «Кыяне вси... целовавше крест»¹⁹, присягая на верность Игорю. В 1150 г. Изяслав «поклонивься святой Софьи и възъеха на дворъ да Ярославль всимъ своимъ полкомъ и Кыян с ним приде множество»²⁰. Под тем же годом летопись сообщает: «Изяславъ же въ Кыеве седе на столе деда с честью великою... Изяслав же от святое Софьи поеха и съ братьею на Ярославль дворъ и Оугры позва со собою на обед и Кыяне и ту обедавъ с ними на велицеъмъ дворе на Ярославли и пребыша оу велице весельи»²¹.

Символом же бесчестья, надругательства над этим мистическим телом выступает популярный в средневековой литературе мотив удара мечем в Золотые ворота. Едва ли не первым его использовал польский хронист Галл Аноним. Сообщая о походе Болеслава Храброго на Русь (смешивая при этом события 1018 и 1069 гг.) он утверждает, что при въезде в Киев польский король в знак победы ударил мечем, который ему даровал ангел, по Золотым воротам. Поврежденный от удара меч получил название «Щербец» и долгое время хранился в краковском соборе, еще не раз даруя польским королям триумфальные победы над врагом²². Как в польской, так и в украинской научной литературе это сообщение справедливо считается сомнительным, ведь в то время, о котором говорит хронист, Золотые ворота в Кыеве еще не были воздвигнуты. Да и сам меч «Щербец», хранимый, кажется, поныне в краковском музее Черторыйских, позднего происхождения.

Однако, само это предание весьма симптоматично ввиду популярности подобных мотивов в древнерусском летописании и позднейшем украинском героическом эпосе. Интересным в этом отношении представляется сообщение Киевской летописи 1151 г. Упомянув о гибели Севенча Боняковича, «дикаго Половцина», летописец акцентирует внимание на том, что тот похвалялся, «...иже бяшетъ рекль: „Хоцю сечи в Золотая ворота, яко же и отець мой“»²³.

---

¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 321.

²⁰ Там же. Стб. 391.

²¹ Там же. Стб. 416.

²² *Gall Anonim. Chronica. I. 23 // Monumenta Poloniae Historica. Nova Series. Warszawa, 1952. Т. II; Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961. Кн. 1. Гл. 3.*

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 432. В этих словах кроется намек на события 1096 г., когда половецкий хан Боняк едва не завладел Киевом.

Учинить святотатство над Золотыми воротами было в средневековой ментальности знаком глумления над Городом как средоточием христианского царства и сакральным гарантом его целостности.

В этой связи следует также вспомнить многочисленные известные в записях XVIII–XIX вв. народные предания о Михайлике — легендарном богатыре, защитнике Киева от нашествия орд хана Батыя. Когда киевская «громада» решила по требованию Батыя изгнать Михайлика из города, тот «взяв Золоті Ворота на копіє» и вынес их из Киева. Правда, в отличие от библейского Самсона, который «спал до полуночи; в полночь же встав, схватил двери городских ворот с обойми косяками, поднял их вместе с запором, положил на плечи свои и отнес их на вершину горы, которая на пути к Хеврону, [и положил их там]» (Книга Судей 16: 3), Михайлик отнес их в Царьград. Лишившись главных своих ворот, Киев оказался беззащитным, потому и достался врагу. Попутно отмечу, что мотив «вонзания копья» в Золотые ворота как символ взятия города находит соответствующие аналогии в средневековых письменных памятниках южных славян. Как утверждает, например, Симеон Метафраст, болгарский хан Крум во время правления императора Льва Армянина «...приде на Царскыи град съ множеством людии и обхаждааше при стенах от Влахерны до Златых вратъ, показуя сущуя съ ним силу, съвръшивъ и сквренны жрътвы на поли Златых вратъ. Проси же цареви сътворити мирь, *аще копие свое вънзить* (здесь и далее выделено мной. — В. Р.) *въ Златаа врата*»²⁴.

Не касаясь здесь литературной истории легенды о Михайлике и ее предполагаемых связей со старокиевским былинным эпосом, хочу обратить внимание на мистическо-эсхатологический характер пророчества о возвращении Золотых ворот в Киев: «Живе й досі богатир у Царгороді. Перед ним лежить святий хліб (проскурка), одного виду якого вистачає йому за їжу та питво. Стоять і Золоті Ворота, і коли той, хто проходить крізь них думає, що вони там до віку лишаться, останні затуманюються і мерехнуть. Коли ж прохожий в думу скаже: „О, Золоті Ворота! ви знову повернетесь на старе місце“, золоті стіни і блищать і сяють, мов сонце, бо повернуть-

---

²⁴ Срезневский В. Симеона Метафраста и Логофета списание мира от бытия и Летовник собран от различных летописец. Славянский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями. СПб., 1905. С. 90.

ся до Києва і Золоті ворота і богатир. Сього вже не довго очікувати»²⁵.

Предання о Михайлике и Золотых воротах тесно связаны, как показал в свое время А.Н. Веселовский, с Псевдо-Мефодиевыми пророчествами о грядущем спасителе всех христиан от «измаильтянской неволи» — царе Михаиле, чудесным образом перенесенным ангелом из Рима на алтарь Царьградской св. Софии²⁶. На киевской почве, где культ св. Михаила издавна был популярным в народе²⁷, мотивы этой христианской легенды приобрели местные приурочения.

Мифологема «перенесения/перемещения» Золотых ворот символизирует, таким образом, и перемещение всего христианского царства.

Характерной, в этом отношении была церковно-политическая борьба за киевское наследие, которую в 60-х гг. XII в. начал владими́ро-суздальский князь Андрей Боголюбский. Его стараниями на северо-восточные земли Руси были перемещены многие христианские святыни, составлявшие ранее славу Киева и Киевщины. Из Вышгорода он вывез священную икону Божьей Матери, «юже принесоша с Пирогощею ись Царяграда в единомъ корабли»²⁸.

«Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», составленное книжниками Андрея Боголюбского между 1146 и 1168 гг.²⁹, обосновывает этот поступок тем, что иконе «не понра-

---

²⁵ Цит. по рукописному сборнику фольклорных материалов, составленным А.А. Тулубом «Київ та його давня давнина у творах народних», хранящемся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. Вернадского. Ф. 209. № 3. Л. 248. Ср.: *Грушевський М.* Історія української літератури. Київ, 1995. Т. IV. Кн. 1. С. 241.

²⁶ *Веселовский А.* Опыт по истории развития христианской легенды. С. 63–72, 78; *Он же.* Южнорусские былины // Сб. ОРЯС. 1884. Т. XXXVI. № 3. С. 264–265.

²⁷ См.: *Рычка В.М.* Культ св. Миколи-Михайла у Києві // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба: Матеріали церковно-історичної конференції. Чернігів, 1996. С. 22–23.

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 331.

²⁹ *Пеленський Я.* Боротьба за кийвську спадщину у 1155–1175 pp.: релігійно-церковна сфера // Археологія. № 3. С. 35; *Pelenski J.* The Contest for the «Kievan Succession» (1155–1175): The Religious-Ecclesiastical Dimension // *Harvard Ukrainian Studies.* 1988/1989. Vol. XII/XIII. Proceeding of the International Congress commemorating the Millenium Christianity in Rus'-Ukraine. P. 761–780.

вилось» пребывать далее в Киевской земле, которая потеряла свое сакральное значение, перешедшее во Владимир-на-Клязьме³⁰.

Развернув широкомасштабное церковное строительство в Ростово-Суздальской земле, Андрей Боголюбский тотчас же отправляет своих мастеров в Киев для обмера Золотых ворот с целью воссоздания их в стольном граде Северо-Восточной Руси³¹. Они были построены в 1164 г., а надвратная церковь посвящена, что весьма симптоматично, как и киевская, Богоматери. Таким образом, основополагающей целью, которая определяла содержание грандиозной программы церковного строительства Андрея Юрьевича во Владимире и Боголюбове, было противопоставления их Киеву и Вышгороду. Стремясь затмить святость и авторитет древнерусской столицы, он тем самым надеялся объединить земли Северо-Восточной Руси в суверенное, со своим митрополичьим престолом государственное образование. «Перемещение» Золотых ворот из Киева — Нового Иерусалима во Владимир в сознании амбициозного князя и его современников должно было символизировать «перемещение» всего христианского царства.

Между Золотыми воротами и Софийским собором, где в древности шла главная улица Киева (было бы весьма соблазнительно уподобить ее *Via Regis* в Константинополе), как пропилены были возведены два (согласно археологическим данным — три) храма. В летописи речь идет о патрональных монастырских храмах св. Георгия и св. Ирины, освященных в честь тезоименных святых заказчиков (Ярослава/Георгия и Ингигерды/Ирины). «Сказание об освящении церкви святого Георгия в Киеве» — небольшая проложная статья, сохранившаяся более чем в двухстах списках XIV–XVII вв., сообщает, что освящение церкви св. Георгия праздновалось на Руси 26 ноября. Этот праздник возник не на киевской почве, а был заимствован из Византии как память об освящении одноименного храма в Кипарисе вблизи Константинополя³². Такое же двойное — «царское» положение имел и храм, сооруженный в честь св. Ири-

---

³⁰ Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери / Вступ. ст. и публ. В.А. Кучкина, Т.А. Сумниковой // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 501–509.

³¹ Висоцький С.О. Іпатіївський літопис про Золоті Ворота у Києві та Володимирі // Український історичний журнал. № 2. 1980. С. 67–68.

³² Сергей, Архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2. Ч. 1. С. 367.

ны, имя которой носила жена Ярослава. Не исключено, что название этого храма перекликается также с названием возведенного Константином Великим собора посвященного св. Ирине («Святому Миру») в Константинополе³³.

Настаивая на том, что собор св. Георгия находился справа «пред враты Софии», а храм св. Ирины — слева от нее, Г.Н. Логвин объяснял это тем, что в такой последовательности княжеская чета стояла во время богослужения. «Такая архитектурно-художественная и идейно-символическая связь, — отмечает исследователь, — существовала между всеми составными частями градостроительной структуры Киева, начиная от общего расположения ворот, монастырских ансамблей и храмов, ширины улиц и до размеров храмов, главных нефов и всех куполов. Достаточно, по его мнению, сравнить размеры Золотых ворот и Софийского собора. Ширина проезда Золотых ворот и высота свода равны ширине и высоте главного нефа Софийского собора (7,7 м или четверть сакраментального греческого стофутного размера)»³⁴. Не в моей компетенции подтвердить или опровергнуть эти вычисления, но принять их к сведению все же следует.

Главной доминантой, сакральным средоточием «города Ярослава» был величественный храм св. Софии. Образ Софии Премудрости Божией, как известно, неразрывно связан с идеалом соборности, централизованной христианской державы, богохранимого царства: «Священная держава с ее единомысленными подданными и правильными устоями человеческого общежития есть еще один образ упорядоченного человеческого космоса, заградительной стены против хаоса»³⁵. Эта идея декларирована греческой надписью середины XI в. на алтарной арке Софии Киевской, заимствованной, как замечено впервые, кажется, о. И. Мейендорфом³⁶, из Книги

---

³³ Краутхаймер Р. Три христианские столицы. Топография и политика / Пер. Л.А. Беляева, А.М. Беляевой; послеслов. Л.А. Беляева. М.; СПб., 2000. С. 51.

³⁴ Логвин Г.Н. Искусство Киева конца X — середины XI в. // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев, 1987. С. 145.

³⁵ Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 36.

³⁶ Мейендорф И.Ф. Тема «Премудрости» в восточно-европейской куль-

Псалмов: «Бог посреди его; он не поколеблется: Бог поможет ему с раннего утра» (Пс. 45: 6). Адресованные Давидом Иерусалимскому храму, эти слова теперь как бы передариваются Софийскому собору и Киеву.

Литературными источниками киевской гномы послужили, как показал К.К. Акентьев, «Сказание о св. Софии» (867–886 гг.) и Послание патриарха Фотия армянскому каталикосу Захарии (862–866 гг.). Если первое из них относит этот стих непосредственно к св. Софии — Новому Храму, возведенному Новым Соломоном (императором Юстинианом), то второе — «ко всему городу Константинополю в целом как Новому Иерусалиму христианского мира, основанному Новым Давидом, Константином Великим, и ставшему воспреемником Иерусалима библейского, в котором исполнилось пророчество Давида о несокрушимости Божиего Града»³⁷.

Надпись, обрамлявшая образ Матери Божией в алтарной апсиде Св. Софии, «относила воспроизведенные ею слова Псалма 45: 6 одновременно и к самой Богородице как одушевленному храму Воплотившегося Логоса и прообразу Церкви Христовой, и к посвященному ей городу как земному подобию Небесного Иерусалима, и к данному церковному зданию, посвящаемому вселившейся в нее Премудрости и освящающему опекаемый ею город»³⁸.

В богословской экзегезе, еще со времен Ефрема Сирина (V в.) Богоматерь осмысливалась как центральный образ в плане Божьего Спасения и воплощение Небесного Иерусалима³⁹. Не случайно Богоматерь, как утверждается в одной из новелл Киево-Печерского патерика, вынашивала планы «поселиться» в Киеве: «Хощу церковь възградити себе въ Руси, въ Кіеве... Прииду же и сама видете

туре и ее наследие // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 245.

³⁷ *Акентьев К.К.* Мозаики Киевской Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Литургия, архитектура и искусство византийского мира: Труды XVIII Междунар. конгресса византинистов (Москва, 8–15 августа 1991) и другие материалы, посвященные памяти о. Иоанна Мейендорфа. Византинороссика. Труды Санкт-Петербургского Общества византино-славянских исследований. СПб., 1995. Т. 1. С. 77.

³⁸ *Акентьев К.К.* Мозаики Киевской Софии. С. 87.

³⁹ *Франк-Каменецкий И.Г.* Женщина-город в библейской эсхатологии // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сб. статей. Л., 1934. С. 538.

церкве и в ней хошу жити»⁴⁰. Зримой параллелью этим словам является мозаичная, в отблесках золотого сияния, композиция Богородицы Оранты, которая величественно возносится в молитве над изображением сцены причастия апостолов в киевском кафедральном соборе. Богоматерь изображается здесь как воплощение Церкви со всеми дарами Святого Духа как Слава мира. «Из ее природного естества, — отмечал о. С. Булгаков, — вытекает Ея софийное значение как блюстительницы всего творения, Царицы неба и земли. Этому соответствуют такие именованья как повелительницы морей, споритильницы хлебов, благоуханного цвета, хранительницы градов и царств»⁴¹.

Она мыслилась как небесная заступница Киева и всех христиан, отождествляясь с идеей божественной чистоты и святости. Слава ее девства выступает здесь метафорой непорочности и царственности, золотой славы охраняемого ее Города⁴². Она для него есть *Нерушимая стена*, о которой поется в Каноне св. Иосифа Песнопевца: «...радуйся, селение Бога и Слава; радуйся высшая Святого Святых; радуйся кивот позлощенный Духом, радуйся неистощимое сокровище жизни; радуйся драгоценный венец Царей благочестивых; радуйся досточтимая хвала иереев благовейных; радуйся непоколебимый столп церкви; радуйся *нерушимая стена царства* (выделено мной. — В. Р.), радуйся Ты, которою воздвигаются знамения победы, радуйся ты, которою ниспровергаются враги; радуйся, врачевание тела моего; радуйся спасение души моей; радуйся Невеста Невестная»⁴³.

Как здесь не вспомнить слова Илариона «да еже целованіе Архангел дасть Девици, будет и граду сему. К онои бо: „радуися обрадована! Господь с Тобою!“» (Лк. 1: 28). «К граду же: „радуися благоверныи граде! Господь с Тобою“»⁴⁴.

⁴⁰ Киево-Печерський патерик / Д. Абрамович. Київ, 1991. С. 6.

⁴¹ Булгаков С. Купина неопалимая. Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери. Париж, 1927. С. 206.

⁴² Аверинцев С.С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры. С. 49–51.

⁴³ «Канон Божией Матери» с «Акафистом» св. Иосифа Песнопевца // Богослужбные каноны на славянском и русском языках // Изд. Е. Ловягин. СПб., 1861. С. 266–267.

⁴⁴ Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. С. 98.

Идею небесного заступничества Богородицы отражает также помещенная в Повести временных лет под 1096 г. молитва, приписываемая⁴⁵ Владимиру Мономаху: «премудрости наставниче и смыслу давче, несмысленным казателю и нищим заступниче... Град Свой (Киев. — *В. Р.*) сохрани Девице, Мати чистая, иже о тебе верно царствует, да тобою крепиться и тебе ся надееть, побегать вся брани, испрометает противныя и творить послушанье»⁴⁶.

Своеобразной вербальной иконой, прославляющей Богородицу во время литургии, был древний по своему происхождению и невероятно богатый софиологическими мотивами Богородичный Акафист⁴⁷. Под его влиянием не в последнюю очередь и возник в христианской мысли средневековой Руси образ киевской Оранты — «Нерушимой стены». Как известно, кроме своего прямого предназначения городские стены символизируют также защиту христианства, его оплот. Городская стена как метафора христианского Города неразрывно связана с образом Богородицы. Ее непорочность символизирует целостность, неприступность и упорядоченность городского пространства. «Если Дева Мария есть „стена девам“, то она же в силу особой поэтической логики есть „стена“ и для девственного города, на чье девство посягает осаждающий его враг (поэтому же девственная Паллада хранила города языческой Греции, а неприступность языческого Рима была так связана с девственностью весталок). Стена города есть его „пояс“ и одновременно его „венец“ (то и другое — символы целомудрия)»⁴⁸.

С течением времени христианский символ Богородицы — Нерушимой Стены трансформировался в восточнославянском фольклоре в образ плачущей городской стены:

«...А ходила та мать Пресвятая Богородица
А плакала стена мать городовая
По той ли по вере христианская:
Будет на Киев град погибелье»⁴⁹.

---

⁴⁵ *Матъесен Р.* Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха // ТОДРЛ. 1971. Т. 26. С. 192–201.

⁴⁶ ПВЛ. С. 107.

⁴⁷ *Coltz H.* Der Hymnos Akathistos — eine Keimzelle russischer Spiritualität // Tausend Jahre Christentum in Russland: Zum Millenium der Taufe der Kiever Rus'. Göttingen, 1988. S. 773–801.

⁴⁸ *Аверинцев С.С.* К уяснению смысла. С. 47–49.

⁴⁹ *Веселовский А.Н.* Южнорусские былины. С. 266.

В письменной традиции, представленной, согласно наблюдениям М. Плюхановой, такими памятниками, как «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Казанская история», этому образу отвечает мотив девичьего плача на городской стене⁵⁰. В свою очередь, эта традиция восходит к старозаветным прототипам плача о разрушенном Иерусалиме: «...стена дочери Сиона! лей ручьем слезы день и ночь, не давай себе покоя, не спускай зениц очей твоих. Вставай, взывай ночью, при начале каждой стражи; изливай, как воду, сердце твое пред лицом Господа; простирай к Нему руки твои о душе детей твоих, издыхающих от голода на углах всех улиц» (Плач Иеремии, 2: 18–19).

Таким образом, если город, говоря словами Ю.М. Лотмана, «представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням»⁵¹, то выяснение их символического содержания открывает перспективу дальнейшего постижения исторического самосознания Киевской Руси, способы ее религиозно-политической самоидентификации и те созидательные символы, посредством которых это самосознание осуществлялось.

---

⁵⁰ Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 191.

⁵¹ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII. Семиотика города и городской структуры. С. 35.

Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание

Ярослав Мудрый — одна из главных фигур начального летописания: в Повести временных лет он — непосредственный продолжатель дела своего отца Владимира Святославича, дела христианского просвещения Русской земли. В текстах, посвященных этим князьям — просветителям Руси, усматривается определенное структурное единство: в частности, панегирики Владимиру и Ярославу содержатся в статьях, рассказывающих о церковном строительстве — Десятиной церкви под 996 г. и св. Софии Киевской под 1037 г. При этом панегирики дополняют друг друга — Владимир прославляется за христианское нищелюбие и княжескую щедрость, в том числе в отношении дружины, Ярослав — за заботу о духовных благах и любовь к книжной премудрости. Исследователи давно обратили внимание на содержательное и даже стилистическое единство панегириков Владимиру и Ярославу в летописи и «Слове о Законе и Благодати» Илариона, первого митрополита — русина, поставленного при Ярославе в 1051 г.: предполагалось даже, что сам Иларион принимал участие в составлении летописи¹. И хотя сопоставление князей-просветителей с Соломоном и Константином Великим было общим местом христианских панегириков, равно как наименование вновь крещеного русского народа «новым» соответствовало каноническим представлениям о «работниках одиннадцатого часа»², распространенным со времен А.А. Шахматова остается общее представление о «мирских интересах», которыми руководствовались составители этих текстов.

---

¹ См. об этом: Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 88 и сл.

² Топоров В.Н. Работники одиннадцатого часа («Слово о законе и благодати» и древнерусские реалии // *Он же*. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. I. С. 257–340.

Соответственно, и «Слово» Илариона, и летописные своды должны были обслуживать некий идеологический заказ, а «заказчики» легко обнаруживаются в соответствующих текстах: так, А.А. Шахматов предполагал, что реконструируемый им Древнейший свод завершался статьей 1037 г.; есть и предположения о еще более древнем своде, завершавшемся статьей 996 г. Эти предположения остаются, конечно, гипотезами, ибо бросаются в глаза лакуны, относящиеся как раз к периоду между 997 и 1015 — годом смерти Владимира Святославича, равно как и скудость известий между 1026 и 1036 гг., а также известий о 1040-х гг., в том числе о международных связях Руси, которыми не пренебрегали летописцы и которыми славился Ярослав. Заметим, что в панегирике Владимиру как раз под 996 г. говорится: «И бе живя с князи околними миромь, с Болеславом Лядьскимь, и с Стефаном Угрьским и с Андрихом Чешьскимь»³, и эта информация никак не может относиться к 996 г., ибо Стефан и Андрих еще не были тогда правителями, последний стал править лишь в 1012 г.⁴ В.Т. Пашуто относил составление статьи к концу правления Владимира⁵.

Это означает, что статья 996 г. не была собственно «летописной», а объединяла события нескольких лет, что было вообще присуще ранним сводам, составлявшимся в «хронографической манере». Более того, стилистически эта статья как бы подытоживает все правление Владимира: «И живяше Володимерь по устроенью отню и дедню»⁶. Текстологически это завершение оказывается как раз «на месте», ибо следующая статья 997 г. об осаде печенегами Белгорода и белгородском киселе — явно вставная: она отсутствует в Новгородской первой летописи (НПЛ), которая служит коррелятом для выявления ранних летописных текстов ПВЛ; далее следуют статьи из синодика — о преставлении князей, и, наконец, статья 1014 г., начинающаяся словами «Ярославу же суще Новегороде». И хронологически, и композиционно эта статья продолжает статью 996 г. о том, как Владимир жил в мире с окольными князьями и правил по «устроенью отню и дедню». И в самом деле, речь все еще идет о княжении Владимира, и этот текст, очевидно, не был разбит на погодные записи в предполагаемом Древнейшем своде.

---

³ ПВЛ. С. 56.

⁴ Там же. Комментарий. С. 467.

⁵ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 34.

⁶ ПВЛ. С. 56.

Рассказ о правлении Ярослава в Новгороде при жизни отца чрезвычайно важен для понимания тенденций составления летописного текста. «Ярославу же сущу Новегороде, и уроком дающе Киеву две тысяче гривень от года до года, а тысячу Новегороде гридемь раздаваху. И тако даяху вси посадници новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше (в Ипатьевской летописи — поча сего не даяти) к Киеву отцю своему. И рече Володимер: „Требите путь и мостите мость“, — хотяшетъ бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболеся». Далее в тексте, вероятно, следовала дата 1015 г., ибо этот текст начинается с характерного повтора: «Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе варягы, бояся отца своего; но Бог не вдасть дьяволу радости (курсив мой. — В. П.). Володимеру бо разболевшюся, в се же время бяше у него Борисъ. Печенегом идущемь на Русь, посла противу имь Бориса, самъ бо боляше велми, в ней же болести и скончася месяца иуля в 15 день»⁷. Далее в статье говорится о тайных похоронах князя, ибо Святополк был в Киеве; следует посмертный панегирик Владимиру — новому Константину и повествования о княжении Святополка в Киеве и «об убиении Борисовом» захватившим власть Святополком.

А.А. Шахматов относил «новгородские» вставки, в том числе описание конфликта Владимира и Ярослава, к еще одному выделяемому им Новгородскому своду 1050 г. Но фраза «Бог не вдасть дьяволу радости» обнаруживает единую тенденцию, объединяющую «киевские» и «новгородские» тексты. Статья 1015 г. как бы заранее «сочувствует» Ярославу: Бог не дал дьяволу радости — войны между отцом и сыном. Это при том, что почитание отца и даже старшего брата «в отца место» является одной из главных христианских добродетелей, о которой постоянно напоминает князьям летопись, в том числе и в одном из главных сюжетов — рассказе об убиении Бориса и Глеба, не поднявших руки на старшего брата. Между тем Ярослав не просто проявил непослушание: он не дал Киеву дани, которую обязаны были платить все посадники (в НПЛ — все князья новгородские) по уставу, данному еще князем Олегом «мира деля»⁸. Боясь отца, Ярослав призвал варягов, которые, помимо гридей самого Ярослава, и получали плату вместо киевской администрации. Видимо, такой расклад устраивал

---

⁷ ПВЛ. С. 58.

⁸ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 70 и сл.

новгородцев, несмотря на естественные конфликты, которые возникают в городе, где стоит иноземное войско. Во всяком случае, после такого конфликта, когда новгородцы «избили» варягов, а Ярослав отомстил «лучшей тысяче» новгородцев, князь сумел собрать войско из тех и других, чтобы отправиться против Святополка, к тому времени не только захватившего киевский стол, но и расправившегося с братьями Борисом, Глебом и Святославом.

О греховном происхождении Святополка и нелюбви к нему отца — Владимира — летопись извещала заранее, под 980 г. Однако русские летописцы ничего не знают о конфликте Владимира и Святополка, упомянутом современником — Титмаром Мерзебургским, о заключении Святополка и пр. Это может свидетельствовать о том, что летопись опиралась на предание, но не на актуальную информацию — летописцу незачем было скрывать сложные отношения между отцом и сыновьями. Так или иначе, Святополк получил поддержку киевских и вышгородских бояр — им не нужны были иные претенденты на киевский стол, которые привели бы с собой новую администрацию, особенно варягов Ярослава. Напротив, новгородцы готовы были выступить против киевского князя, агрессией которого пугал их Ярослав — ведь они и так были должниками Киева. Этот конфликт «административный» очевиден уже при первом столкновении ратей Ярослава и Святополка у Любеча (под 1016 г.), где старый воевода Владимира Волчий Хвост выступает на стороне Святополка и попрекает новгородцев, как киевских холопов — плотников⁹. После того, как разбитый при Любече Святополк при помощи своего тестя Болеслава Польского возвращает себе Киев, Болеслав, покидая Киев, уводит в плен бояр Ярослава (и сочувствовавшую ему сестру Передславу), а также прельщенного богатством старого «эконома» Анастаса Корсунянина.

Такова канва исторических событий, реконструируемых на основании ПВЛ и НПЛ. При этом, информация о боярах Ярослава отсутствует в НПЛ, и вообще рассказ о борьбе Ярослава и Святополка после битвы при Любече опущен, в том числе нет рассказа о вторичном обращении Ярослава к помощи варягов и новгородцев (что делает сомнительной реконструкцию А.А. Шахматовым некоего Новгородского свода). Составителя НПЛ интересует другое: он помещает под тем же 1016 г. рассказ о плате победителям — новгородцам и о пожаловании им правды, равно как и сам текст

---

⁹ Что отмечает Новгородская первая летопись (НПЛ. С. 175).

Русской правды, редакция которого, по М.Н. Тихомирову, относится к XIII в.¹⁰ Как предполагал А.А. Шахматов¹¹, первоначально гипотетический Новгородский свод содержал собственно грамоту Ярослава, данную новгородцам.

Однако сокращение составителем НПЛ статей 1016–1019 гг. не только представляется достаточно «неуклюжим», но и создает дополнительные текстологические проблемы, в том числе и в отношении Начального свода, в целом надежно реконструируемого на основе сравнительного анализа текстов НПЛ и ПВЛ. В НПЛ говорится, что у Любеча в 1016 г. «видяху аггелы божиа помогающа Ярославу... бежа Святополкъ в печенеги, и бысть межи Чахы и Ляхы, никим же гонимъ пропаде оканныи, и тако зле живот свои сконча», концовка же рассказа — «яже дымъ и до сего дни есть»¹² — вообще неясна в силу порчи текста. Текст ПВЛ, повествующий о бегстве Святополка после поражения уже на реке Альте в 1019 г. и о его испускающей смрад могиле в пустыне между «чехами и ляхами», в НПЛ переиначен и испорчен, вероятно, в XIII в. Но и текст того же сюжета в ПВЛ нельзя относить к Начальному своду, ибо рассказ о бегстве Святополка явно восходит к повествованию о бегстве Антиоха «Гордого», на что обратил внимание (вслед за Г.М. Барацем) И.Н. Данилевский. Однако источником летописи была не собственно II книга Маккавеев, а Хроника Георгия Амартола (источник едва ли не большей части летописных цитат и парафразов из Библии)¹³. Составитель Начального свода, как убедительно предположил А.А. Шахматов, не пользовался Хроникой Амартола — он опирался на Хронограф по великому изложению, так что отнесение этого текста к Начальному, или, тем более, Древ-

---

¹⁰ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской правде. М.; Л., 1941. С. 39 и сл.

¹¹ Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 175.

¹² НПЛ. С. 175.

¹³ Неясно, почему И.Н. Данилевский (*Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов*. М., 2004. С. 68–69, 304–305) отрицает здесь воздействие Хроники на текст русской летописи, настаивая на библейском источнике — II книге Маккавеев, перевод которой не был известен в домонгольской Руси. Ср. также о цитировании Хроники Амартола: Милютенко Н.И. История сложения Паримийного чтения Борису и Глебу // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. LVI. С. 133–134.

нейшему своду в реконструкции А.А. Шахматова¹⁴, едва ли приемлемо. Можно предполагать даже, что исходной для НПЛ была Ипатьевская редакция, ибо там говорится о могиле Святополка «межи Чахы и Ляхы», а грешные убийцы Глеба должны «изыще(з)юще ако дым погибнуть»¹⁵. Заметим, что при конструировании бесчисленных детективных историй, связанных с распрями сыновей Владимира, следует учитывать, в первую очередь, текстологию летописных известий.

Последующие погодные записи, сохранившиеся в ПВЛ и повествующие о перипетиях княжения Ярослава в Киеве и Новгороде, соперничестве его с Мстиславом, наконец, об обретении им единовластия, также относятся А.А. Шахматовым к Древнейшему своду, который завершается статьей 1037 г. о заложении Ярослава города в Киеве, митрополии — святой Софии и панегириком князю-просветителю.

Эта статья действительно выглядит «рубежной», но мы могли убедиться, что такая же «рубежная» статья 996 г. не представляет собой окончания какого-либо свода¹⁶. Под 1015 г. содержится еще один — посмертный — панегирик Владимиру. Показательно, что в летописи нет посмертного панегирика Ярославу. Под 1054 г. содержится иной — правовой — текст «ряда» Ярослава, оставленного сыновьям. Текстологические связи этого пассажа хорошо выявляются: заповедь «не преступать¹⁷ предела братнего» соотносится как с библейским образцом — «жребиями» сыновей Ноя, — данным в космографическом введении к ПВЛ, так и с последующей статьей 1073 г., обличающей младших Ярославичей, Святослава и Всеволода в том, что они преступили все же «предел братень» и «заповедь отню», изгнав старшего Изяслава из Киева¹⁷. Дьявол

¹⁴ Шахматов А.А. История русского летописания. С. 398.

¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 123.

¹⁶ Сведение причин составления первых летописных сводов к эсхатологическим мотивам (см.: Данилевский И.Н. Повесть временных лет. С. 257 и сл.) даже при совпадении конкретных дат (1037 г.) со средневековыми расчетами вызывает справедливые возражения (ср.: Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 350). Для строительства нового города в Киеве в 1037 г. большее значение имела смерть соперника Ярослава Мстислава в Чернигове, сделавшая новгородского князя единовластцем в Русской земле.

¹⁷ Петрухин В.Я. Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. LVII. С. 33–41.

воздвиг эту «катору», инициатором каковой был Святослав, лестью «взостривший» Всеволода на старшего брата, замечает под 1073 г. летописец.

Всеволод же выступает в статье 1054 г. как любимый сын Ярослава, пребывающий при умирающем отце. И в посмертном панегирике Всеволоду под 1093 г. летописец передает предсмертные слова Ярослава, желающего, чтобы его любимый сын, если он «примет власть» отцовского стола «по братьи своей, с правдою», покоем в Киеве рядом с ним. «Се же сбыться глагол отца его», заключает летописец¹⁸. Статья 1093 г. оказывается опять-таки «рубежной» в системе А.А. Шахматова — она завершает т. н. Начальный свод.

Критик построений А. А. Шахматова В. М. Истрин, отрицавший существование Древнейшего свода, считал, что первый летописный свод был составлен при Изяславе Ярославиче. А.Н. Насонов заметил, однако, что точные даты появляются в летописи под 1061 г. не в связи с правлением Изяслава, а в связи с деяниями Всеволода, впервые выступившего против половцев¹⁹. Насонов чрезвычайно осторожно предполагал, что статьи, составленные летописцем Всеволода во «Всеволоже» Выдубицком Михайловском монастыре могли быть включены в Начальный свод. Можно заметить, однако, что весь Начальный «Печерский» свод составлялся в соответствии с всеволодовой «редакцией» княжеского права. Если искать следы пресловутых «мирских интересов», которые водили рукой летописца, то очевидно, что выделение в Начальном своде трех Ярославичей, включая младшего — Всеволода, как вершителей судеб Русской земли, исключение из числа претендентов на главные столы потомков старшего и младших братьев, было необходимо, в первую очередь, Всеволоду. Пожалуй, впервые эта тенденция определенно дает себя знать в статье 1053 г. Начального свода, где упоминается рождение единственного из внуков Ярослава: «А у Всеволода родися сын Володимирь от цесарице Грекине»²⁰. В меньшей мере эта тенденция очевидна в сочувствии летописца Ярославу, выступившему в 1014 г. против отца, но про-

---

¹⁸ ПВЛ. С. 91.

¹⁹ Насонов А.Н. История русского летописания. XI — начало XVIII в. М., 1969. С. 48.

²⁰ НПЛ. С. 181.

является в полной мере, когда речь в заключительной статье Начального свода заходит о состарившемся Всеволоде Ярославиче и о том, что «печаль бысть ему от сыновець своих», требовавших себе волостей.

Что касается текстов, предшествующих Начальному своду — будь то «сказания о первых русских князьях» или тексты, связанные с началом христианства на Руси, — то можно осторожно предполагать их фиксацию при Ярославе в «хронографической манере». Некоторым основанием для этого может служить то обстоятельство, что «прениям о вере» и «Речи Философа» не свойствен жесткий антилатинский ригоризм, который присущ другому летописному тексту — Корсунской легенде с обвинениями латинян в непочитании икон, изображении на земле и попирании креста, брачной невоздержанности и т. п.²¹ Можно предположить, что «прения» восходят к традиции, сложившейся до схизмы 1054 г., которая привела к ожесточенной греко-латинской полемике. Но реконструкция такого хронографа — тема другой работы.

Сейчас заметим, что собственно текстологические задачи по исследованию истории начального летописания постоянно осложняются традициями «исторической» школы — стремлением непременно отыскать «авторов» (и «заказчиков») летописных сводов при том, что сами эти «авторы», включая Нестора, не называли себя. Это отношение к авторству характерно для летописцев, в том числе и для византийских хронистов, подчеркивавших свою «греховность», как Георгий Амартол и как сам летописец, завершающий свое повествование о казнях Божиих под 1093 г.²², — ведь они не были «авторами» фиксируемой ими истории.

Тем не менее, очевидные следы индивидуальной — авторской и редакторской — работы прослеживаются в летописных текстах, что естественно «провоцирует» на поиск тех исторических персонажей, которые могли участвовать в составлении этих текстов. Одним из таких авторов со времен А.А. Шахматова считается Никон Великий — один из основателей Киево-Печерского монастыря (поселился вместе с Антонием в пещерке на берегу Днепра в 1058 г.). Никон был книжником — и не только читал «из книг», поучая братию, но и «делающу книги», нити для переплетения которых плел сам Феодосий Печерский. Но «делание» и даже «писание» книг

---

²¹ Ср.: Шахматов А.А. История русского летописания. С. 105 и сл.

²² ПВЛ. С. 95.

еще не означает составления летописи (ср. проблему участия Сильвестра в начальном летописании).

Увязать работу Никона с составлением начальной летописи А.А. Шахматову удалось в результате текстологических наблюдений²³. Целый пласт летописных известий, повествующих о событиях в Киеве и Тмутаракани в 1061–1073 гг., составлен, по его мнению, с позиций очевидца, представляет погодные записи (иногда с упоминанием дня): в целом, эти записи соотносимы со временем пребывания Никона в Тмутаракани и Киеве. Поиски иных следов работы Никона над летописью привели уже к более сомнительным гипотезам, не связанным с собственно текстологией. Поскольку тмутараканские сюжеты связаны с хазарами, то и рассказ о хазарской дани с полян, атрибутируются Никону. Ему же Д.С. Лихачев²⁴ был склонен приписывать и новгородскую легенду о призвании варягов, которую должен был поведать летописцу новгородец Вышата, бежавший в Тмутаракань в 1064 г. вместе с князем-изгоем Ростиславом Владимировичем, и прочие новгородские известия, включая сообщение о восстании волхвов (под 1071 г.). Тут можно вспомнить и о том, что Ростислав назвал своего сына Рюриком, демонстрируя «старейшинство» новгородского стола. С работой Никона увязывается и Корсунская легенда о крещении (ибо он мог по пути в Тмутаракань посетить и Корсунь)²⁵ и т. д.

В концепции А.А. Шахматова — М.Д. Приселкова — Д.С. Лихачева, Никон оказывается создателем собственно русского летописания: им введена система погодных записей, рассказано о происхождении Киева и русской княжеской династии. Более того, если продолжить эту концепцию и признать, что Никон объединил трех варяжских князей родством, то шахматовская реконструкция свода 1073 г., начинающаяся рассказом о трех братьях — основателях Киева и трех варяжских князьях и завершающаяся рассказом о «каторе» трех Ярославичей с написанием о заповеди не нарушать «предела братня», будет выглядеть вполне законченной.

Что касается авторства Никона, то проблема осложняется тем, что «точные» тмутараканские известия не прекращаются с возвра-

---

²³ Шахматов А.А. История русского летописания. С. 291 и сл.

²⁴ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1949. С. 92–93.

²⁵ Ср.: Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 120 и сл.

щением Никона в Киев (где он стал игуменом Печерского монастыря в 1078 г. и управлял им до смерти в 1088 г.). Летопись продолжает внимательно следить за тмутараканскими князьями-изгоями, угрожающими Русской земле (под 1077, 1078, 1079, 1081 гг.), с той же проповедью братней любви. Показательно, в частности, что под 1079 и 1083 гг., летопись сообщает и о **хазарах**, которые обвиняются в убийстве «советом» Романа Святославича (князя убили союзные ему половцы после неудачного похода на Русь), в пленении и ссылке в Царьград Олега. Вернувшись в Тмутаракань, Олег расправился с хазарами (1083 г.) — это последнее упоминание о них в летописи. При этом ни хазары, ни Тмутаракань не представляли самостоятельного интереса для русского летописания: летопись не знает ни времени, когда Тмутаракань оказалась под властью Руси (Владимир сажает туда Мстислава — под 988 г. — когда город уже был русским), ни даже времени потери этого города. Более того, тмутараканские известия 1065–1066 гг. о Ростиславе разделены рассуждением очевидцев, которые видели комету и другое знамение — уродца, выброшенного на берег из **киевской** речки Сетомли. Вставной характер этого пассажа, вводимого фразой «в си же времена» (так же вводится и рассказ о волхвах под 1071 г.), его связь с известием 1065 г. о начале рати Всеслава, при том, что сама комета, по данным астрономии, была видна в апреле 1066 г.²⁶, не снимает проблемы. Напротив, появляются основания предполагать, что текст о Ростиславе Тмутараканском не был разбит на погодные записи, по М.Х. Алешковскому, они появились лишь у печерского составителя ПВЛ не ранее 1091 г.²⁷ Сам А.А. Шахматов предполагал, что свидетельство многих очевидцев, которые видели («позоровахом») чудо в Сетомле, отражает «совокупную работу» братии над монастырской летописью²⁸.

Непросто увязать напрямую с Никоном и ранние тмутараканские известия: знаменитый рассказ 1022 г. о единоборстве Мстислава и Редеди едва ли являет собой запись тмутараканского «фольклора». Это **церковное** предание об основании обетной церк-

---

²⁶ Ср. комментарий Д.С. Лихачева: ПВЛ. С. 492–493.

²⁷ Ср.: Алешковский М.Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. С. 140–142, 154.

²⁸ Шахматов А.А. История русского летописания. С. 291 и сл.

ви Богородицы в Тмутаракани, которое тождественно по структуре другим летописным преданиям, в том числе преданию об основании Переяславля (на месте поединка с печенежином, 992 г.) и церкви Преображения в Василеве (996 г.).

Сказание о хазарской дани с полян и вовсе не имеет отношения к Тмутаракани, зато вписывается во вполне книжный контекст Начальной летописи — завершает космографическое введение к ПВЛ. В реконструкцию Первого Печерского свода 1073 г., приписываемого Никону, А.А. Шахматов не включил космографическое введение, начав восстанавливаемый текст о начале Русской земли прямо с рассказа о Кие, Щеке и Хориве, который возводил к Древнейшему своду 1037 г. Поэтому уникальным оказывается и библейский комментарий к сказанию о хазарской дани, где русский книжник сравнивает грядущее освобождение от хазарской дани с освобождением евреев из египетского плена — далее, вплоть до рассказа о крещении Ольги (где опять-таки упоминается спасение Моисея от фараона) такого комментария нет. Конечно, библейские ассоциации могли возникнуть у Никона, знавшего о хазарской дани со славян и о том, что «владеють бо Козары Рустии кънязи и до днешняго дъне» в Тмутаракани. А.А. Гиппиус предположил, что именно библейский комментарий был вставкой к легенде о хазарской дани, читавшейся, вопреки А.А. Шахматову, уже в Древнейшем своде²⁹.

Реконструируемый же А.А. Шахматовым свод 1073 г. завершается опять-таки библейским комментарием, непосредственно связанным с историей Русской земли в целом: распри трех Ярославичей ассоциируются с преступлением потомков Хама — «преступиша сынове Хамове на землю Сифову и по 400 лет отъмщение прияша от Бога; от племени бо Сифова суть евреи, иже избиша Хананейско племя, въсприяша свои жребии и свою землю; паки преступи Исав заповедь отъца своего и прия убийство; не добро бо есть преступати предела чюжого»³⁰. Этот комментарий напрямую отсылает к летописной «заповеди» («наряду») Ярослава сыновьям «не преступати предела братня» (под 1054 г.), которая, по А.А. Шахматову, также составлена Никоном. С. Франклин показал, что заповедь эта цитирует слова Исаака (брата Исава), сказанные

---

²⁹ Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игореви... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian linguistics*. 2001. Vol. 25. С. 154–155.

³⁰ Ср.: ПВЛ под 1073 г.

12 сыновьям в известном псевдоэпиграфе «Книга юбилеев» (или «Малое бытие», XXXVI, 1–12)³¹. Но «Книга юбилеев» цитируется также в другом, не менее показательном для истории Ярославичей фрагменте — в космографическом введении, где «Сим же и Хам и Афет, разделивше землю, жребьи метавше, не преступати никому же в жребий братень». Далее тот же источник используется для описания Вавилонской башни и расселения языков (среди которых летописец помещает словен, севших на Дунае, и оттуда дошедших до Днепра — «и нарекошася поляне» и т. д.).

Русский книжник использовал библейскую традицию последовательно, а не только для иллюстрации русских событий, связанных с хазарской данью или распрями трех Ярославичей³²: в этом библейском контексте и легенда о хазарской дани как об освобождении от египетского плена оказывается «на месте», ибо расселение славян в Среднем Поднепровье, в будущей Русской земле, изображается как обретение Земли обетованной после Исхода. Такой подход был свойствен уже древнейшей русской книжности: ср. «Слово о Законе и Благодати» Илариона (показательно, что «романтическая» гипотеза М.Д. Приселкова отождествляет Илариона с Никоном в монашестве).

Летописцу не была известна собственно «Книга юбилеев» — он пользовался хронографической компиляцией, которую В.М. Истрин назвал Хронографом по великому изложению. В.М. Истрин усматривал в Хронографе образец для Начальной летописи, составленной в княжение Изяслава Ярославича в 1050-е гг. Очевидно, что Хронограф действительно был образцом для текста, завершающегося летописным известием 1073 г. и актуализировавшего «исторический» мотив трех братьев — от деления земли между сыновьями Ноя до правления трех Ярославичей: комментарий из Хронографа дан и к «киевской» статье о знамениях 1065 г. Но очевиден ли «перерыв» в летописной традиции после того, как предполагаемый обличитель Святослава, «преступившего заповедь от-

---

³¹ *Franklin S.* Some apocryphal sources of Kievan Russian Historiography // *Oxford Slavonic papers*. 1982. Vol. 15. P. 14–15.

³² Ср.: *Senderovich S.* Начало восточнославянской историографии с культурологической точки зрения: «Повесть временных лет» и Священная История свреев // *Jews and Slavs*. Jerusalem. 1994. Vol. 2. P. 21–57; *Петрухи В.Я.* История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в «Повести временных лет» // ДГ. 2001 год. М., 2003. С. 93–113.

ню», Никон вновь удалился из Киева в Тмутаракань? На первый взгляд — да, ибо под 1074 г. в летописи помещен совершенно самостоятельный текст о Феодосии Печерском. Однако текст этот разрывает (хотя и кстати) статью об основании Печерской церкви, продолжающуюся снова обличением Святослава под 1075 г., который, «величаяся», показывал немецким послам свое богатство, и это обличение вновь сопровождается библейским комментарием об Иезекии, хваставшимся перед послами ассирийскими. А.А. Шахматов должен был и этот текст приписать Никону, опираясь уже на соображение о свойственных ему книжных параллелях³³, что уже совершенно размывает реконструируемый им свод 1073 г.

Что касается мотива «трех братьев», на первый взгляд характеризующего «свод 1073 г.», то нельзя забывать о его актуальности для Нестора-летописца: в «Житии Феодосия Печерского» распря трех Ярославичей характеризуется словами, близкими летописным («бысть в то время съмятение некако от всьлукавааго врага в трех князьях»)³⁴. Нестор, описавший жизненные перипетии Никона в том же житии, ничего не сказал о его занятии летописью.

Лейтмотив братних «котор» и любви, как уже говорилось, характерен и для последующих пассажей — речей и «плачей» об Изяславе Ярославиче под 1078 г.³⁵, его сыне Ярополке под 1086 г.³⁶, наконец — о Всеволоде Ярославиче под 1093 г.³⁷. Это повествование завершается рассказом о приглашении Владимиром Всеволодовичем Святополка Изяславича на киевский стол и о недальновидной агрессивности киевского князя: «Володимер хотяше мира, Святополк же хотяше рати» с половцами — знакомый мотив несогласия князей. Поражение русских князей, опять троицы — киевского Святополка, черниговского Владимира и переяславского Ростислава, — заставляет летописца вновь обратиться к мотивам казней Божиих, как это было сделано под 1068 г. после рассказа о поражении трех Ярославичей.

Эти наблюдения в целом подтверждают давно обнаруженное единство летописных текстов, связанных с Ярославичами и компо-

---

³³ Шахматов А.А. История русского летописания. С. 294.

³⁴ БЛДР. Т. 1. С. 418, 420

³⁵ ПВЛ. С. 86

³⁶ ПВЛ. С. 88.

³⁷ ПВЛ. С. 91–92.

зиционное единство летописного текста в целом, именуемого со времен А.А. Шахматова Начальным сводом, который и завершается статьей 1093 г. с характерной «авторской» фразой: «Се бо аз грешный и много и часто Бога прогневаю, и часто согрешаю по вся дни»³⁸. В сравнении с шахматовской реконструкцией, ныне Начальный, или Печерский свод, составлявшийся неким черноризцем или черноризцами Киево-Печерского монастыря в княжение трех Ярославичей, Изяслава, Святослава и Всеволода, должен быть пополнен космографической частью с повествованием о жребиях трех сыновей Ноя.

Композиционная завершенность реконструируемого текста Начального свода представляется очевидной, потому что его концовка — мотив казней Божиих — «риторически» соотносится с началом, Введением, которое сохранила Новгородская первая летопись. Проблема «Введения» к Начальному своду выглядит ныне более сложной, ибо собственно введение к НПЛ содержит отсылку к некоему тексту, повествующему «о начале Русской земли и о князех, како откуду быша»³⁹. Этот вопрос — не праздный в отношении рассматриваемых текстов о Ярославичах, так как в рассказах о княжеских «котожах» речь шла о праве «причастия в Русской земле»⁴⁰: Тмутаракань (а затем и Червенские города) — удел изгоев. Парадигма единовластия, свойственная эпохе Владимира Святославича и Ярослава, сменилась при Ярославичах представлениями о коллективном сюзеренитете братнего рода над Русской Землей; для третьего Ярославича важен был исторический основополагающий прецедент. Вероятно, свод, составлявшийся при Всеволоде Ярославиче, начинался знаменитыми словами «Откуду есть пошла Руская земля» и содержал легенду о призвании трех варяжских князей, т. е. представлял собой первую редакцию Повести временных лет.

---

³⁸ ПВЛ. С. 95.

³⁹ НПЛ. С. 103.

⁴⁰ ПВЛ. С. 85.

«И прекладаша отъ грекъ на словеньскыи языкъ»

Повесть временных лет в статье под 6545 (1037) годом рассказывает об обустройстве Киева князем Ярославом (Мудрым). Сообщив о градостроительной деятельности князя, о его заботе о церковном строительстве, о монастырях, о создании им церковных уставов, летописец переходит к повествованию о просветительской деятельности князя: «И книгам прилежа почитая часто. в днь и въ нощи. и собра писце многы. и прекладаше от Грекъ на Словеньскыи языкъ. и писмя. и списаша многы книги»¹. Естественное понимание текста «и прекладаше от грек на словенский язык» как свидетельства о переводческой практике при Ярославе Мудром подверглось в наши дни сомнению² вследствие раритетности употребления глагола «прекладаше» в значении «переводить», являющегося, по-видимому, гапаксом в древнерусской письменности³. Справедливости ради, правда, следует отметить, что большинство подобного рода контекстов единичны в известных нам памятниках древнерусской письменности. Верифицировать же указанное сообщение Повести временных лет представляется возможным другим путем — через анализ сохранившихся и известных нам реальных рукописных материалов. Естественно при этом, что необходимо сделать поправку в количественных характеристиках на то, что от эпохи Ярослава Мудрого сохранилась лишь малая толика

---

¹ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 139.

² *Thomson F.* The Difference between the Reception of Byzantine Culture in Medieval Bulgaria and in Medieval Russia // *The 17th International Byzantine Congress. Abstracts of Short Papers.* Washington D. C., 1986. P. 349; ср.: *Franklin S.* The Reception of Byzantine Culture by the Slavs // *The 17th International Byzantine Congress. Major Papers.* N.-Y., 1986. P. 383–397.

³ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. 2. С. 1653.

«И прекладаша отъ грекъ на словеньскыи языкъ»

Повесть временных лет в статье под 6545 (1037) годом рассказывает об обустройстве Киева князем Ярославом (Мудрым). Сообщив о градостроительной деятельности князя, о его заботе о церковном строительстве, о монастырях, о создании им церковных уставов, летописец переходит к повествованию о просветительской деятельности князя: «И книгам прилежа почитая часто. в днь и въ нощи. и собра писце многы. и прекладаше от Грекъ на Словеньскыи языкъ. и писмя. и списаша многы книги»¹. Естественное понимание текста «и прекладаше от грек на словенский язык» как свидетельства о переводческой практике при Ярославе Мудром подверглось в наши дни сомнению² вследствие раритетности употребления глагола «прекладаше» в значении «переводить», являющегося, по-видимому, гапаксом в древнерусской письменности³. Справедливости ради, правда, следует отметить, что большинство подобного рода контекстов единичны в известных нам памятниках древнерусской письменности. Верифицировать же указанное сообщение Повести временных лет представляется возможным другим путем — через анализ сохранившихся и известных нам реальных рукописных материалов. Естественно при этом, что необходимо сделать поправку в количественных характеристиках на то, что от эпохи Ярослава Мудрого сохранилась лишь малая толика

---

¹ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 139.

² Thomson F. The Difference between the Reception of Byzantine Culture in Medieval Bulgaria and in Medieval Russia // The 17th International Byzantine Congress. Abstracts of Short Papers. Washington D. C., 1986. P. 349; ср.: Franklin S. The Reception of Byzantine Culture by the Slavs // The 17th International Byzantine Congress. Major Papers. N.-Y., 1986. P. 383–397.

³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. 2. С. 1653.

памятников книжности. Тем ценнее для нас дошедшие свидетельства и памятники.

Статистика, касающаяся XI в., указывает на имеющиеся в наших собраниях 10 древнеславянских книг, 22 древнерусских, 1 болгарскую, т. е. всего 33 книги⁴. Концом XI в. (или началом XII) датируются 3 известные старославянские, 12 русских, 1 болгарская и 1 сербская — всего 17 рукописей.

Показательным является широкий географический ареал переписки книг в XI в. Известные нам рукописные памятники нередко содержат колофоны с именами создателей книг⁵. Так, новгородское Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. указывает писца киевлянина дьякона Григория. Путятина Минея XI в. также локализуется Новгородом. Хранящееся в РГБ Архангельское Евангелие 1092 г. писано Завидом. Известны сохранившиеся фрагментарно Туровское Евангелие XI в. (10 листов в Центральной Библиотеке АН Литвы) и Синайский Патерик конца XI в. (ГИМ).

Число известных рукописей конца XI в. (чаще рубежа XI–XII вв. или XI–XIII вв.) возрастает⁶. Укажем на почти два десятка подобных списков Минея XI–XII в.: это — два Типографских списка Минея за сентябрь, четыре — за январь, три — февраль, три — апрель, три — за май, два — за июль и два — за август. Следует упомянуть два списка XI–XIII вв. Постной Триоди и два — Цветной, восемь списков Стихирарей XI–XIII вв., три — Кондакарей того же времени.

Толковая Псалтырь также сохранилась во фрагментах XI в. (РНБ, Q. п. I. 73), как и Евгеньевская Псалтырь — в отрывке XI в. (РНБ, Погод. 9). Еще одним памятником XI в. является Чудовская Псалтырь (ГИМ, Чуд. 7).

Что касается переводческой деятельности, то в русских списках XI в.⁷ сохранились апокрифическое Житие Феклы (РНБ, По-

---

⁴ Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XII вв. Л., 1978. С. 34; ср.: Волков И.В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV вв. СПб., 1897.

⁵ Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. С. 10–66. Ср.: Розов Н.Н. Русская рукописная книга. Л., 1971. С. 29 и сл.

⁶ Сапунов Б.В. Книга в России. С. 64–67.

⁷ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. Ср.: Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1956. С. 142–162.

год. 63), Поучение Кирилла Иерусалимского (первой половины XI в.: Одесск. библ. 1/533), Огласительные поучения того же Кирилла Иерусалимского (конец XI — начало XII в.: ГИМ, Син. 478), Поучение Ефрема Сирина (БАН) и Творения Иоанна Златоуста («Златоструй»: РНБ, Q. n. I. 74).

К XI в. на Руси были известны памятники кирилло-мефодиевской переводческой традиции — Евангельские и Апостольские чтения, Псалтырь, Часослов, Паремийник, Праздничные каноны Иоанна Дамаскина и Косьмы, литургические тексты и др. Непосредственно при Ярославе Мудром получили распространение такие переводные памятники, как службы избранным святым Феофана Никейского (IX в.) и Иосифа Песнописца (ок. 887 г.), Триодь Феодора и Иосифа Студитов; в конце XI в. — службы Феодосию, Георгию, Борису и Глебу. С 1053 г. в церковной практике на Руси утверждается осмогласие, и в XI в. получают распространение Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого. Ярослав установил в 1037 г. праздник св. Георгию Победоносцу, с чем связано создание соответствующих служебных текстов; позже, с 9 мая 1092 г., устанавливается важный для Руси праздник св. Николая в ознаменование переноса мощей святителя из Мир Ликийских в Бари.

Важнейшие свидетельства о служебных книгах содержат монастырские уставы этого времени⁸. В Лаврентьевском летописном списке под 1051 г. содержится «Сказание о начале Печерского монастыря», где приводится Студийский устав, привезенный в Киев митрополитом Георгием (1071 г.). Согласно Типикону, для устройства монастыря и организации литургической жизни необходимы следующие книги: Служебник, Евангелия, Псалтырь следованная, или Часовник, Минея (общая, следованная, месячная), Часослов, Апостол (апракос). Для службы в Великий Пост необходима Триодь Постная, а для времени от Пасхи до Троицы — Триодь Цветная. Для всенощного бдения желательны Стихирарь, Ирмологий, Воскресный Октоих («Осмогласник»); были нужны также Требник и Служебник (аналог греческого Евхология) для повседневных таинств и служб прихода. Наиболее ранний из сохранившихся Служебников — фрагменты глаголического текста первой половины XI в. (БАН, 24.4.8). Первый русский Служебник — Варлаама Хутынского, датируется XII в. (ГИМ). Требник — болгар-

---

⁸ Мансветов И.Д. Церковный устав. СПб., 1885. Ср.: Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.

ский глаголический лист (РНБ) — относится к XI в. Таким образом, очерчивается довольно широкий круг литературы переводного происхождения, известной в рукописных памятниках XI в.

Распространение рукописных книг, их соби́рание связано, прежде всего, с созданием церковных и монастырских библиотек, где книги хранились и использовались для служебных целей⁹. Косвенным показателем распространения книжности во времена Ярослава Мудрого могут стать данные о количестве храмов и монастырей на Руси в это время¹⁰. В Киеве было семь храмов, основанных в X в., и тринадцать — в XI в. (без даты основания известны еще тринадцать ранних храмов); там же было построено семь монастырей в X в. и еще двенадцать — в XI в. Ярославом, как сообщает Повесть временных лет, воздвигнут Киевский храм св. Софии, куда князем был сделан вклад книгами; им же построен Успенский храм Киево-Печерской Лавры, а в Новгороде заложена Богородичная церковь Благовещения на Златых Вратах. В Киеве по почину князя строят монастыри св. Георгия и св. Ирины; всего же там создаются один монастырь в X в. и три — в XI (известны еще двадцать пять древних монастырей без даты). В Старой Ладогое было, вероятно, пять церквей этого времени, из которых сохранился Георгиевский собор бывшего Георгиевского Застенного монастыря.

Не менее выразительны и свидетельства письменных памятников. В Житии преп. Феодосия Печерского сообщается, что в Курске в первой трети XI в. помимо собора было еще несколько церквей, именно там были учителя, один из которых обучал Феодосия «божественному писанию». Титмар Мерзебургский (1019 г.) указывает, что по смерти князя Владимира в Киеве было построено более четырехсот церквей.

Наконец, до нас дошли сведения об обмене книгами: из Византии присылались манускрипты на Русь и наоборот. Так, в Арсеньевской редакции Печерского Патерика по списку РНБ (Q. п. I. 31) говорится о наличии к началу XIII в. в монастыре греческих книг, привезенных из Византии иконописцами Печерской Лавры в середине XI в. С другой стороны, в аутентичной греческой грамоте Русского монастыря св. Пантелеимона на Афоне, представляющей

---

⁹ Сапунов Б.В. Книга в России. С. 133 и сл.; Розов Н.Н. Русская рукописная книга. С. 11 и сл.

¹⁰ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.

собой опись имущества монастыря 1142 г., перечислены пять книг Апостола, два Патерика, пять Псалтырей, книги Ефрема, Панкратия, пять Часословов и др. — только *русских* книг. Всего опись насчитывает сорок восемь русских томов¹¹.

Наконец, важнейшие данные касаются существования скрипториев для переписки рукописей¹². С 70-х гг. XI в. в Печерском монастыре известен Студийский монастырский устав, в котором содержатся пункты, имеющие прямое отношение к созданию книг в обители: «аще не храня добре, держить тетрадь», «аще особе от писанных книг припишет», «иже вяще писанных от книг чет», «иже с гневом сломает трость» (т. е. писчий прибор), «иже не пребывает в повелении старейшины каллиграфа», «иже возьмет чужую тетрадь». Специальный 26-й пункт устава особо рассматривает положение о необходимости переписывания рукописных книг для расширения монастырской библиотеки.

Нам известны и некоторые имена писцов XI в., причем как духовных лиц, так и мирян¹³. В 1047 г. «поп Упирь Лихой» переписывает Книги пророков в Новгороде, в 1057 г. дьякон Григорий создает там же Остромирово Евангелие, в 1073 диакон Иоанн в Киеве переписывает Изборник Святослава; позже, в лавре, в 1090–1110 гг. работает Лаврентий, а в 1092 г. — пресвитер Петр; после 1090 г. известны Матфей и Потомный. Писцы-миряне трудились в 90-х гг. XI в.: Мичка и Завид (1092 г.), Домка-Яков (1095), Домка, Григорий (1096), Городен (1096), Михаил-Белына (1097), Константин, Феодор, а также во второй половине XI в. — Чегол; позже, около 1160 г., — Путята и Иоанн.

Собственные подписи русских монахов на Афоне, сделанные по-гречески, известны также в XI в. и являются древнейшими автографами такого рода. В 1016 г. под актом Лавры св. Афанасия поставил свою развернутую подпись «Герасим монах милостью Божией пресвитер и игумен монастыря Рос»¹⁴. В 1081 г. под актом Ксиропотамского монастыря подписался монах Рос Кириак¹⁵.

---

¹¹ Бибииков М.В. *Byzantinorossica*. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. С. 178 и сл.

¹² Васильченко В.Е. Очерк истории библиотечного дела в России XI–XVIII вв. М., 1948.

¹³ Столярова Л.В. Свод записей писцов. С. 11 и сл.

¹⁴ Actes de Laura / Ed. P. Lemerle, N. Svoronos, A. Guillou, D. Papachrysanthou. № 19. Paris, 1970. Vol. 2. S. 37.

¹⁵ Actes de Xéropotamou / Ed. J. Bompaire. № 6. Paris, 1964. S. 63, 68; 64, 69.

Еще одним свидетельством о распространении письменности и переводной, в частности, духовной литературы на Руси XI в. является рассказ Феодосия Печерского (ок. 1036–1074) о том, что он должен был читать Скитский патерик, Жития Саввы, Евфимия, Мефодия (Моравского), Поучения Феодора Студита, Откровения Мефодия Патарского, «Небеса» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха и др.

Все это подтверждает слова древнерусского летописца об инициативе Ярослава Мудрого по переводу на Руси греческих книг.

Монастырское строительство на Руси в эпоху Ярослава Владимировича

В летописной статье 6545 (1037) г., повествующей о заслугах великого киевского князя Ярослава Владимировича (1019–1054) в деле распространения христианства, содержится одно из древнейших известий о возникновении на Руси монастырей: «Заложы Ярославъ городъ великыи, оу негоже града суть Златая врата; заложы же и ц[е]рк[о]вь с[вя]тыя Софья, митрополью, и посемь ц[е]рк[о]вь на Золотыхъ воротехъ с[вя]тое Б[огороди]це Бл[а]г[о]вещенье, посемь с[вя]таго Георгия манастырь и с[вя]тыя Ирины. И при семь нача вера х[рест]ьяньска плодитися и раширяти, и черноризьци почаша множитися и манастыреве починаху быти»¹.

Комментируя это сообщение, все исследователи согласны в том, что монастыри св. Георгия и св. Ирины были посвящены святым покровителям князя и его супруги — Ингигерд. Очевидно, что в данном случае Ярослав ориентировался на те традиции церковного строительства, которые существовали в Византии. Там, как известно, практика создания частных монастырей императорами и вообще людьми состоятельными была широко распространена. По выражению И.И. Соколова, постройка монастырей во второй половине IX — XII в. сделалась для византийцев «своего рода манией»: «Всякий, кто только имел возможность, считал ее, чуть ли не главной своей обязанностью»². Стремление создать собственную обитель было связано с желанием иметь фамильную усыпальницу, поэтому почти каждый состоятельный византиец строил свой монастырь, в котором его хоронили и поминали после смерти.

---

¹ ПСРЛ. М., 2001. Т. I. Лаврентьевская летопись. Стб. 151.

² Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204): Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003. С. 107.

Точное время закладки монастырей св. Георгия и св. Ирины не известно³. Можно только предполагать, что их строительство началось в середине — второй половине 40-х гг. XI в. На это как будто указывают, во-первых, слова летописи о том, что закладка Софии Киевской и Золотых ворот предшествовала началу строительства указанных монастырей («посемь»); а, во-вторых, свидетельство Мстиславова Евангелия (начало XII в.), где под 26 ноября говорится об освящении церкви св. Георгия, «иже въ Киеве предъ враты с[вя]тыя Софья», митрополитом Иларионом, поставленном на кафедре в 1051 г.⁴ Примеру Ярослава последовали его сыновья, создавшие в Киеве собственные обители: князь Изяслав (1054–1078 с перерывами) отстроил монастырь св. Димитрия, Святослав (1073–1076) — св. Симеона в Копыреве конце, Всеволод (1078–1093) — Михайловский на Выдобичи. В дальнейшем эта традиция была продолжена многочисленными представителями княжеского дома Рюриковичей. Преимущественное упоминание в письменных источниках (прежде всего, летописях) монастырей, основанных по инициативе и на средства князей, привело многих исследователей к выводу о том, что для Киевской Руси было характерно преобладание именно княжеских обителей.

Между тем, уже из вышеприведенного фрагмента летописной статьи 6545(1037) г. следует, что наряду с монастырями св. Георгия и св. Ирины на Руси в период правления Ярослава существовали и другие обители («манастыреве починаху быти»). Подтверждение тому находим в летописном «Сказании, что ради прозвася Печерский манастырь», согласно которому Антоний, вернувшись с Афона в начале 50-х гг. XI в., «приде Киеву и мысляше кде бы жити и хо-

---

³ Датировать основание монастырей свв. Георгия и Ирины 1037 г., исходя из года самой летописной статьи, на наш взгляд, не представляется возможным (см., например: *Синицына Н.В.* Русское монашество и монастыри X–XVII вв. // *Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь.* М., 2000. С. 42). М.К. Каргер по этому поводу писал: «Не может быть сомнений в том, что под означенным годом летописец сообщает отнюдь не о событиях данного года. Он как бы подводит итог всей многообразной строительной деятельности Ярослава» (*Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. II. С. 233).

⁴ *Невоструев К.И.* Исследование о Евангелии, написанном для Новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII в., в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века // *Мстиславово Евангелие XII века: Исследования.* М., 1997. С. 403.

ди по монастыремъ»⁵. В Житии Феодосия Печерского, написанном в начале XII в. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором⁶, говорится, что Феодосий решил покинуть родной Курск и отправиться в Киев с целью принять постриг, «бе бо слышалъ о манастырихъ тоу соущихъ»⁷. Оказавшись в столице Древнерусского государства (середина 50-х годов XI в.), он «объходи вся манастыря, хотя быти мнихъ, и моляся имъ, да приять ими боудеть»⁸. Тот же путь проделала мать Феодосия, которая через четыре года после исчезновения сына получила известие о том, что его видели в Киеве «хотяща и ходяща острещися въ единомъ от манастыревъ»⁹.

Имеются письменные свидетельства, которые относят время появления первых черноризцев и монастырей к более раннему периоду. Так, Иаков Мних упоминает об обычае киевского князя Владимира Святославича (980–1015) в Господские праздники устанавливать три трапезы: «Первую — митрополиту с епископы, и с черноризьце, и с попы, вторую — нищим и убогим, третью — себе, и бояром своим, и всем мужем своим»¹⁰. В «Похвале» Владимиру¹¹, восхваляя заслуги князя перед христианством, митрополит Иларион пишет, что при нем «манастыреве на горах стаща, черноризьци явишася»¹². Большинство исследователей полагают, что

---

⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 155.

⁶ О датировке Жития Феодосия Печерского началом XII в. см.: *Артамонов Ю.А.* Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения // ДГ. 2000 год. Проблемы источниковедения / Отв. ред. Л.В. Столярова. М., 2003. С. 253–273.

⁷ Успенский сборник XII–XIII вв. / Подг. к печ. О.А. Князевской и др. М., 1971. С. 79.

⁸ Там же. С. 79–80.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ *Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // КСИС. М., 1963. Вып. 37. С. 70.

¹¹ «Похвала» Владимиру представляет собой самостоятельное произведение, которое впоследствии, возможно, самим Иларионом было объединено со «Словом о Законе и Благодати» и «Молитвой от всей Русской земли» (См.: *Мюллер Л.* Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество // *Его же* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 97–100).

¹² *Молдован А.М.* Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Киев, 1984. С. 93.

эти слова Илариона являются достоверным свидетельством возникновения монастырей на Руси уже вскоре после крещения¹³. Так, комментируя это известие, Я.Н. Щапов замечает: «Здесь имеются в виду, вероятно, первые монастыри именно в Киеве или его окрестностях, ибо указание „на горах“ является характерным обозначением именно этого города, расположенного на высоком берегу Днепра»¹⁴.

Уже в середине XIX в. исследователи обратили внимание на необходимость согласовать сообщение Илариона о появлении первых обителей в период правления Владимира со словами летописной статьи 6545(1037) г. о том, что только при Ярославе «черноризьци почаша множитися и манастыреве починаху быти». Под сомнение, как правило, ставилось сообщение летописной статьи. Так, по мнению митр. Макария (Булгакова), из слов летописи «не должно заключать, будто прежде монастырей у нас вовсе не было». «Если были черноризцы, — рассуждал известный историк церкви, — то, конечно, были и монастыри, хоть немногие»¹⁵. А.В. Карташев, имея в виду указанное противоречие, отмечал, что «начало русского монашества представляет как бы некоторую загадку». При этом, основываясь на изысканиях М.Д. Приселкова¹⁶, он пола-

---

¹³ Не исключено, однако, что в данном случае мы имеем дело с литературным клише. Афанасий Великий, характеризуя деятельность святого Антония Египетского, пишет, что святой «убедил многих избрать иноческую жизнь; и таким образом, в горах явились наконец монастыри; пустыня населена иноками (выделено нами. — Ю. А.), оставившими свою собственность и вписавшимися в число жительствовавших на небесах» (Житие преподобного отца нашего Антония, описанное святым Афанасием в послании к инокам, пребывающим в чужих странах // *Афанасий Великий*. Творения. М., 1994. Т. 3. С. 192).

¹⁴ *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 131. Кроме того, см.: *Филарет (Гумилевский)*. История Русской Церкви. Период первый: От начала христианства в России до нашествия монголов (988–1237). М., 1848. С. 234; *Казанский П.С.* История православного русского монашества, от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания лавры св. Троицы преподобным Сергием. М., 1855. С. 7.

¹⁵ *Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). С. 450. Примеч. 316.

¹⁶ *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киев-

гал, что «заметка летописи под 1037 г., годом водворения у нас греческой церковной власти, чисто тенденциозная фикция, затушевывающая все достижения русского христианства до этого момента»¹⁷.

Более осторожен был Е.Е. Голубинский, который полагал, что объяснение данного противоречия необходимо искать в исторических особенностях становления древнерусского монашества. Согласно его гипотезе, первые монастыри основывались группами монахов путем строительства келий при приходских церквях. Таким образом, черноризцы, во-первых, имели возможность посещать церковные службы, а, во-вторых, получать подаяние от приходящих в храм мирян. В подтверждение своей точки зрения он сослался на данные новгородских писцовых книг второй половины XVI в., где содержатся упоминания о монашеских келиях и черницах, живущих при приходских церквях. Называя такие обители «монастырями несобственными» («ненастоящими»), ученый полагал, что они являлись «древнейшей и первичной» формой коллективного монашествования на Руси. «Необходимо думать, — писал он, — что до появления собственных монастырей у нас была форма монастырей несобственных, — монастырьков или монашеских слободок при приходских церквях»¹⁸. Такого рода монастырей, по мнению Е.Е. Голубинского, на Руси было очень много, и представляли они «явление самое обычное». Что же касается времени появления монастырей «собственных», или «настоящих», то он определял его «второй половиной правления Ярослава». Таким образом, согласно точке зрения Е.Е. Голубинского, Иларион, восхваляя Владимира, имел в виду монастыри «несобственные» («ненастоящие»), тогда как автор летописной статьи 6545(1037) г., упоминая об обителях св. Георгия и св. Ирины, вел речь о монастырях «собственных» («настоящих»). При этом историк считал, что «относительно образа и формы жизни между монастырями несобственными, бывшими до Ярослава, и монастырями собственными, построенными им», существенной разницы не было¹⁹. Эта гипотеза была поддер-

---

ской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 52; *Он же*. История русского летописания XI–XV вв. / Подг. к печати В.Г. Вовиной. СПб., 1996. С. 61–64.

¹⁷ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. СПб., 2004. Т. 1. С. 237.

¹⁸ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. М., 1997. Т. 1. Кн. 2. С. 557.

¹⁹ «Действительное различие между монастырями настоящими и нена-

жана рядом авторитетных исследователей русской церковной истории²⁰; в то же время у нее появились и свои оппоненты.

Немецкий исследователь Л.К. Гётц назвал данную реконструкцию «искусственным объяснением», отметив, что христианизация Руси исходила не от народа, а от «государственной власти», а, следовательно, не было и потребности в создании тех многочисленных «монастырьков», о которых писал Е.Е. Голубинский²¹. В свою очередь, он предложил собственную гипотезу истории возникновения первых обителей на Руси. По мнению Л.К. Гётца, одной из главных задач, стоящих перед князем Владимиром, было создание церквей и епархий, при которых должны были строиться «жилые дома» (*Wohnhauser*) «для действующего духовенства, епископа, священника и низшего клира». А поскольку среди пришедших на Русь священнослужителей большая часть была представлена монашествующими, постольку «в этих епископских резиденциях, домах клириков или священников, мы должны, вероятно, видеть первые „монастыри“, т. е. места проживания монахов-миссионеров Руси»²². При этом исследователь указывал на тот факт, что осно-

---

стоящими состояло в том, что первые стояли на своей земле, имели свои церкви и представляли из себя нечто самостоятельное и прочное, а последние стояли на чужой земле, при чужих церквях и представляли из себя нечто весьма непрочное и эфемерное, способное сколько быстро возникать, столько же быстро и исчезать: но различие, будучи различием в отношении к внешней видимости монастырей и к внешней видности или представительности монашества, нисколько не влияло на него с духовной стороны, как на образ жизни и на подвиг» (Там же. С. 564).

²⁰ См., например: *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 81; *Карташев А.В.* Очерки. С. 224; *Смолич И.К.* Русское монашество. М., 1997. С. 24.

²¹ *Goetz L.K.* Das Kiever Hohlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands. Passau, 1904. S. 4. Не вполне корректным выглядит применение Е.Е. Голубинским метода исторической ретроспекции, а именно: перенесение новгородских реалий XV–XVI вв. на древнерусскую почву. «Ретроспекция Голубинского, — замечает в связи с этим Н.В. Сеницына, — основана на источниках, не только отстоящих хронологически почти на половину тысячелетия, но и происходящих из другого географического региона» (*Сеницына Н.В.* Русское монашество. С. 306).

²² В подтверждение своей точки зрения Л.К. Гётц ссылается на следующий фрагмент летописной статьи 6599 (1091) г.: «В се же время виде Стефан, иже бысть в него место игумень, в се же время бысть епископъ,

ванные князьями монастыри в летописях иногда именуется «епископиями».

Свое дальнейшее развитие эта точка зрения получила в работах Я.Н. Щапова, который доказал, что «церковная организация была учреждена на Руси по инициативе княжеской власти» и первоначально «не имела собственных источников существования, обеспечивалась князем из тех материальных средств, которыми он располагал»²³. Это определяло зависимое положение древнерусской церкви от светской власти, которая брала на себя инициативу в деле христианизации древнерусского общества. Отсюда, в частности, Я.Н. Щаповым был сделан вывод о том, «что большинство киевских монастырей XI–XII вв. — это ктиторские монастыри, теснее связанные с княжескими династиями, правившими в Киеве, чем с митрополичьей властью»²⁴. Данная точка зрения пользуется известной популярностью среди современных исследователей²⁵.

виде въ своемъ монастыри». Слова летописи «въ своемъ монастыри» («in seinem Kloster») немецкий исследователь понимает как указание на собственную резиденцию Владимирского епископа («in seiner bischoflichen Residenz») (*Goetz L.K. Das Kiever Hohlenkloster. S. 4*). Однако такая интерпретация является ошибочной, поскольку речь в данном случае идет о Кловском монастыре в Киеве, который был заложен Стефаном вскоре после его изгнания из Киево-Печерского монастыря в 1078 г. Епископом же во Владимире Волынском он стал значительно позже, около 1090 г. Таким образом, Кловский монастырь был «своим» для Стефана задолго до его поставления в епископы.

²³ Щапов Я.Н. Церковь и становление древнерусской государственности // Щапов Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 146–147.

²⁴ Щапов Я.Н. Соборные церкви и монастырские организации в русском городе до XV в. // Там же. С. 67.

²⁵ Так, например, М.И. Бълхова пишет: «Итак, уже в этот период развития монастырей в Древней Руси можно увидеть определенную зависимость между политическим устройством исследуемых территорий и монастырским строительством. Там, где существовала сильная княжеская власть, обители создавались преимущественно на княжеские средства и находились в полной их зависимости» (*Бълхова М.И. Монастыри на Руси XI — середины XIV века // Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002. С. 32*). Ту же мысль высказывает Н.В. Сеницына: «В целом в Киеве преобладали монастыри, созданные князьями» (*Сеницына Н.В. Русское монашество. С. 307*).

Исходя из того, что христианство на Руси долгое время было «в основном городской религией, верой аристократического общества»²⁶, мы полагаем, что уже в конце X — начале XI в. представители древнерусской знати, руководствуясь примером собственных князей и тех традиций, которые на этот счет существовали в Византии, должны были активно включиться в процесс церковного строительства. «Следуя примеру правителя и обычаю, известному из Византии, — пишет польский историк А.В. Поппе, — почти каждый знатный горожанин стремился построить храм на собственном дворе, сначала, видимо, с целью наглядной демонстрации своих религиозных убеждений и лояльности власти»²⁷. Специфика этого процесса заключалась в том, что подавляющая часть из построенных в этот период церквей были частные, т. е. предназначались для удовлетворения религиозных запросов одной семьи (рода). Они же должны были подчеркивать высокий политический статус владельца, его близость к княжеской власти.

Одно из древнейших упоминаний о частной церкви, уже обратившее на себя внимание историков²⁸, содержится в статье 6390(882) г. Повести временных лет: летописец, определяя местоположения могилы Аскольда относительно современной ему топографии Киева, пишет, что на этом месте находится «ныне Ольминь дворь», где Олма поставил церковь святого Николая²⁹.

О масштабах строительства частных церквей в Киеве можно судить по сообщению Хроники Титмара Мерзебургского, согласно которой к моменту завоевания города польским князем Болеславом I Храбрым (август 1018 г.) в нем насчитывалось «более четы-

---

²⁶ П.С. Стефанович, посвятивший изучению данной проблемы специальную работу, справедливо отмечает, что «христианство, пришедшее на Русь как внешний импульс, начало проникновение в толщу народной культуры с завоевания знати — верхнего, наиболее мобильного, просвещенного и „открытого“ слоя общества» (Стефанович П.С. Боярство и церковь в домонгольской Руси // ВИ. № 7. М., 2002. С. 41).

²⁷ Poppe A. The Rise of Christian Russia. L., 1982. P. 353.

²⁸ См.: Стефанович П.С. Боярство и церковь. С. 47.

²⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 23. По мнению А.В. Кузьмина, строительство церкви св. Николая следует относить к середине — второй трети XI в. (Кузьмин А.В. Боярский двор как историко-топографический комментарий летописца XI века // Герменевтика древнерусской литературы / Отв. ред. М.Ю. Люстров. М., 2000. Сб. 10. С. 44–51).

рехсот церквей»³⁰. О том, что данное свидетельство не является «многократным преувеличением числа киевских храмов» (как полагают некоторые историки³¹), говорит сообщение Лаврентьевской летописи о гибели в результате июньского пожара 1124 г. около 600 столичных церквей: «Бы[сть] пожаръ великъ Кыеве городе, яко погоревшую ему мало не всему по два д[ь]ни по Подолью и по Горе, яко ц[е]ркви единыхъ изгоре близъ 6 сотъ»³². Столь значительное число храмов в одном городе трудно объяснить, если не принять во внимание тот факт, что средневековые авторы учитывали не только приходские, но и частные церкви знати³³.

О домовых церквях в Киеве сообщает Киево-Печерский патерик. Из рассказа об Алимпии Иконописце мы узнаем о некоем состоятельном киевлянине, который «церковь себе постави» на Подоле³⁴. Здесь же рассказывается и о другом «христороубце», который для своей церкви заказал преподобному Алимпии икону к празднику Успения Богородицы. Однако ввиду болезни монах не смог выполнить эту работу. Заказчик, не получив икону к установленному сроку, ночью отправился в церковь («отверзе двери церкви») для того, чтобы покаяться в собственной нерасторопности. Здесь неожиданно для себя он и увидел «икону сияющую на месте своем», после чего, преисполненный радости, побежал будить домашних, которые «текоша въ церковь съ свечами и с кандилы». «Как можно понять из этого рассказа, — замечает П.С. Стефанович, — церковь, об украшении которой заботился „господин“ той иконы, была частной, то есть была предназначена именно для господина и его „домашних“ и составляла часть его имения (он держал у себя ключи от церкви)»³⁵. В числе «домашних» мы видим и

---

³⁰ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 143.

³¹ См., например: Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 83; Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. М., 2000. С. 28.

³² ПСРЛ. Т. I. Стб. 293.

³³ См.: Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. С. 4–5; Poppe A. Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslawen in der Zeit vom 10. bis zum 13. Jahrhundert // Osterreichische Osthefte. № 30. Wien, 1988. S. 472; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники. С. 199.

³⁴ Абрамович Д.И. Киево-Печерский патерик. Киев, 1991. С. 175–178.

³⁵ Стефанович П.С. Боярство и церковь. С. 47.

церковных служителей, которые «с кандилы» идут в церковь засвидетельствовать чудо³⁶.

Церковное строительство людьми состоятельными было характерно и для других городов Руси. В Житии Феодосия Печерского рассказывается о том, как правитель Курска, пораженный смирением и набожностью юного Феодосия, «повеле же емоу, да пребывает оу него въ церкви». При этом владелец церкви принял на себя обязанность по содержанию отрока. «Вдасть же емоу и одежду светлю», — замечает агиограф³⁷. О широком распространении частных церквей в Древней Руси свидетельствуют «Ответы Георгия, митрополита Киевского», недавно опубликованные А.А. Туриловым³⁸. В «ответе» 54 читаем: «Аще оу кого ц(е)рквица будет в дому, достойть в ней литургисати, а не кр(с)тити детеи ноли въ зборной ц(е)ркви»³⁹. Сам факт появления этой нормы свидетельствует о том, что среди имущих слоев древнерусского общества была широко распространена практика совершения в частных церквях не только собственно богослужения, но и некоторых церковных таинств.

Частные церкви знати располагались на территории городских усадеб⁴⁰. Основным строительным материалом для них было дерево. Это могли быть как простейшие постройки — «клетки», наподобие той, которую князь Ярослав первоначально поставил над моги-

---

³⁶ *Абрамович Д.И.* Киево-Печерский патерик. С. 178–179.

³⁷ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 78.

³⁸ Текст, носящий заглавие «Неведомых словес изложено Георгиемъ митрополитом Киевьскимъ. Герману игоумену въпрашающу, оному поведающу», по мнению издателя, является древнейшим «в ряду русских вопрошаний XI–XIII вв.». Его первоначальную редакцию А.А. Турилов датирует третьей четвертью XI в. (*Турилов А.А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // *Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем.* М., 2004. Вып. 11. С. 211–262).

³⁹ Там же. С. 244. Благодарю А.А. Турилова, обратившего мое внимание на этот фрагмент текста «Ответов Георгия».

⁴⁰ По мнению *Е.Е. Голубинского*, домовые церкви «не помещались в самих домах», а «были строимы на домовых усадьбах особыми зданиями, как именно настоящие церкви, хотя, вероятно думать, в значительной части своей имевшие право называться церквями только потому, что на них стояли кресты» (*Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. С. 4–5).

лами своих братьев Бориса и Глеба, так и весьма значительные сооружения, «украшенные всею красотой» и имеющие несколько «верхов»⁴¹. Все зависело от финансовых возможностей владельца. Вероятно, имели место и случаи пристройки церковных клетей к уже существующим жилым помещениям. Отсутствие прямых археологических свидетельств о частных церквях в XI–XII вв. объясняется тем, что большинство из них были деревянными. Однако об их существовании могут говорить как находки богослужебной церковной утвари — детали хороса, паникадила, потиры, диски и т. п., встречающиеся на территории древнерусских городских усадеб, так и комплексы христианских древностей, наиболее яркими компонентами которых являются каменные иконки, энколпионы, кресты, фрагменты кожаных поясов с изображениями двенадцатых праздников и др. Заметим, что строительство храмов в усадьбах знати в период христианизации хорошо известно на примере западнославянских государств: Великой Моравии, Чехии, Польши⁴². Здесь, как и в Древней Руси, в период после официального крещения наблюдалась тесная и многосторонняя зависимость церковных институтов от светских патронов, которая выражалась в слабом развитии системы приходской церковной организации и преобладании частного церковного строительства⁴³.

Первое время для совершения богослужения знать пользовалась услугами по преимуществу византийских и болгарских священников. С высокой долей вероятности можно предполагать, что значительная их часть являлась монашествующими — наиболее мобильной и активной в деле христианского просвещения неофитов прослойкой средневекового общества. «Священники белые, — писал в связи с этим Е.Е. Голубинский, — как люди семейные и

---

⁴¹ См.: *Каргер М.К.* Древний Киев. С. 90–91.

⁴² См.: *Флоря Б.Н.* Принятие христианства в Великой Моравии, Чехии и Польше // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 122–158; Христианство в Древнепольском и Древнечешском государстве во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2002. С. 190–266.

⁴³ *Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н.* Общее и особенное в процессе христианизации стран региона и Древней Руси // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 235–262.

домовитые, едва ли могли иметь особенную охоту переселяться в Россию, несмотря на все выгодные условия, какие могли быть предложены, но другое дело монахи, в отношении к которым могло быть притом употреблено и простое понуждение»⁴⁴. Поэтому уже в первые десятилетия после крещения Руси монашеское священство было явлением весьма распространенным. Как известно, первый русский митрополит Иларион до посвящения в сан был «мнихом и пресвитером», то есть иеромонахом дворцовой церкви в великокняжеском селе Берестово под Киевом⁴⁵. Показательным в данном случае является и то, что в Хронике Титмара собор Софии Киевской именуется «монастырем» («in sancte monasterio Sophiae») ⁴⁶. Вероятно, саксонский информатор Титмара, посетивший Киев в составе войск Болеслава, обратил внимание на то, что служили в Софийском храме монахи.

Содержание монахов при домовых церквях было выгодно их владельцам, поскольку, во-первых, не требовало дополнительных расходов на содержание их семей, а, во-вторых, считалось, что молитва инока скорее будет услышана Богом, нежели молитва приходского священника — «бельца»⁴⁷. В византийском обществе, например, существовало мнение, согласно которому один монах мог избавить от загробных мучений 150 грешников. В результате сначала в Византии, а затем и на Руси сложилась традиция, согласно которой только монахи могли отпускать грехи и исповедовать верующих. Позже, вероятно уже в XII–XIII вв., в целях экономии средств, владельцы частных церквей инициировали практику поставления в священники собственных холопов, не освобождая их от рабства, что являлось прямым нарушением норм канонического

---

⁴⁴ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. С. 556–557.

⁴⁵ Мюллер Л. Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество // Мюллер Л. Понять Россию. С. 90.

⁴⁶ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники. С. 142.

⁴⁷ «Там (в Греции. — Ю. А.) сложилось воззрение, выработанное в монастырях, что судьба души за гробом зависит не только от дел умершего, но также и главным образом от молитв живых за умерших. Но при этом монахи подчеркивали, что далеко не все равно, кто и где будет молиться за умерших; молитва «непогребенных мертвецов», т. е. монахов, всецело посвятивших себя посту, молитве и другим благочестивым подвигам, скорее будет услышана Богом, чем молитва приходского, белого духовенства» (Никольский Н.М. История русской церкви. Рязань, 1930. С. 44).

права. О широком распространении этого обычая на Руси свидетельствует послание патриарха Германа 1228 г., в котором указывается на необходимость предоставления свободы кандидату в священники и его детям⁴⁸.

Люди состоятельные имели возможность не только строить просторные и богато украшенные храмы, но и увеличивать число служащих в них людей. В этой ситуации возникала необходимость организации внутренней жизни общины, превращения монаха-священника в игумена — руководителя и духовного наставника «братии». Таким образом, возникало некое подобие монастыря. Полагаю, что именно такая «трансформация» является причиной того, что древнерусские авторы поначалу не делали различия между понятиями «церковь» и «монастырь». Это хорошо видно на примере построенного Ярославом монастыря св. Георгия, который в сообщении летописной статьи 6571(1063) г. о смерти и погребении князя Судислава назван «церковью святого Георгия»⁴⁹.

Таким образом, первые монастыри на Руси представляли собой сравнительно небольшие группы иноков⁵⁰, которые жили за счет богатых семей города, отправляя службу в их домовых церквях-обителях⁵¹. Такие монастыри были связаны с ктиторм (владельцем церкви) и его потомками не только фактом своего возникновения, но и материальным содержанием, которое долгое время выра-

---

⁴⁸ См.: Малицкий П.И. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2000. С. 45; Макарий (Булгаков). История Русской церкви. С. 414, 597–598 (текст); Флоря Б.Н. Отношение государства и церкви у восточных славян. М., 1992. С. 61–62.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 163.

⁵⁰ Согласно XIV новелле императора Льва VI, в монастыре должно было проживать не менее трех монахов (Каждан А.П. Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа // ВВ. М., 1971. Т. 31. С. 51).

⁵¹ В данном случае особый интерес представляют наблюдения А.Е. Мусина, основанные на изучении берестяных грамот и христианских древностей средневекового Новгорода. Отмечая факт проживания монашествующих на территории городских усадеб, исследователь фиксирует в них наличие «особого устава местной службы», который, «если привлекать восточнохристианские аналогии вообще», был характерен «для существовавших при обителях приходских храмов или же для скитских церквей» (Мусин А.Е. Социальные аспекты истории древнерусской Церкви по данным новгородских берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 2003. С. 102–124).

жалось в отчислении определенной доли от доходов семьи. Экономическая зависимость такого монастыря от владельца была причиной его закрытости для других членов общества, что затрудняло (но не исключало!) приток новых жертвователей. Как известно, убогий вид и бедная одежда стали причиной того, что Феодосий Печерский, обойдя все киевские монастыри, не был принят ни в одном из них. Но и пострижение людей среднего достатка, по всей видимости, было делом не столь простым: следовало либо получить согласие владельца, либо заручиться покровительством влиятельного человека. Так, для того чтобы постричь мать Феодосия в монастыре св. Николая Антоний должен был «въвестить о ней княгини»⁵².

Со временем количество частных обитателей неуклонно возрастало, что дало основание летописцу (начало XII в.) говорить о монастырях, построенных на деньги людей знатных, как о явлении весьма распространенном: «Мнози бо манастыри от цесарь и от боярь и от богатства поставлени, но не суть тацци, кацци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бденьемь»⁵³. Для многих иноков получение места в боярском или княжеском монастыре было весьма привлекательным. Не случайно, характеризуя современных ему монахов, Даниил Заточник говорит, что они обходят «села и дома славных мира сего, яко пси ласкосердии»⁵⁴. Схожая ситуация в этот период наблюдалась и на Востоке, где обилие небольших частных монастырей придавало византийскому монашеству в целом не корпоративный, а семейный облик⁵⁵. В Древней Руси духовенство, как справедливо отмечает А.С. Мусин, первоначально «не составляло обособленного социального слоя», поскольку было включено «в систему княжеского окружения и боярской патронимии»⁵⁶. Так уже в первые десятилетия после принятия христианства на Руси начинает формироваться институт так называемой «частной церкви» («право патроната»).

Таким образом, строительство Ярославом монастырей св. Георгия и св. Ирины не представляло собой появление принципиаль-

---

⁵² Успенский сборник XII–XIII вв. С. 79.

⁵³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 159.

⁵⁴ Цит. по: История русской литературы X–XVII веков / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980. С. 156.

⁵⁵ Каждан А.П. Византийский монастырь. С. 70.

⁵⁶ Мусин А.Е. Социальные аспекты истории. С. 122.

но новой формы монашествования на Руси⁵⁷. Новация, по всей видимости, была в другом — в попытке организовать и упорядочить быт монахов путем введения специальных норм и правил. Не случайно, вслед за сообщением о возникновении монастырей в эпоху Ярослава («монастыреве починаху бытии»), летописец отмечает «любовь» князя к «церковным уставам».

---

⁵⁷ «Что касается первых монастырей Георгия и Ирины в Киеве, — замечает Я.Н. Шапов, — то эти ранние княжеские ктиторские монастыри, упоминаемые в Повести временных лет под 1037 г., представляли собой, очевидно, те же княжеские церкви с черным духовенством, имевшие особые функции и существовавшие также, несомненно, на княжеские средства» (Шапов Я.Н. Церковь и становление древнерусской государственности. С. 149).

Ярослав и его время в общественном сознании второй половины XI — XIII в.

Признанный в древнерусском обществе родоначальник всех князей поствладимирова времени (за исключением разве что половецких), выдающийся государственный деятель, реформатор и дипломат, Ярослав Владимирович, прозванный Мудрым, и после кончины неоднократно упоминается в летописях. О нем вспоминают едва ли не больше, чем о Владимире.

В Повести временных лет к его имени постоянно обращаются книжники, в основном для того, чтобы подчеркнуть происхождение от этого князя членов его династии: «Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль» (1057), «Судиславъ преставися, Ярославль братъ» (1063), «преставися Святославъ, сынъ Ярославль» (1076), «убьень бысть Изяславъ, сынъ Ярославль» (1078), в степи лежат кости убитого половцами Романа, «сына Святославля, внука Ярославля» (1079), «преставися великий князь Всеволодъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимеръ» (1093) и др. А в своем «Поучении» Мономах вспоминает, что он «дедомъ своимъ Ярославомъ» наречен в крещении Василием¹. Ярослав — глава династии в XI в., его многочисленные потомки в XII в. будут соперничать между собой за признание их — именно членов их клана! — его прямыми и единственными наследниками.

Чтил память отца его любимый сын Всеволод, единолично княживший в Киеве в 1078–1093 гг. Рассказывая о последних днях Всеволода, Нестор отмечает: «Любимъ бе отцемъ своимъ (Ярославом. — Н. К.), яко глаголати отцю к нему: „Сыну мой! Благо тебе, яко слышу о тебе кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подасть богъ прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильемъ, то егда богъ отведеть тя от жи-

---

¹ ПВЛ. С. 71, 85, 86, 87, 91, 98 и др.

тя сего, да ляжеш, иде же азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твое“. Се же сбысться глаголь отца его, яко же глаголаше бе. Сему приемшу послеже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего»² (здесь и далее подчеркнуто мною. — *Н. К.*). Этими словами (переданными его сыном) Ярослав утвердил порядок замещения столов на Руси, прежде всего киевского, по принципу родового старейшинства³.

Освященным именем Ярослава было и объединение и совместное длительное правление на Руси его старших сыновей: Изяслава, Святослава и Всеволода (1054–1073). Этот триумvirат был следствием истолкования Святославом и Всеволодом «ряда» Ярослава 1054 г. в удобном им смысле. Летописи сохранили, как мне кажется, косвенные свидетельства того, что триумvirат сложился благодаря соглашению, заключенному Изяславом, Святославом и Всеволодом вскоре после смерти отца. Нестор, естественно, не знает термина «триумvirат» и называет объединение трех сыновей Ярослава тождественным по смыслу понятием «трие»: «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьске, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие, — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зиме суши велице»⁴. Эта запись относится к 1067 г.

Однако реально триумvirат Ярославичей проявил себя еще в 1057 г.: «Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смолинъске, и посадиша (триумвиры. — *Н. К.*) Игоря Смолинъске, из Володимеря выведше»⁵. А в 1060 г. в Смоленске умер другой младший сын Ярослава Игорь, и триумвиры разделили между собой его волость, обделив его сыновей⁶. Даже поражение, понесенное Изяславом, Святославом и Всеволодом от половцев в 1068 г., не разрушило триумvirата. Все же с той поры он стал клониться к упадку: слишком уж разными были цели и задачи каждого из его членов, да и сами они разительно отличались друг от друга. Последнюю (если судить по летописи) попытку сохранить триумvirат было торжественное перенесение мощей Бориса и Глеба в новую церковь в Вы-

---

² ПВЛ. С. 91.

³ *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 206 сл.

⁴ ПВЛ. С. 72.

⁵ ПВЛ. С. 71.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Тверская летопись. Стб. 153.

шгороде, для чего «совокупившеся Ярославичи, Изяславъ, Свято-славъ, Всеволодъ...»⁷.

Но в следующем году триумvirату пришел конец: «Въздвиге дьяволь котору въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава»⁸. Изяславу пришлось бежать в Польшу, а в Киеве сел Святослав.

Память о совместном управлении Русью тремя старшими Ярославичами сохранилась в обществе. Не из нее ли исходил внук Ярослава Владимир Всеволодович Мономах, когда в 1093 г. предпринял неудачную попытку основать второй триумvirат на Руси?! Тогда, после смерти Всеволода, Владимир передал киевский престол старшему в роде Ярославичей Святополку Изяславичу, а сам ушел в Чернигов. Мирно княживший ранее в провинциальном и тихом Турове, немолодой уже Святополк, оказавшись на главном столе государства, почувствовал себя неуютно и растерялся перед усилившимся напором половецких ханов⁹, тонко использовавших обстановку: ведь вместо умелого и храброго полководца Мономаха в Киеве сидел нерешительный и не отличавшийся воинскими способностями Святополк.

Советники Святополка Изяславича («смыслении») порекомендовали ему: «Послися к брату своему Володимеру, да бы ти помогль»¹⁰. Некоторые историки видели в действиях Святополка, начиная с трудной для него весны 1093 г., стремление создать дуумvirат с Владимиром¹¹, — и он действительно был создан, однако позднее и в других обстоятельствах. Но, исходя из дальнейшего рассказа Повести, можно думать, что если Святополк и желал тогда дуумvirата, то Мономах шел дальше и стремился к восстановлению триумvirата Ярославичей, в котором он вместе с младшим братом Ростиславом имел бы перевес над Святополком¹².

Ростислав тогда сидел на переяславском столе. Поэтому, по вполне вероятному замыслу Владимира Всеволодовича, точно так

---

⁷ ПВЛ. С. 78.

⁸ ПВЛ.

⁹ ПВЛ. С. 92.

¹⁰ ПВЛ. С. 92.

¹¹ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 391.

¹² Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. С. 223–225.

же, как в 1054 г., должны были объединиться князья главных городов южной Русской земли: Киева, Чернигова и Переяславля. Будущие триумвиры собрались в Киеве, в Михайловском монастыре и, «уладившася, целоваста крестъ межи собою». Далее, придя к р. Стугне, «Святополкъ же, и Володимеръ, и Ростиславъ созваша дружину свою на советъ... и начаша думати»¹³. В этих словах летописца, как мне кажется, угадываются очертания только что образованного триумвирата.

Думаю, что в стремлении Мономаха, души и движущей силы всего замысла, создать триумвират много значили традиция и память об относительной стабилизации внутривосточного положения в стране в годы объединения трех старших Ярославичей. Однако новому триумвирату была суждена совсем короткая жизнь. Сразу же после встречи Святополка, Владимира и Ростислава на Стугне произошла неудачная для Руси битва с половцами. Во время бегства с поля боя Ростислав утонул, переправляясь через Стугну, разлившуюся по весне¹⁴. Лишь после этого Владимир пошел на дуумвират со Святополком.

В следующем XII в. летописцы прямо упоминают о Ярославе не часто. Его именем утверждается торжественность восхождения на киевский стол одного из его потомков, по-прежнему подчеркивается принадлежность к племени Ярослава тех или иных умерших князей. В 1139 г. умирает киевский князь Ярополк, на его место приходит следующий по старшинству среди потомков Мономаха Вячеслав, «и посадиша и на столе прадеда своего Ярослава»¹⁵. На далеко не окончательное утверждение на киевском столе Юрия Долгорукого киевский летописец отозвался следующим образом: «Начало княжения в Киеве князя великаго Дюргя, сына Володимира Мономаха, внука Всеволожа, правнука Ярославля, пращюра великаго Володимира, хрестившаго всю землю Рускую»¹⁶ (1149). В конце 1154 г. внезапно умер киевский князь Вячеслав, сын Мономаха, «и положиша (его. — *Н. К.*) у святых Софья, идеже лежить Ярославъ прадедъ его и Володимеръ отецъ его»¹⁷.

¹³ ПВЛ. С. 92.

¹⁴ ПВЛ. С. 93.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1927. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Стб. 306.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 383–384.

¹⁷ Там же. Стб. 473.

Но когда в 1155 г. Юрий действительно стал полновластным киевским князем, летопись рассказала об этом как-то буднично, без упоминания имени его прадеда Ярослава. Однако на вокняжение в Киеве Мстислава Изяславича летописец (под 1169 г.) отозвался торжественными словами: «И седе на столе Ярославли и отца своего и дедъ своихъ»¹⁸. Как видим, в рассказах летописцев о восхождении на столы и смертях потомков Ярослава его имя упоминается далеко не всегда.

В 1178 г. в Новгороде скончался правнук Владимира Мономаха Мстислав Ростиславич, и на его смерть киевский летописец отозвался прочувствованным панегириком, сообщив: «И положиша тело его в той же гробници, идеже лежит Володимеръ, сынъ великаго князя Ярослава Володимерича»¹⁹. Летописцы с уважением вспоминают княжеский двор в Киеве, называя его «Ярославль»²⁰, хотя на нем после Ярослава сидело немало его потомков.

Ярослав Владимирович в источниках XII в. упоминается, казалось бы, не столь часто, как этого можно было бы ожидать, если принять во внимание его государственную, реформаторскую и дипломатическую деятельность. Это нелегко объяснить, ведь он — знамение нового времени, его Русь была уже иной, чем Русь Владимира, это совсем другое государство, уже не дружинное. У нее есть данный Ярославом писанный свод законов.

Вместе с тем, при чтении древнерусских текстов XII в. создается впечатление, что незримо Ярослав постоянно присутствует в письменных источниках того времени. Если в памятниках письменности XI в. («Слово о Законе и Благодати», «Память и похвала князю Владимиру») речь о прошлом Руси ведут, начиная от Игоря, словно забывая об Олеге, не говоря уж о Рюрике, то точкой отсчета начала ее политической истории в источниках XII в. является Ярослав и его эпоха. Он представляется если не основателем династии, то ее олицетворением. Это в определенной мере оценило древнерусское общество того времени.

Ярослав в XII и последующих веках остается главным авторитетом в государственных и правовых делах. Из летописей известно, что «новгородцы постоянно ссылались на „грамоты Ярослава“ как

---

¹⁸ Там же. Стб. 535.

¹⁹ Там же. Стб. 610.

²⁰ Там же. Стб. 593.

на основу своих отношений с приглашаемыми к ним вечем князьями и князьями великими»²¹. А.А. Шахматов указал по этому случаю на свидетельство Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов под 1229 г. о посажении Михаила Всеволодовича в Новгороде, который «целова крестъ на всеи воли новгородьстей и на всехъ грамотахъ Ярославлихъ»²². В следующем году призванный новгородским вечем Ярослав Всеволодович также целовал святую Богородицу «на грамотахъ на всехъ Ярославлихъ»²³. До сего времени нет ясности в вопросе, о каких «Ярославлихъ грамотахъ» в источниках шла речь, — вряд ли только о Правде Ярослава.

Северорусская летопись сохранила память о Ярославе в помещенном под 1128 г. эмоциональном рассказе о сватовстве Владимира Святославича к полоцкой княжне Рогнеде, его женитьбе на ней и несчастливой семейной жизни князя с этой не любимой им женой. До сих пор это повествование Лаврентьевского свода, вспоминающее, казалось бы, не к месту события далеких 80-х годов X в., не нашло удовлетворительного объяснения.

Оно начинается с рассказа о смерти полоцкого князя Бориса и продолжается упоминанием о Всеславичах, полоцких князьях, потомках Рогволода, а далее объясняется причина вражды между ними и «Ярославлими внуками». С этой целью приводится во многом легендарная история о неудачном сватовстве Владимира Святославича к дочери полоцкого князя Рогнеде, ее отказе и вызванным им походе Владимира на Полоцк, убийстве князем Владимиром Рогволода и насильственной женитьбе нашего героя на Рогнеде. Недовольная мужем, Рогнеда однажды замыслила его зарезать, но Владимир был начеку, предотвратил покушение и отослал от себя Рогнеду, дав ей со старшим сыном Изяславом город Изяславль. Рассказ оканчивается нелогичными — с позиций современной логики — словами: «И оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ»²⁴, — ну, при чем здесь Ярослав, вообще не упомянутый в повествовании о взятии Полоцка, женитьбе

---

²¹ Лихачев Д.С. Комментарии // ПВЛ. С. 477.

²² НПЛ. С. 68, 274.

²³ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Его же*. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 362–363.

²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 299–301.

Владимира и последующей ссылке Рогнеды с Изяславом, скажет современный читатель? Впрочем, логика средневекового человека была все же иной, чем современного.

В этом повествовании Лаврентьевской летописи ученые (А.А. Шахматов, Д.С. Лихачев) находили немало несообразностей и нелогичных мест²⁵. Не было, кажется, объяснено и помещение его в данном месте Лаврентьевского свода. Вовсе не претендуя на объяснение всего этого, замечу, что в следующей за статьей 1128 г. краткой статье 1129 г. лапидарно сообщается: «В то же лето поточи Мстиславъ князи полотьские Царюгороду с женами и с детьми»²⁶. На мой взгляд, об истории с Рогнедой и малолетним Изяславом (родоначальником полоцких князей) северорусский летописец вспомнил через полтора века для того, чтобы обосновать самовластное деяние Мстислава, правнука Ярослава. В его понимании Русь принадлежит Ярославичам, и полоцкие князья были наказаны за непослушание их главе Мстиславу.

В последней четверти XII в., как отмечалось историками, летописные упоминания о Ярославе приобретают иной характер. Имя фактического основателя династии превращается в орудие междоусобной борьбы княжеских кланов за Киев, южную Русскую землю и верховенство в государстве. Именем Ярослава освящаются порядки в обществе и структура государства, как существовавшие в действительности, так и те, желаемые, к которым стремились соперники. По мнению многих князей из клана Мономашичей, их наследственные права на Киев и Русскую землю утверждены самим Ярославом и являются исключительными.

В 1174 г. смоленские Ростиславичи (из Мономашичей), борющиеся с Андреем Боголюбским, дали Киев своему двоюродному брату Ярославу Изяславичу. Тогда глава Ольговичей Святослав Всеволодович напомнил ему о заключенном между ними соглашении: «Рекль бо еси, оже я сяду въ Киеву, то я тебе наделю, пакы ли ты сядеши въ Кыеве, то ты мене надели; ныне же ты сель еси, право ли, криво ли, — надели же мене»²⁷, — т. е. потребовал надела («части») в южной Русской земле. Обращают на себя внимание слова: «право ли, криво ли», которыми Святослав выразил сомнение в отчинном праве Мстиславичей на Киев.

---

²⁵ Лихачев Д.С. Комментарии. С. 448–449.

²⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 301.

²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 578.

«Он же (Ярослав. — *Н. К.*) поча ему молвити: „Чему тебе наша отчина? Тобе си сторона не надобе“». Убежденный в своих бесспорных династических правах на наследие Ярослава Мудрого, «Святослав же поча ему молвити: „Я не угринь, ни ляхь, но одного деда есмы внуци, а колко тебе до него (Киева. — *Н. К.*), только и мне“». После этого он сумел выгнать Ярослава Изяславича и вокняжился в стольном граде: «Святослав въеха въ Киевъ, и седе на столе деда своего и отца своего»²⁸ — покорный князю летописец поддержал версию о его отчинном праве на Киев. Впрочем, это право Ольговичей было действительно равным праву Мономашичей.

В словах Ярослава Изяславича о том, что Святославу «си сторона (т. е. правая сторона Днепра. — *Н. К.*) не надобе» и в ответе Святослава Всеволодича «я не угринь, ни ляхь...» речь идет о событиях полуторавековой давности — 1026 года. К началу 20-х гг. XI в. Ярослав Владимирович, казалось бы, прочно утвердился на киевском столе. Однако в 1023 или в начале 1024 г. княживший до того в Тмуторокани его брат Мстислав, воспользовавшись отсутствием в Киеве Ярослава, предложил свою кандидатуру киевскому вечу: «Ярославу сущю Новегороде, приде Мьстиславъ ис Тьмутороканя Киеву, и не прияша его кыяне. Онъ же, шедь, седе на столе Чернигове»²⁹. Соперничество за Киев между Ярославом и Мстиславом Владимировичами привело к компромиссу между ними. По свидетельству Повести временных лет, Ярослав «створи мирь с братом своим Мьстиславомъ у Городьця. И разделиста по Днепръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону. И начаста жити мирно...»³⁰. Действительно, Ярославу пришлось в 1026 г. пойти на раздел южной Русской земли с братом, счастливо одержавшим верх над ним в битве у Любеча в 1024 г. Лишь когда в 1036 г. Мстислав скончался в Чернигове, «перяя власть (во-лость. — *Н. К.*) его всю Ярославъ, и бысть самовластець Русьстей земли»³¹.

Раздел Южной Руси 1026 г. был как будто эпизодом в междукняжеской борьбе за стольный град. Тем не менее, он оставил глубокий след в родовой памяти Рюриковичей, да и всего, вероятно,

---

²⁸ Там же.

²⁹ ПВЛ. С. 64.

³⁰ Там же. С. 65.

³¹ Там же. С. 66.

феодалного общества Руси. И след этот весьма причудливо отразился в их сознании. Ведь и Ярослав, и Мстислав были сыновьями одного отца, Владимира; кроме того, Мстислав умер бездетным, поэтому все последующие Рюриковичи (кроме полоцких князей) были Ярославичами, имея теоретически равные права на его наследие.

В 1194 г. скончался киевский князь Святослав Всеволодович (Ольгович), с 1181 г. управлявший Южной Русью совместно с Рюриком Ростиславичем (Мономашичем). Дуумвират глав двух могущественных княжеских кланов полтора десятка лет поддерживал относительную политическую стабильность в регионе. После смерти соправителя Рюрик формально сделался «отцом и господином» южнорусским князьям. Однако утрата паритета между княжескими кланами Ольговичей и Мономашичей (летопись зовет последних «Володимирово племя») привела к новому обострению давнего соперничества за Киев между ними.

В следующем 1195-м году, согласовав свои действия с владими́ро-суздальским князем Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо («старейшим» тогда в Русской земле), Рюрик и Давид Ростиславичи потребовали от черниговского князя Ярослава Всеволодовича и других Ольговичей «не искати отчины нашея Києва и Смоленска под нами и под нашими детми и подо всимъ нашимъ Володимиримъ³² племенемъ: како насъ розделилъ дедъ нашъ Ярославъ по Дънепръ, а Києвъ вы не надобе»³³. Несколько подробнее Ростиславичи излагают свои взгляды на наследство Ярослава Владимировича в поздней Воскресенской летописи: «Якоже розделилъ есть прадедъ нашъ великий Ярославъ, по Днепръ далъ вамъ, а Києвъ вы не надобе»³⁴.

Следует отметить, что и Всеволод Юрьевич, и Ростиславичи принадлежали к большому и разветвленному клану Мономашичей. Обиженные Ольговичи пожаловались Всеволоду: «Ажь ны еси вменилъ (ты. — Н. К.) Києвъ тоже ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то в томъ стоимъ... то мы есмы не угре, ни ляхове, но единого деда есмы внуци»³⁵, следовательно, имеют равные с Мономашичами права на стольный град Руси. Од-

---

³² Владимира Мономаха.

³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 688.

³⁴ Там же. Т. VII. Воскресенская летопись. СПб., 1856. С. 104.

³⁵ Там же. Т. II. Стб. 688–689.

нако Ольговичи, если верить Воскресенской летописи, сделали при этом многозначительное замечание: «При вашемъ животе не ищемъ его (Киева. — *Н. К.*), ажь по васъ кому его Богъ дастъ»³⁶. Иначе говоря, Ольговичи покоряются силе и обещают при жизни Ростиславичей и, главное, Всеволода Большое Гнездо, не пытаться захватить Киев, но вовсе не исключают (контекст замечания носит скорее угрожающий характер) для себя возможности овладеть им в будущем.

В записи Киевской (и зависимой от нее в данном случае Воскресенской) летописи 1195 г. явно видна попытка Мономашичей изменить историческую память: выдать Ольговичей за потомков умершего бездетным Мстислава Ярославича. Перед нами — сознательное и целенаправленное искажение родовой памяти, манипулирование ею в политических целях: в межклановой борьбе за Киев и власть в Русской земле.

В XIII в. на Руси силы централизации ослабеют, Древнерусское государство все глубже погружается в пучину удельной раздробленности. Ольговичи все настойчивее принимают «искать» Киев, где сидел глава Ростиславичей-Мономашичей Рюрик. Но и с наступлением XIII века родовая память об «отчине» Ярославичей будет использоваться в политическом соперничестве между княжескими кланами — и внутри этих кланов.

В 1201 г. «князь великий Всеволодъ Гюргевичъ внукъ Володимерь Мономаха» послал «сына своего Ярослава в Переяславль в Русьский княжить на столь прадеда и деда своего»³⁷. При этом суздальский летописец не забывает упомянуть о том, что сам Всеволод является внуком Владимира Мономаха, их прадедом же, следовательно, — Ярослав Мудрый. Итак, речь вновь идет о государственном наследии последнего.

Когда же в 1207 г. Ольгович — Всеволод Чермный вместе с половцами «пришед седе в Кыеве... слышавъ великый князь Всеволодъ Гюргевич, внукъ Володимерь Мономаха, оже Олговичи воюют с погаными землю Рускую и сжалися о томъ и рече: „То ци темь (Ольговичам. — *Н. К.*) отчина»³⁸ одним Руская земля, а нам не от-

---

³⁶ Там же. С. 463; ПСРЛ. Т. VII. С. 104.

³⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 416.

³⁸ Речь идет, естественно, об отчине Мономаха, внука Ярослава, которую Мономашичи считали исключительно своей, как и в последующей цитате из Лаврентьевской летописи под 1214 г.

чина ли?“ И рече: „Како мя с ними Богъ управить, хочю поити к Чернигову“»³⁹. Всеволоду Юрьевичу не удалось тогда изгнать Всеволода Чермного из Киева (откуда тот вытеснил Рюрика Ростиславича), однако и он, и его сыновья сохранили владения и влияние в южной Русской земле. В 1214 г. его сын Юрий вывел из Москвы своего брата Владимира и «посла и в Руский Переяславль на столь на отчину свою»⁴⁰. Не приходится сомневаться в том, что в двух последних случаях речь идет о все той же отчине Ярослава.

Память о Ярославе на Руси на исходе XII в. ярко отразилась в «Слове о полку Игореве», созданном в конце этого века (по предположению Д.С. Лихачева, в 1188 г.). Уже в зачине героической песни читаем, что Боян «преди песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу⁴¹, иже зареза Редедю предь пълкы касожьскими»⁴². А далее в памятнике говорится: «Были вечи Трояни, минула лета Ярославля, были пльци Олговы, Ольга Святъславличя»⁴³. Комментируя текст, Д.С. Лихачев пишет: «Эти слова следует понимать так: „были языческие времена, наступили времена Ярослава, были и походы Олега Святославича“». Ученый думал, что в них намечены три этапа древнерусской истории: языческие времена, время Ярослава — христианской и единой Руси — и время усобиц, разжигавшихся Олегом Святославичем⁴⁴.

Подобно Лаврентьевской летописи, певец «Слова» вспоминает об усобицах между Ярославичами и полоцкими князьями: «Ярослави и вси внуци Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени»⁴⁵. Так, «Слово» призывает прекратить вековые распри между Ярославичами и полоцкими Всеславичами. «Летопись противопоставляет полоцких князей другим русским князьям, называя последних Ярославичами», — резонно замечает Д.С. Лихачев⁴⁶.

³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 429–430.

⁴⁰ Там же. Стб. 438.

⁴¹ Родному брату Ярослава.

⁴² Слово о полку Игореве / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 9.

⁴³ Там же. С. 15.

⁴⁴ Там же. С. 408.

⁴⁵ Там же. С. 25.

⁴⁶ Там же. С. 451.

А вот Владимир Святославич назван в «Слове о полку Игореве» всего однажды: «Почнемъ же, братие, повесть сию отъ стараго Владимирера до нынешняго Игоря»⁴⁷. Здесь, можно думать, обозначены хронологические рамки содержания памятника. Еще одно упоминание о Владимире в «Слове»: «Того стараго Владимира нельзе бе пригвоздити къ горамъ киевськимъ»⁴⁸ — глухо и неясно. Возможно, оно относится к другому Владимиру — Мономаху.

С немалой долей условности можно сказать: в памятниках письменности XI в. Русь принадлежит Владимиру, а XII в. — Ярославу. На память о Ярославе во многом опирается социально-политическая жизнь Руси XII в., отношения между князьями, ею обосновываются владения его потомков, следовательно, — историческая память. Думаю, не правы те историки, которые считают, что время Ярослава было не более, чем естественным и последовательным продолжением времени его отца Владимира. Например, в книге современного исследователя можно прочесть, что ряд Ярослава 1054 г. не внес ничего нового в политико-административную структуру Руси⁴⁹.

Тщетно искать имя Ярослава в Галицко-Волынском своде XIII в. В междоусобной борьбе местных князей за Галич и верховную власть в Галицко-Волынской Руси соперники обращались к более близким по времени образам: Владимира Мономаха и его «внука» (праправнука) Романа Мстиславича. Традиция опираться на имя Ярослава в государственных делах в Галицко-Волынской Руси как будто прервалась. И все же события времени Ярослава дважды упоминаются в галицко-волынской летописи.

В начале 1230-х гг. произошло несколько заговоров галицких бояр против князя Даниила Романовича, имевших целью устранить его с престола, а то и лишить жизни. Однажды бояре сговорились с двоюродным братом Даниила князем Александром белзским убить своего князя. Однако шутливая проделка брата Даниила Василька, выхватившего меч и замахнувшегося на кого-то из присутствующих, напугала заговорщиков: «И побегшимъ имъ, яко и оканный Святополкъ»⁵⁰. Дабы максимально усилить свою филиппику про-

---

⁴⁷ Там же. С. 10.

⁴⁸ Там же. С. 26.

⁴⁹ Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 86.

⁵⁰ Галицько-Волинський літопис / За ред. М.Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 93.

тив преступных заговорщиков-бояр Молибоговичей, галицкий писатель прибегнул к наиболее сильному сравнению из арсенала древнерусских книжников: сравнил заговорщиков со зловеще знаменитым в средневековье на Руси Святополком Окаянным.

Образ Каина в Галицко-Волынском своде использован также для обличения главы боярской оппозиции Жирослава, оклеветавшего тестя Даниила, галицкого князя Мстислава Удатного. Клевета была изобличена, «князю же обличившю ему Жирослава, и гна и отъ себе. Яко же изгна Богъ Каина отъ лица своего, рекый: „Проклять ты буди“». Продолжение этого текста («да не будетъ ему пристанка въ всехъ земляхъ Рускихъ и въ Угорскихъ, ни в кыхъ же странахъ...»)⁵¹ обнаруживает большое и, думаю, непосредственное влияние рассказа о скитаниях и смерти Святополка в 1019 г. в Повести временных лет⁵².

Таким образом, Ярослав и его эпоха оставили глубокий и яркий след в сознании современников, людей второй половины XI, XII и, в какой-то мере, XIII вв. В источниках об этом сказано далеко не всегда впрямую, и у меня нет уверенности в том, что мною хоть в малой степени эта тема исчерпана.

---

⁵¹ Там же. С. 88.

⁵² ПВЛ. С. 64.

Список сокращений

- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
ВВ — Византийский временник
ВЕДС — Восточная Европа в Древности и Средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции
ВИ — Вопросы истории
ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г. — Древнейшие государства на территории СССР): Материалы и исследования
ДИ — Древнейшие источники по истории Восточной Европы (до 1991 г. — Древнейшие источники по истории народов СССР)
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИСССР — История СССР (ныне — Отечественная история)
КСИИМК — Краткие сообщения Института Истории материальной культуры
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950
ОИ — Отечественная история
ПВЛ — Повесть временных лет / Подг. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлова; отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ПСИНЦВИ — Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Сб. ОРЯС — Сборник «Отделения русского языка и словесности» императорской АН
СлРяз — Словарь русского языка XI–XVII веков
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы
LMA — Lexikon des Mittelalters. München; Zürich
MGH Capp. — Monumenta Germaniae Historica, Capitularia regum Francorum
MGH SRG — Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis recusi
MGH SRG NS — Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Germanicarum, Nova series
MPH NS — Pomniki dziejówé Polski. Monumenta Poloniae Historica, Nova series

Научное издание

Ярослав Мудрый и его эпоха

Издательство «Индрик»

Оригинал-макет *И. В. Заика*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by

e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

or by tel./fax: +7 095 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Times». Печать офсетная.

13,5 п. л. Тираж 300 экз. Заказ № 2384

Отпечатано с оригинал-макета

в ППП «Типография „Наука“».

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6